

Благотворительный фонд поддержки
слепоглухих «Со-единение»

Слово

на ладони

*Сборник по итогам литературного конкурса
для слепоглухих (и о слепоглухих)
«Со-творчество»*

При поддержке Canon Россия

Москва

ЛитГОСТ

2022

УДК 821.161.1
ББК 84
С 48

Предисловия
Наталья Соколова
Анна Голубкова

Послесловие
Ирина Поволоцкая

Составитель и редактор
Владимир Коркунов

Обложка
Сергей Ивкин

С 48 Слово на ладони

Сборник по итогам конкурса для слепоглухих (и о слепоглухих) «Со-творчество» / Слово на ладони. – М.: ЛитГОСТ, 2022. – 306 с. – («Со-единенные»)

ISBN 978-5-6046940-3-9

В книгу по итогам третьего литературного конкурса «Со-творчество» вошли лучшие произведения слепоглухих поэтов, прозаиков и эссеистов (как тотально слепоглухих, так и имеющих остаточное зрение и/или слух), а также тексты о слепоглухих/слепоглухоте зрячеслышащих авторов.

© Авторы, 2022
© Соколова Н. Д., предисловие, 2022
© Голубкова А. А., предисловие, 2022
© Поволоцкая И. М., послесловие, 2022
© Ивкин С. В., обложка, 2022
© ЛитГОСТ, макет, 2022

ISBN 978-5-6046940-3-9

Свет на кончиках пальцев

Конкурс «Со-творчество» уже можно считать традиционным, и новый сборник лишнее подтверждение тому, как важно для слепоглухих людей внимание. Конечно, в первую очередь – это соревнование (в котором бывают и выигравшие, и проигравшие), но куда важнее атмосфера конкурса, атмосфера приятия; общность и единое поле творчества, в котором все рядом – на соседних страницах.

Мы посчитали: ежегодно в «Со-творчестве» участвуют десятки слепоглухих людей. В 2019 году – 41 человек (в сборник вошли 29), в 2020-м – 45 человек (в сборнике – 32). Третий сезон собрал чуть меньше слепоглухих участников: 37 человек (в сборнике – 34, общий уровень растёт), зато общее число присланных работ составило 134 заявки – больше, чем за два предыдущих года в сумме! Так сыграла номинация «Произведения о слепоглухих/слепоглухоте». То, что о слепоглухих людях написали так много произведений, – несомненный успех.

Творчество слепоглухих людей вообще – это совсем не само-терапия, хотя и может быть ею. Это полноценный мир, с внутренними сюжетами, образами. Кто-то из слепоглухих пишет постоянно, годами шлифуя стиль, кто-то «просыпается» в канун очередного конкурса. (И это ещё раз говорит о его нужности.) В некотором смысле, пространство сборника – социальная литературная сеть его участников, попав в которую, не хочется уходить. Потому из года в год в конкурсе принимает участие один и тот же костяк участников, который то прирастает новыми конкурсантами, то сбрасывает «балласт», ведь творчество – это не для случайных людей.

Отрадно видеть, как год от года растёт мастерство участников. Михаил Кременецкий в первый год не попал в итоговый сборник, потом добрался до шорт-листа, а на этот раз стал лауреатом II степени. Алёна Капустьян в минувшем конкурсном сезоне только де-

Литературный конкурс «Со-творчество»

бютировала, а сейчас прислала работы во все номинации (кроме общей – для всех желающих). Галина Ушакова и вовсе совершила настоящий прорыв – тоже дотянулась до звания лауреата, и едва не в двух номинациях!

Таким образом, конкурс в некоторой степени становится литературной школой без непосредственных занятий. Известно же, что стимул сделать своё дело лучше и доказать жюри и самому себе – может творить чудеса.

Какие задачи мы можем поставить перед конкурсом? Привлечь больше слепоглухих людей, помочь им войти в контекст профессиональной литературы (где бы их публиковали не потому, что они слепоглухие, а потому, что они достойны), может быть, провести курсы для лучших. Изменить формат, чтобы придать больше жизни конкурсу. Посмотрим, какие идеи нам удастся воплотить.

А пока мы можем констатировать – третье «Со-творчество» состоялось. Стало ли оно самым ярким – вопрос. Но абсолютно точно более профессиональным. Фонд «Со-единение» и дальше будет поддерживать творческие инициативы слепоглухих людей, потому что мы чувствуем отдачу, мы понимаем (вы даёте нам это понять), что конкурс нужен. И это не даст нам остановиться.

Искренне благодарю генерального партнёра конкурса, компанию Сапон Россия, которая сделала возможным третье «Со-творчество». Света (на подушечках пальцев, но и в душах!) в этом мире стало немного больше. Все мы к нему – больше или меньше – причастны. В том числе и вы, дорогие читатели, когда впустили свет этих слов в свой мир.

Наталья СОКОЛОВА,
исполнительный директор Фонда «Со-единение»

Другое измерение

Человек живет в привычном мире. Как правило, он опасается выходить за известные границы и в то же время одновременно стремится их раздвинуть, чтобы расширить рамки своего личного опыта. И здесь на помощь приходит литература – как художественная, так и познавательная. Именно она дает возможность преодолеть ограниченность собственного опыта и познать принципиально иное измерение. И в этом отношении, конечно, эта книга, составленная по результатам третьего литературного конкурса для слепоглухих (и о слепоглухих) «Со-творчество», кажется особенно интересной. Очень важно, на мой взгляд, что здесь нет жесткого разделения: и в составе сборника, и в составе жюри есть и слепоглухие, и зрячеслышащие люди. Важно так же, что сборник стал результатом литературного конкурса, что был произведен отбор, позволяющий выделить более профессионально и интересно написанные тексты. В конечном итоге, на мой взгляд, получился не жест сострадания, а: приглашение к равноправному диалогу и возникшая потребность во взаимном понимании, в способности найти точки соприкосновения. А ведь это то, что необходимо всем людям, какими бы они ни были, это то, что объединяет нас всех.

В конкурсе были четыре номинации: «Поэзия», «Проза», «Эссе/публицистика» (для слепоглухих участников), «Тексты о слепоглухих/слепоглухоте» (для всех желающих). Лауреаты, участники шорт-листа и лонг-листа опубликованы в этом сборнике.

В поэтическом разделе можно выделить три типа высказывания. Первый, несколько неожиданный, но на самом деле очень даже закономерный – ориентация на поэтический канон и классическую традицию стихосложения. Замечательные стихи Евгении Смоленской, которые и победили в конкурсе, именно такковы. Во-первых, они очень музыкальны, их сразу хочется положить на музыку и услышать в виде романса. Во-вторых, они очень яркие и, если так можно выразиться, зрелищные:

Капли тёмно-сиреневых туч –
Я хочу их насыпать в ладони,
Вспыхнет свет на седом небосклоне,
Нанизав эти капли на луч.

Поэт прекрасно работает со звуком и цветом, причем находит такие сочетания, которые заставляют читателя по-новому взглянуть и на явления природы, и на фонетические возможности стихотворной строчки.

Стихи второго лауреата, Алексея Пижонкова, вдохновлены различными историями – испанской корридой, новым ржевским монументом. Завершает подборку стихотворение о вдохновляющей силе любви: «Словно листик на ветру, безволен / В вихре чувств у ног твоих кружусь. / Я тобой неизлечимо болен / И того нисколько не стыжусь».

Великой Отечественной войне посвящены стихи Александра Нелюбина. О Чеченской войне написал Аркадий Грязев. Стихотворная сказка Максима Чёрного напоминает не только пушкинскую «Сказку о золотом петушке», но и стихотворную пьесу «Про Федота-стрельца, удалого молодца» Леонида Филатова. Здесь поэт тоже обращается к хорошо и давно работающей литературной традиции. Любовь Малофеева пишет о любви и тайном смысле обыкновенных слов. Счастью разделенной любви посвящены стихотворения Михаила Кременецкого и Дмитрия Суркова. Карина Жакова пишет о разлуке – и с любимым человеком, и с любимой собакой. Стихотворение Светланы Михайловой о радостном ожидании тоже вполне может стать романсом. А завершает поэтический раздел стихотворение Альбины Снежко, посвященное советскому детству и тем милым реалиям, которые уже ушли в далекое прошлое.

Ко второму типу поэтических высказываний можно отнести стихи, авторы которых по памяти пишут об окружающем мире, который в их стихах предстает особенно прекрасным. Например, Ольга Семененко вспоминает о городе своего детства: «Мне часто снится южный город, / Где раннею весной в садах / Цветет урюк, лишь зимний холод / Поспешно спрячется в горах».

Галина Ушакова рассказывает о том, как постепенно выцветает окружающая реальность, оставляя после себя только воспомина-

ния: «И вот гаснет зрение мое, / Белым залито все вокруг. / Только сердце хранит упрямо / И цвета, и лица / В памяти».

Или вот в другом стихотворении показано медленное исчезновение цвета и очертаний предметов, вместо которых на первый план выходят запахи. И читатель вместе с героиней стихотворения совершенно по-новому начинает видеть оттенки цветов:

Цвета?
Только белый и черный.
И все оттенки серого.
Но в памяти прячутся цвета
Родных глаз,
Неба аквамарин, реки сапфир,
Крови киноварь,
Земли умбра
И изумруд трав, радуга цветов –
И сильнее, сильнее
Запахов власть.

О желании вернуть привычные способы получения информации пишет Татьяна Кирьянова: «Как же хочется мне снова видеть и слышать...» Об исчезновении зримого и слышимого мира сожалеет Ирина Экимашева: «А город продолжает жить, и в темноте, / И где-то рядом люди ходят. / Какая разница, при свете иль во тьме, / Днём вижу – только тени бродят».

Стихи третьего типа напрямую представляют читателям новый для них опыт существования в другом измерении, с иными способами общения и восприятия реальности. Здесь прежде всего следует упомянуть стихотворение бразильского поэта Алекса Гарсии, третьего лауреата конкурса, которое опубликовано в переводе Анны Орлицкой. Гарсия пишет о своих уникальных переживаниях, которые должны быть поняты и приняты читателями именно как переживание абсолютно иного опыта:

Я мечтаю, что однажды... я распространю идею,
что «одиночеством», которое навязывает нам слепоглухота,
можно наслаждаться, потому что мы перестанем бояться себя.

Поэт говорит о сложности коммуникации, о преодолении одиночества и одновременно о его принятии, о катастрофической

нехватке в мире добра и любви и о своей надежде на то, что это когда-нибудь удастся преодолеть:

Я мечтаю, что однажды... мои мечты изменят будущее.
Я мечтаю, что однажды... человечество станет человеческим.

Алёна Капустьян, тоже лауреат конкурса III степени, противопоставляет в своих стихах мир, каким он должен быть «на самом деле», и свое восприятие окружающей реальности: «В моих глазах всегда свет – / Я не вижу ночь...»

Она много пишет и о тишине, которая с одной стороны ограничивает, а с другой – способствует созерцанию, причем наиболее полному, потому что человек в данном случае видит не глазами, а как бы всей своей внутренней сущностью: «Ночь. Спокойно сидеть у ручья – / Природа спит... / Сидеть в лотосе в полной тишине – / Настоящее созерцание».

Важна для Алёны Капустиной и тема тактильности, которая связывает ее с окружающим миром и дает возможность по-настоящему, без ограничений беседовать с родными и близкими: «Под кончиками моих пальцев / Весело бегут точки брайля по строке, / Как ручей по лесной проталине».

Интересно, что в сборнике опубликованы фотографии лауреатов и авторов, попавших в шорт-лист и лонг-лист. Зрячелышащие читатели их могут увидеть, могут представить облик авторов этих произведений. А слепоглухие – только почувствовать текст кончиками пальцев. Но самое главное тут то, что и те и другие могут общаться, передавать друг другу свои мысли и чувства, что на самом деле то одиночество, о котором написал Гарсия, оказывается хотя бы частично преодолимым. И за это, конечно, нельзя не поблагодарить современные технологии, которые позволяют восполнять то, что недодано или отобрано природой.

До сих пор речь шла преимущественно о стихах, однако не менее интересен и прозаический раздел сборника, причем некоторые авторы, со стихами которых читатель уже познакомился в первой части, представлены и во втором разделе, и в третьем, посвященном эссеистике. Здесь гораздо больше произведений, рассказывающих о жизни авторов и близких им людей. Вера Филатова описывает реабилитационный центр для людей с ограничен-

ными возможностями здоровья. Любовь Молодых рассказывает о том, как сложно вести хозяйство незрячей, но при этом еще хоть что-то слышащей женщине. Второй ее рассказ о потере зрения и слуха назван «Хомячок в шаре», этот емкий образ очень доступно и понятно описывает ощущения героини. Но при этом рассказ вовсе не трагичен, потому что речь в нем идет о любви, побеждающей все препятствия. Об этом же — о трудной и такой прекрасной любви — пишет Галина Ушакова в рассказе «Улыбка Елены». Очень часто герои этих произведений так хорошо ориентируются в окружающей их реальности, что их особенности не очень заметны читателю, как это происходит, к примеру, в рассказе Арины Денъмухамедовой «Отдыхающая бабуля». А если с героем происходит что-то неправильное, ему непременно помогут — об этом рассказ Василия Малеева «Приключения на тракторе». О чем-то подобном пишет и Сергей Новожеев в рассказе с говорящим названием «Жить как все!»

Александр Галан в «Шайтан-колдце» описал случай на даче, а Виталий Рольшиков создал небольшой цикл поучительных сказок для детей. В обоих произведениях не упоминаются ограниченные возможности здоровья, и для прозаического раздела это скорее исключение. Интересно, что в стихотворном разделе наблюдается совершенно другая картина — там исключением являются стихи с прямым упоминанием слепоглухоты. Еще два произведения этого раздела выстраивают своеобразный мостик к следующей номинации «Эссе/публицистика». Михаил Кременецкий в рассказе «Это родина Моя» очень трогательно описал свои отношения с Астраханью. Два прозаических фрагмента о детстве Алёны Капустьян создают у читателя теплое лирическое настроение.

В третьем разделе чаще всего встречаются семейные воспоминания. Это тексты Любви Малофеевой «Война в истории моей семьи», Михаила Кременецкого «Второе рождение», Валентины Васильевой «Все мы родом из детства», Владимира Рачкина «Личная страница в книге о войне», Веры Лыженковой «Краткие автобиографические истории». В цикле Ирины Жуковой «Унывать не дают приключения» собраны бытовые сценки и детские диалоги. Андрей Марков приглашает читателей прогуляться по страницам своих мемуаров. Елена Какорина в очерке «Спасибо, Гелен-

Литературный конкурс «Со-творчество»

джик!» вспоминает о прежних и нынешних посещениях этого курорта и сравнивает свои впечатления. Уже встречавшаяся в двух предыдущих разделах Алёна Капустьян поэтически описывает ощущения от моря – причем каждое море у нее разное, со своим особым характером и отношением к героине повествования. Валентина Серегина в очерке «Дорога памяти» рассказывает о помощи слепоглохим и вспоминает Сергея Сироткина и его методику реабилитации. Владимир Елфимов рассказывает о синдроме Ушера и о том, как ему удалось при помощи современных технологий наладить коммуникацию с людьми. А шведский участник конкурса Турнбьёрн Свенссон написал «Открытое письмо мистеру Ушеру» (опубликовано в переводе Наталии Первой), в котором пытается разобраться со своим недугом.

Очень бережно и трепетно подошли к теме слепоглухоты зрячеслышащие участники сборника – поэты Надя Делаланд, Олег Дозморов, Сергей Шабуцкий, Любовь Колесник, прозаики Юна Летц, Кристина Курченкова, Елена Смирнова, эссеисты Елена Васильева, Дарья Грицаенко, Анна Рытик, авторы публицистических произведений Анна Демидова, Юлия Крывелёва, Наталья Бесхлебная и другие. Из их произведений становится понятно, что тема обретения взаимопонимания, тема поиска контакта с подлинной реальностью важна абсолютно для каждого человека. Ведь до сих пор философы и медики спорят о том, что именно может увидеть человек вокруг себя и насколько человеческий мозг способен поменять представления об окружающем мире. Что мы видим? Насколько то, что мы видим, соответствует «реальности»? Есть ли у нас возможность прикоснуться к подлинному? Задуматься над этим как раз и помогает этот сборник.

Анна ГОЛУБКОВА,
кандидат филологических наук

НОМИНАЦИЯ «ПОЭЗИЯ»

Лауреат I степени

Евгения Смоленская (*Москва/Троицк*)

Лауреат II степени

Алексей Пижонков (*Казань*)

Лауреаты III степени

Алекс Гарсия (*Сан-Луис-Гонзага, Бразилия*)
перевод с португальского Анны Орлицкой

Алёна Капустьян (*Мытищи*)

Шорт-лист

Александр Нелюбин (*Челябинск*)

Максим Чёрный (*Люберцы*)

Ольга Семененко (*Ленинградская область*)

Любовь Малофеева (*Ижевск*)

Галина Ушакова (*Сочи/Кингисепп*)

Михаил Кременецкий (*Астрахань*)

Карина Жакова (*Брянск*)

Лонг-лист

Светлана Михайлова (*Уфа*)

Татьяна Кирьянова (*Екатеринбург*)

Ирина Экимашева (*Псков*)

Дмитрий Сурков (*Челябинск*)

Аркадий Грязев (*Верхний Уфалей*)

Альбина Снижко (*Москва*)

Евгения Смоленская

Москва/Троицк

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Я хочу говорить о дожде

Я хочу говорить о дожде:
О весёлом, апрельском и гулком,
Как смеются ручьи в переулках,
И топорщатся лужи везде.

Капли тёмно-сиреневых туч —
Я хочу их насыпать в ладони,
Вспыхнет свет на седом небосклоне,
Нанизав эти капли на луч.

Я хочу тебе дождь рассказать...
Пусть слова все не те... Ты послушай!
Дождь струится спокойствием в души,
Чтобы солнцу счастливей сверкать.

Ах, эта ночь!

Ах, эта ночь! Янтарный свет луны
На берегу задумчивого моря,
И тихий шёпот ласковой волны,
Исполненный и радостью, и горем.

Простите, что пришла сюда сама...
Да, я всё помню... Да, я вам не пара...
Но я не к вам, свела меня с ума
Знакомая мелодия гитары.

Сесть с вами рядом? Можно, не сейчас?
Здесь лучше видно ваших глаз сиянье...
Ах, эта ночь! Вы пойте... Ваш романс
Я буду слушать, затаив дыханье.

Спасибо. Нет, я не хочу вина,
Меня пьянит морской солёный ветер.
Мы выпьем с вами эту ночь до дна
За то, что вы один такой на свете.

Пусть перебор сливается с волной,
Когда всего не выразить словами...
Чтоб на рассвете я пришла домой,
Навеки околдованная вами.

Размышления

*Яснеет душа переменами неозлобимая,
Друзей, не понявших и даже предавших – прости,
Прости и пойми, если даже разлюбит любимая,
Серёжкой ольховой с ладони её отпусти.*

Евгений Евтушенко

Сквозь ветер и шум поездов всё как будто бы сложное
Давно оказалось в летах до смешного простым.
Когда все обиды растаяли, канули в прошлое,
Над лесом и степью рассеялся призрачный дым.

И юность давно не тревожит мечтами разбитыми,
Ведь прежних не склеить, а новых уже не найти,
А поезд летит, остаются окошки открытыми,
Но ветер шальной не сбивает, как прежде, с пути.

Чем пасмурней небо и день беспокойный дождливее,
Тем ярче расцветится радуга вспышкой лучей.
Как странно!.. Теперь, чтобы стало теплей и счастливее,
Довольно искры вместо тысячи жарких свечей.

А я по-прежнему легко живу

А я по-прежнему легко живу
В своём заоблачно-лазурном мире,
Завесив окна снами наяву
В уютно-тёплой городской квартире.

Где каждый вечер трепетно звучат
Красивые и нежные романсы,
И муза мне порою невпопад
Диктует странные стихи и стансы.

Где по утрам, дразня рассветный луч,
Летает запах кофе шаловливо.
Всё, как и прежде, среди житейских туч
Я неизменно остаюсь счастливой.

Алексей Пижонков

Казань

*лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

Тореадор

(баллада о Мануэле Гонсалесе)

Гудел Мадрид, как раздражённый улей,
Помехой не был даже сильный зной.
Среди Мигелей, Карлосов и Джулий
Летела новость с птичьей быстротой.
И кто-нибудь, немножечко печалась,
«Да, очень жаль!» – вздохнув, произносил.
В последний раз тореадор Гонсалес
В тот вечер на арену выходил.
Толпа бежала, как собачья свора,
Кровавой жертвы жаждала она...
И только сеньорита Леонора
Дрожит и неестественно бледна...
Любой обет ей кажется напрасным,
Молитва замирает на устах,
Теснится грудь предчувствием ужасным,
И смертная тоска в её глазах...
Ах, этот взгляд, дурманящий без хмеля,
И губы, обещающие рай...
Не ими ль ты пленила Мануэля,
Забывшего друзей весёлый грай,
Забывшего полночные пирушки
И чаровниц призывный омут глаз...
Не ради ль своей маленькой подружки

Он взялся за клинок в последний раз...
Шумит народ, приветствуя кумира,
А он спокоен, собран, величав.
Он здесь король, он здесь владыка мира!
Плащ в боевых отметках на плечах.
А враг могуч и всё сильнее ярится,
От бешенства утраивая пыл...
От рога великана-иберийца
Не каждому уйти достанет сил...
Вот мчится бык, меж ними меньше метра,
Уж неминуем, кажется, исход...
Но нет, не зря он носит званье мэтра!
Гонсалес нападает, колет, бьёт...
Он панике безумной не подвержен,
Рука с клинком, как будто монолит...
Мгновение – и враг его повержен!
Крик тысяч глоток в рёв единый слит.
К нему сейчас устремлены все взоры,
Но он с презреньем смотрит на толпу.
Он ищет взгляд малютки Леоноры,
Что обещала с ним связать судьбу.
Она глядит и веря, и не веря,
Он жив, её возлюбленный герой!
Он одолел чудовищного зверя –
И он принадлежит лишь ей одной!
Творцом её услышаны молитвы,
Теперь конец страданиям, тоске...
Вот победитель беспощадной битвы,
Вот туша великана на песке...
Но, Боже, неужель ей это снится?..
Сжал сердце ужас ледяной рукой...
Зашевелилось тело иберийца...
Он поднялся... Он рядом... За спиной!..
«Ах, обернись» – но друг её не слышит,
Он славой и триумфом упоён...
А смерть уж близко, смерть в затылок дышит,
И жребий Мануэля предreshён...
Потомок диких туров торо браво,

От ярости и боли заревев,
Не посрамил былую рода славу
И в бой последний ринулся, как лев.
Противник глуп, победу торжествует,
Но он недооценивал врага...
Рывок — и сердце бешено ликует, —
Его обидчик поднят на рога!..
И пусть теперь слабей сердцебиенье,
Он слышал в час гибели своей
Соперника предсмертное хрипенье
И крики изумлённые людей...
Мгновение назад они смеялись,
Теперь повсюду тишина стоит...
И некогда тореадор Гонсалес
Над ними в небе ангелом кружит...
Такая вот трагическая шутка,
Таков людской жестокости венец...
Но как же наша бедная малютка?
Расскажем всё, как было, наконец.
Она кричала, билась в иступленьи,
Себе грозилась выстрелить в висок,
Рыдая, опускалась на колени,
И слёзы с кровью смешивал песок...

* * *

«А что потом?» — вы спросите, сеньоры —
Забылось всё, как прошлогодний снег,
И через год на свадьбе Леоноры
Гуляли полтора человека.
Но память не прошла о той корриде,
Запечатлелась в камне на века:
Стоит доныне памятник в Мадриде —
Скульптура человека и быка.
И ты, читатель, если ненароком
Отправишься в сей достославный край,
Постой пред ней в молчании глубоко
И от меня поклон ей передай.

Историческая справка:

В столице Испании, на Пласа де Торо, рядом со зданием арены для корриды «Лас Вентас», воздвигнут памятник молодому тореадору, любимцу публики и победителю многих коррид Хосе Куберо Санчесу. Он погиб совсем молодым: ему был 21 год. Уже после окончания боя смертельно раненный бык собрал оставшиеся силы и в то время, когда гордый победитель стоял перед ликующей публикой, вонзил рог в спину тореро. Рог вошел молодому тореадору прямо в сердце, и тот скончался на месте.

Скульптурная композиция, сделанная из камня, изображает быка, поднимающего человека на рога, а человек в это время взмахивает рукой. Зрители в шоке. Здесь же, над сиротливо брошенным на спинку стула пиджаком тореадора, плачет ангел.

Создатель скульптурной композиции – Луис А. Сангино. Надпись на памятнике гласит: «Тореро умер, и родился ангел».

Эта история и легла в основу баллады, действие которой перенесено в неопределённое время, изменены имена и введена романтическая линия.

Ржев

Кругом асфальт и бегают ребята,
Цветут цветы, деревья прижились.
И нелегко поверить, что когда-то
С шипением снаряды здесь рвались.
Под грохот нескончаемый орудий,
Под пение картечи, пуль-шмелей –
Здесь принимали смерть когда-то люди
И превращались в белых журавлей...
Плывут года, в тумане синем тая,
Жизнь в русло мирное давно вошла.
И только боль, как в небе птичья стая,
Над Русью распростёрла два крыла...

Краткая справка:

В 2020 году неподалёку от Ржева был открыт мемориальный комплекс, посвящённый солдатам, павшим в боях в этой местности во время Великой Отечественной войны.

В центральной части мемориала расположена статуя советского солдата высотой 25 метров. Она установлена на вершине восьмигранного

10-метрового искусственного холма. Молодой воин стоит в гимнастёрке и развешивающимся за спиной плаще-палатке, который полностью окутывает его снизу, переходя в разлетающуюся журавлиную стаю. Птицы закрывают собой опорные металлические конструкции, что создаёт эффект парения статуи в воздухе.

* * *

Не грущу, не злюсь, не сожалею.
Сердце знало, в сердце нету лжи,
Что тобой однажды заболею
И на всю оставшуюся жизнь...
В целом мире не найти лекарства,
Что способно исцелить меня.
За тебя отдал бы и полцарства —
И в придачу белого коня.
За тобою брошусь без оглядки
В бездну ада, к небесам взлечу.
Средства нет от этой лихорадки,
Обращаться не за чем к врачу.
Словно листик на ветру, безволен
В вихре чувств у ног твоих кружусь.
Я тобой неизлечимо болен
И того нисколько не стыжусь.
Вновь недуг бежит по венам с кровью,
Пробуждая жизнь из года в год,
Ибо кто не заболел любовью,
Тот на самом деле не живёт.

Алекс Гарсия

Сан-Луис-Гонзага (Бразилия)

перевод
с португальского
Анны Орлицкой

лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»

Мечты слепоглухого

Я мечтаю, что однажды... я перестану быть таким
«невидимым» для человечества.
Я мечтаю, что однажды... человечество вернет себе
потерянное терпение.
Я мечтаю, что однажды... человечество обретет мудрость
и поймет мой способ общения.
Я мечтаю, что однажды... человечество снова станет близким,
как в древности.
Я мечтаю, что однажды... человечество освободится
от предрассудков и сможет без страха прикасаться ко мне.
Я мечтаю, что однажды... я перестану быть «еще одним
кирпичом в стене», как пела группа Pink Floyd
в песне «Another brick in the wall».
Я мечтаю, что однажды... мне не нужно будет
«пить из одного источника», как сказал Карл Юнг,
один из основателей современного психоанализа.
Я мечтаю, что однажды... человечество перестанет считать
слепоглухоту самым страшным состоянием.
Я мечтаю, что однажды... человечество поймет,
что «быть одиноким» не значит «быть покинутым».
Я мечтаю, что однажды... я распространю идею,
что «одиночеством», которое навязывает нам слепоглухота,
можно наслаждаться, потому что мы перестанем бояться себя.

Я мечтаю, что однажды... я рассею предрассудки о себе,
и в прошлом останется фраза, которую все сейчас
повторяют: «Бедняжка, он же слепоглухой».

Я мечтаю, что однажды... человечество увидит мою сущность,
оценит мою суть и мою борьбу и скажет:
«Вот это да! Он же слепоглухой».

Я мечтаю, что однажды... благодаря мне стыд в сознании людей
перестанет быть инструментом контроля.

Я мечтаю, что однажды... человечество поймет и оценит,
что все люди – божьи создания, равные, пусть и неидеальные.

Я мечтаю, что однажды... я перестану просто «существовать»
и начну «быть».

Я мечтаю, что однажды... я научусь быть «сильным»,
чтобы ничто меня не сломило.

Я мечтаю, что однажды... я буду «собой» и никто обо мне
не забудет.

Я мечтаю, что однажды... мои мечты изменят будущее.

Я мечтаю, что однажды... человечество станет человечным.

Алёна Капустьян

Мытищи

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Поэзия»*

* * *

Устремив взгляд на небо,
Через оконное стекло
Вглядываюсь:
Чистое синее небо,
Как поле васильков...
Солнце уплывает за горизонт,
Лучи задерживаются осветить землю.
Облака замирают, посылая
Прощальный привет
Уходящему солнцу...
Деревья тихо колышут ветвями
И шепчутся с ветром
О красоте заката...

Ночь. Выглядываю в окно:
Вижу не чёрное покрывало ночи,
А синий простор неба,
Озаренный оранжевым светом заката...
По запахам представляю:
Трава блестит от ночной росы,
Природа спит спокойным сном,
Луна серебрит дорогу в лесу...
В третий раз поднимаю голову:
Снова синее небо...

Ночь? Вечер?
В моих глазах всегда свет –
Я не вижу ночь...

* * *

Тихо дремлют деревья,
Трава тихо колыхнется на ветру.
Вокруг тишина,
Только журчит ручей...

Ночь. Лунный свет
Блестками ложится на траву:
Лес окутан серебром.

Ночь. Спокойно сидеть у ручья –
Природа спит..
Сидеть в лотосе в полной тишине –
Настоящее созерцание.

* * *

Под кончиками моих пальцев
Весело бегут точки брайля по строке,
Как ручей по лесной проталине.
Исполняют точки танец,
Меняются местами, прыгают,
Замирают, ожидая команды.
Брайлевский дисплей –
Мой верный живой друг,
Путешествующий со мной везде.
Рассказывает о происходящем в мире,
Передаёт весточки от друзей,
Хранит заметки, стихи и книги,
В минуту одиночества беседует со мной,
Не позволяя замкнуться в себе.

Не забуду его заботу и терпение,
Он, слыша жизнь мира, –
Сразу передаёт мне.
Чиста его совесть –
Не хочет держать меня в неизвестности.
Берегу его, как зеницу ока,
Прячу от капель воды,
Чищу платочком от грязи,
Нежно касаюсь его
Чистыми кончиками пальцев.
Не представляю себя без друга –
Он всему помогает,
Понимает меня,
Слушает моё любое слово.
Отберут его –
Найдёт дорогу ко мне.

Александр Нелюбин

Челябинск

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Любовь в огне войны

(отрывок)

Глава 1

Иван

В то время грянула беда —
Был взорван мир земного шара.
Пылала Родина тогда
В огне фашистского пожара.
Лишь отшумел бал выпускной,
В военкоматы шли ребята.
Они всем классом рвались в бой,
Шли добровольцами в солдаты.
<...>

Глава 2

Сталинградская битва

Тот день, как все, был на войне:
Сильнейший гром артподготовки.
Усталость возросла вдвойне —
В полку нет доукомплектовки.
Войска страдали от потерь,
Людей, машин здесь не хватало.
И приходилось им теперь

Весь фронт держать с тем, что осталось.
А батальон просил огня,
К пехоте танки прорывались.
Иван кричит: «К исходу дня
Одно орудие осталось!»
<...>

Внезапно все произошло.
Война повсюду смерть метала.
Снарядом бруствер разнесло,
Во рву Иван, его не стало...
Засыпало землёю так,
Что даже хоронить не надо.
Порой ночной, замедля шаг,
Шла похоронная команда.
Немецкий штык за шлем задел.
«Майн гот», – земля зашевелилась.
«О, рус Иван». Он встать хотел,
Ивану все не так приснилось.
В Миассе видит дом родной,
Где солнце летнее светило,
Он спит у дома под стеной,
Тяжёлым снегом придавило.
Но летом снег?! Иван замёрз.
Ведь это выглядит нелепо.
Не мог понять сей парадокс,
У нас сейчас зима, не лето.
Он слышит всё как бы сквозь сон,
Отец зовёт: «Иван, спать хватит».
Но встать никак не может он
И что-то спит не на кровати.
Не солнце светит, а фонарь,
Луч бьёт в глаза, пронзая веки.
Ведь наяву... Война. Январь.
Едва жизнь теплит в человеке.
Очнулся он и обомлел:
Два немца на него смотрели:
«О, рус Иван, вставай, зер шнель!»
«Я ранен, это в самом деле?»
<...>

Глава 4

В плену

Врагу был нужен рабский труд.
Под рейхом вся Европа стонет:
Кошмар добычи медных руд
В слезах и воплях пленных тонет.

<...>

Иван увидел в первый раз
Марию в группе вновь прибывших.
Смотрел, не отрывая глаз,
Сквозь робу даже прелесть пышет.
Зачем в забытый Богом край
Сия красавица явилась?
Иль я попал случайно в рай?
А может, фея мне приснилась?
Любовь, как роза, расцвела,
Доверчиво благоухала,
Святых влюблённых подвела,
Любовь войны не признавала.

<...>

Общение у них одно
Живой надеждою являлось.
Терпеть — другого не дано.
О мире лишь мечтать осталось.
— Мой милый Ваня, расскажи,
Какая жизнь придет с победой?
— Мы в чудном мире будем жить,
Крепить страну, как наши деды.
Хочу успеть познать любовь,
Пусть сердце разорвёт на части.
Война прольёт людскую кровь,
Мы отвоюем наше счастье.
Я для тебя построю дом,
Как терем, в комнатах просторно.
Мы заживём с тобой ладом,
Есть деткам бегать где проворно.
<...>

Они стремились вместе быть,
В живой цепи работать рядом,
Друг друга пламенно любить,
Ласкать влюблённым, нежным взглядом.
Иван хотел во всем помочь,
Облегчить труд своей любимой.
Свою усталость превозмочь,
Но труд двойной – невыносимый.

Глава 5 Трагизм в любви

Ужасный день настал для них.
Мария горестно рыдала,
Ведь на работу ждут двоих.
Но где Иван и что с ним стало?
Былые раны дали знать,
И труд чрезмерный отразился.
Фашизм нам, русским, не понять,
Смерть всем, кто утром не явился.
Беда влюбленных в этот миг
Тревогой лагерь охватила.
Француз внезапно выдал клик:
«Помочь Ивану в наших силах».
К Ивану он пришел как друг,
Ведь помощь здесь была желанной.
Все сразу вздрогнули вокруг,
Как вышли трое в позе странной.
Держали русский и француз
Под руки слабого Ивана,
Поставив рядом хрупкий груз
В строю поверки пред охраной.
Мария тут же подошла,
Обняв Ивана, поддержала:
«О, я с ума чуть не сошла», –
В рыданиях трепетно сказала.
«Мой Ваня, миленький, родной,
Ведь без тебя мне так тревожно:

Жить без любимого одной
Ни дня, ни часа невозможно».
Иван ответил сам не свой:
«Сегодня я уж не работник.
А завтра будет что со мной?
Мария, сгинет твой поклонник».
Немецкий конвоир сказал:
«О, русиш, гут, любовь болшая».
Иван за плечи Машу взял,
Они пошли, едва ступая.
Воскликнув: «Гитлеру капут!»,
Жизнь посвятим своей Отчизне.
Иные, чтоб любить, живут,
Они, любя, расстались с жизнью.
В объятьях их тела слились,
Впервые губы губ коснулись,
Влюблённых души взмыли ввысь,
В сеть тысяч вольт они шагнули.
И оба вспыхнули огнём,
Их мощным током поразило,
Сердца влюблённых этим днём
Стрела, навек сомкнув, пронзила.
Трагизм в любви – душа дрожит.
Цените мир! Войны – не надо!
В любви, согласие если жить,
То будет счастье вам в награду.
Победа с нами! Враг разбит!
Пришла к нам радость со слезами.
Влюблённых подвиг не забыт,
Седьмой десяток лет вы с нами.
Террора, мести, гнусных войн
Не дать разжечь – здесь нужен разум.
Один стоит из бронзы воин,
Он защитит всю Землю сразу.

*Челябинск
Сентябрь 2014 г.*

Максим Чёрный

Люберцы

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Сказка о купце Харитоне

(отрывок)

Глава I Царь

Вот ведь, что ни говори,
Тяжело живут цари —
День за днём сплошные нервы.
Да огнём оно гори!

Этот царь был не таков —
Пережил своих врагов
И друзей, и конкурентов,
И давно уже был вдов.

Не роптал о тяжкой доле —
Сто годов уж на престоле,
Не стремился на покой,
И никто не знал — доколе.

Как умел, нёс бремя власти,
Свой народ любил до страсти,
Ну, не так, чтоб весь народ,
Больше в нежной его части.

Раньше, в молодости, он
Был могуч, как дикий слон, —
Всласть помял дворовых девок,
Поменял немало жён!

Да теперь истёрся в хлам,
Всё равно до сочных дам
Царь, в своих поползновеньях,
Прыток был не по годам.

<...>

Ну да бог бы с ним, с царём,
Дело, в общем-то, не в нём.
Дело в юношеской страсти,
Овладевшей старым пнём!

В царстве том жила девица,
Словно бела лебедь-птица,
Распрекрасная Руслана —
Солнца вешнего сестрица.

Рукодельницей слыла,
Пироги пекла, ткала
И с молоденьким купцом
Уж помолвлена была.

Знатен был купец, учён,
Харитоном наречён.
А удачей и умом
На богатство обречён.

Все дела его шли гладко,
Но важней всего достатка
Для него была Руслана,
Чья любовь сильна и сладка!

Но однажды Царь гулял —
У пруда в кустах шнырял...

Вдруг Руслану заприметил
Да рассудок потерял!

Да утратил аппетит,
Спать не может, лишь сидит,
На пузатую Луну
Романтически глядит!

Лишь, намаявшись, ложится,
Но задремлет, сразу снится
Харитонова невеста...
И решил старик жениться!

Не желая в эту ночь
Свою похоть превозмочь,
Царь последние сомненья
Отогнал под утро прочь!

Хоть бессонницу нажил,
Но об этом не тужил –
Словно талию, корону,
Обнимая, вальс кружил!

Улыбаясь, он мечтал
Всех послов созвать на бал,
Как в покои вдруг ввалился
Оголтелый генерал:

«Не казни, дай слово молвить,
Так сказать, свой долг исполнить!
Навалилось столько бед,
Что за раз и не упомнить!

Из недружественных стран
Флот идёт в наш океан,
А по всей степной границе
Наседает басурман!

Оппозиция бастует,
Вся дружина водку дует,
А бессовестный народ
Кое-где уже бунтует!

Знать на руку не чиста,
Да казна уже пуста!
Иноземцы захватили
Все доходные места!

Может, к чёрту разогнать
Всю элиту, так сказать?
В беспокойных воеводствах
Руководство поменять?

Оппозицию в острог
Заточить на долгий срок?
А бесстыжему народу
Объявить тройной оброк?».

<...>

Царь, поморщившись устало,
Мол: «тебя тут не хватало!»,
По-отцовски остудил
Пыл шального генерала:

<...>

«...Есть дела и поважней:
Надо мне, да побыстрей,
Охмурить одну девицу,
Обвенчаться чтобы с ней!».

И поведал царь ему,
По секрету, одному,
Про свою к Руслане слабость —
Всё, что было на уму!

Говорил как на духу
Про задор в своём паху

Да про бешеную ревность
К Харитону-жениху!

Мол: «Не бойся, я не псих,
Но мешается жених!
Обойтить его мне надо!
Вот и думай, что притих?!».

Изумлённый генерал
Подходящих слов не знал,
Но зато теперь знал точно:
Назревал большой скандал.

И хоть мирно всё пока,
Он, зайдя издалека,
Попытался урезонить
Шебутного старика:

«То тебе не прачку мять,
Али девку на ночь снять,
Эту славную девицу
Надо ж как-то обаять!

Только... гиблая затея
У купца отвадить фею!
Не смогу помочь советом,
Да и делом не сумею!

Мне бы шашкою махать,
На коне лихом скакать,
Аль какому там смутьяну
Розгой задницу надрать!

Это дело для меня,
А в амурных кознях я
Ни хрена не понимаю
И не смыслю ни нуля!».

И покуда генерал,
Как умел, протестовал,
Нежный, милый старичок
Помаленьку закипал:

«Ты башкою не тряси,
Да потише голоси!
И под скромную монашку
Не умеешь – не коси!

И вообще: заткнись пока!
Толку здесь наверняка
От тебя, как от козла
На сметану молока!

Не тебе меня учить,
Как девицу приручить!
А вот, может, царский имидж
Ты сможешь изменить!

Августейший мой прикид,
Как мешок, на мне висит,
Хоть и лучшими портными
В прошлом веке был пошит.

Пусть трещат мои шкапы,
Тряпок горы и снопы,
Так одеже этой рады
Только моли да клопы!

Приглянуться деве чтоб,
Нужен модный гардероб...
А такой фасон носили
До того, как был потоп!

Ты ж не царь и не кумир,
А, гляжу, пошил мундир –

Тут и запонки в камнях
И добротный кашемир!

Он тебе и не нужён!
Ну, уж коли ты пижон
И в разнузданную роскошь
По макушку погружён,

Вспомни, где сукно берёшь,
У кого наряды шьёшь!
И как мне заказ оформить,
Ты подумай, коль сможёшь!».

Ольга Семененко

*пгт Красный Бор
(Ленинградская область)*

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

* * *

Осень. Рыжие прически на деревьях и кустах.
И стоят стога-матрешки, подбоченясь, на лугах.
Осень. В тучах небо прячет ярко-синий свой наряд.
А капризный дождик плачет, хоть поре осенней рад.
Осень. Птицы улетели к южно-солнечным краям,
И в разведку шлют метели заморозки по ночам.

Город детства

Мне часто снится южный город,
Где раннею весной в садах
Цветет урюк, лишь зимний холод
Поспешно спрячется в горах.
Осталось там шальное детство
В послевоенные года.
И нету, к сожаленью, средства,
Чтоб возвратиться вновь туда.
Чтобы в арыке знойным летом
Кораблики в воде пускать
И по земле, нагретой следом,
Вприпрыжку босиком скакать.
Залезть с ватагою мальчишек
В соседний сад тутовник рвать,

Из принесенных кем-то книжек
Про Тома Сойера читать.
По-братски разделив, лепешку
С мохнатым персиком жевать
И, мелом расчертив дорожку,
Часами в «классики» играть,
Чтоб у ворот стоять под вечер,
Прохожих взглядом провожать
И радостно бежать навстречу,
Узнав в толпе идущих мать.
Как жизнь, однако, быстротечна:
Уже читает Твена внук,
А внучки с прыгалкою вечно
Проводят новый свой досуг.
Мне часто город южный снится,
Где на могиле мамы крест.
В тот город, ставший за границей,
Мне визу надо брать на въезд.

* * *

Вот и все мы экзамены сдали,
Прозвенел нам последний звонок.
Ближе стали туманные дали,
И позвал шум бескрайних дорог.
Манит жизнь и пугает немножко.
Голова от простора кружит.
По старинке присев на дорожку,
Вслед нам милое детство глядит.
Еще ноша не давит на плечи,
Оттого наша поступь легка.
Впереди ждут разлуки и встречи,
Зависть друга и помощь врага.
Наших душ жизнь проверит закалку.
Она сильным путь битвы дает,
Негодяев отбросит на свалку,
Слабовольных ломает, согнет.

Только верится: юное племя,
То, что старт свой сегодня берет,
Сквозь любые преграды и время
Путь свой с честью, достойно пройдет.

Любовь Малофеева

Ижевск

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Портрет

Время шлифует портрет мой простой
Пылинкой невидной, морщинкой святой,
Узором судьбы и туманной мечтой,
И красками радости с щедрой слезой.

Любви прекрасные следы

Частичку бытия целую
В соленой капельке слезы.
Хвалю судьбу свою земную,
Любви прекрасные следы.

Тепло от Бога принимая,
Благоговейно я молчу.
Бесценность дара понимая,
Иной награды не хочу...

Встреча, или Лирическое стихотворение с рифмой -НИЕ

Аномальное судьбы течение —
Параллелей двух пересечение.

Торопливое прикосновение,
Незнакомых рук соединение.

Взгляд. О Боже! Трепет и смущение,
Эмоций всплеск и чувств смятение.
За улыбкой прячется волнение,
Сумасшедшее сердцебиение.

Непостижим закон движения,
Двух планет короткий миг сближения.
Радость встречи, горькое прощание
Нового свиданья обещание.

Слова

Есть очень жесткие слова —
Улыбка злого божества.
В них поселились навсегда
Запретов и мечты вражда
и строгий приговор суда.

Хитринка в слове ИНОГДА.
Ну что вы, право, господа,
Все запреты — ерунда!
Соблазнов мутная вода
Несет нам океан вреда.

Жестокость в слове НИКОГДА!
Бьет больно, как удар хлыста!
В нем ярость, боль и пустота!
В ночи погасшая звезда,
Дней бесконечных череда.

Обреченность в слове НАВСЕГДА!
Рок, несчастье, горькая беда,
В катастрофу мчатся поезда!

Стоп-кран! Опасные места
Сотрем из жизни, и тогда...

Но слово горькое НЕЛЬЗЯ!
Рисует молнией гроза,
Обильно воду льет в глаза...
Покорно по щеке скользя,
Прокладывает путь слеза...

Галина Ушакова

Сочи/Кингисепп

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Старые фотографии

Иногда вечерами сажу,
Рассматривая старые фотографии –
Пожелтевшие, выцветшие, блеклые –
Не разобрать уже почти ничего.
Только сердце упорно хранит
Мгновенья, оставшиеся
На память...

Годы идут, в суете исчезая
В непроглядной темени прошлого.
Только мозг хранит прочно
События, врезавшиеся
В память.

И вот гаснет зрение мое,
Белым залито все вокруг.
Только сердце хранит упрямо
И цвета, и лица
В памяти.

Градации серого. Всё выцвело.
Иногда – яркого цвета цветков.
Только душа хранит бережно

Родные улыбки, любимые черты
В памяти.

И видится вокруг всё и вся,
Как те фотографии – выцветшим,
Но нежность любящих глаз
Благодарной хранится
Памятью.

Что ждёт дальше в жизни?
Белая тьма с громкой тишиной.
Но даруется радость жить
Благодатным источником сил,
Памятью.

Пусть с печалью пополам смешана
Та радость, вжившаяся накрепко,
Но, милостью Всевышнего дарована,
Стержень жизни и во тьме фонарь –
Память...

Покров

В корочке ледяной ветви, уже черные.
Инеем обсыпаны травы, ещё живые.
И утром, просыпаясь, ёжишься от сырости
И торопливо кутаешься в теплый платок.

Жухлой желтизной листья под ноги стелются.
Острым узнаваемым запахом тлена полон воздух.
Рябина, видишь, в красных красуется монистах,
И сладок на дачах аромат яблок поздних.

Дожди все чаще и сильнее размывают слезами краски
На потускневшей палитре улетевшего лета.
Угасли огоньки припозднившихся цветов,
Ночи ещё длиннее, рассветы все затяжнее –

И совсем, совсем не хочется дневной суеты.
Смотришь на лик Богоматери светоносный
И любить хочется, и жалеть, и ближним служить.

Свечу зажжешь в заветном углу пред Её иконою,
Сердце, кольнув, отчего-то забьется сильнее,
Взгрустнется от тяжести дум греховных
и мечтаний несбыточных,
И губы твои тихо шевельнутся в робкой молитве:
Покровом защиты, охрани, Мать Божия,
От невзгод житейских да страстей губительных,
От предательства и тяжкого часа смертного.
Даруй смиренным и немощным, Мать Божия,
Терпение и кротость, любовь и ещё раз любовь...

Тени

Как-то странно кругом...
Мир теней – плотной стеной.
Контуры.
Силуэты.

Тени всегда серы. И, кажется, все –
Как сквозь папиросную бумагу...
Так и мне нынче видится
Мир теней.

Сквозь белесую мглу
Еле различимы линии домов.
Силуэты.
Контуры.
Люди – ускользящими тенями.
И в полдень
Тени от теней той же густоты.

Тени мелькают, струятся, дрожат,
И не поймать сознанию моему

Тень, исчезающую, растворяющуюся
В тусклом тумане взгляда.

Цвета?
Только белый и черный.
И все оттенки серого.
Но в памяти прячутся цвета
Родных глаз,
Неба аквамарин, реки сапфир,
Крови киноварь,
Земли умбра
И изумруд трав, радуга цветов —
И сильнее, сильнее
Запахов власть.

Как жить, как дышать
И думать
В мире множества теней?

Тени вчерашнего — тени сегодняшнего
И завтрашнего тени — сегодняшнего отсвет.

Звуки и цвета потеряв,
Самому бы не стать
Для себя Тенью...

Мечты-бабочки...

Мечты неуловимы.
Мечты порой — как бабочки,
И порой — перелетают в явь.

Бывает, мечта, сбываясь, становится нежеланна.
С мечтою своей осторожнее быть надо.
Сладкие грёзы себе разрешая,
Горечью слёз иссушить можно сердце чужое.

Мечтать, говорят, не вредно,
 Но всё же – удержишься высоко подниматься –
 Солнца лучи гордецам уж калечили крылья.

Мечты, бывает, до безумья доводят,
 Бывает, и счастье безмерное дарят.
 Как угадать? Кто исчислит расплату и цену?

И бабочки, как мечты, порхают над цветами,
 И мечты, как бабочки, воздушно парят.
 И мысли уносятся вдаль и ввысь.
 Ты умеешь мечтать?
 Значит, счастье умеешь ты видеть.

Да, благоразумье полезно душе.
 Но провожаешь облака взглядом долгим –
 И сердце вспорхнёт из груди – неизвестно куда...
 Оживить ли сумеешь мечту или грёзам последуют грёзы?

День промчится в мятежной тоске
 И в круговерти дел бездумно бежишь,
 Но сядешь вечером тихо под торшером –
 И мечты вокруг – как бабочки...

Рождество отшельника

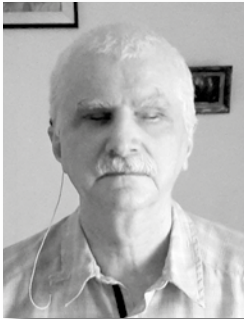
Глубокая ночь.
 Избушка отшельника.
 Ни души далеко окрест.
 Хрустальные столбы до самой земли,
 Сугробы крышу накрыли...
 Ветер спит, не слышно волчьего воя.
 Тишина звенящая, чистая.
 Свод небес – черным бархатом,
 И лучится серебром надмирная звезда.

Тускло мерцает в мутном оконце
Свеча восковая, драгоценная,
Как маяк идущему в пустыне белой.

Там, в темной глухоте сруба,
Перед киотом лампы огонёк дрожит.
Старец в глубоком земном поклоне
Творил молитву Единому Сущему.
Сложены смиренно руки на груди,
Покрытые узором набухших вен...
Тяжко жить и дышать ему...
Шептали чуть слышно губы:
«Помилуй, Господи, помилуй, Боже...»
Сед и дряхл телом монах,
Но силен и светел его дух.
Поднялся с колен, накинуд тулуп
И вышел за порог, стуже навстречу.
Снег хрустел под ногами, искрясь,
Как будто весь алмазами усыпан.
Взор схимника
Обращен ко звезде,

Шепчут истово губы старца:
«Помилуй, Иисусе! Помилуй, Боже!».
Вифлеема Свет в ночь Рождества
Сияет глазам святого прозорливца.
Мороза крепкого не чувствует старик,
Шепчут горячие его губы:
«Слава Тебе, Иисусе, слава Тебе...»

Тихо со звезды
Ангел слетел
И венец золотой
на чело возложил...

Михаил Кременецкий

Астрахань

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

* * *

Весенний дождь
Стучится в окна,
Весенний дождь, —
Смешной чудак!

И если Мы с Тобой промокнем —
Нам даже будет лучше
Так!

А дождь струится с поднебесья,
И рада дождичку земля,

И Он поёт со мною песню, —
Ты слышишь?
«Я люблю Тебя!»

Смотри! Вновь небо голубое! —
Как чист, прозрачен небосвод,

Вновь солнце светит над землёю,
И всё сияет и цветёт!

А Я иду с любимой рядом,
И повторяю вновь и вновь:

– Нам счастья большего не надо –
Весною к нам пришла любовь.

Карина Жакова

Брянск

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Торес

Как прежде, мне видится сон,
В нём Торес, мой давнишний друг.
Он был замечательным псом...
Так нежно любил всех вокруг.
Протягивал лапы свои,
Лицо облизать норовил.
Любимцем стал нашей семьи.
С котами охотно дружил.
Породою был – лабрадор,
Имел грозно-чёрный окрас.
При виде чужих родной двор
Сотряс звучным лаем не раз.
С щенячества плавать любил,
В лесах и полях побывал.
С клещами знакомство водил...
Болезней немало познал.
Хандре поддаваться не смел,
Со смертью борясь до конца.
Глубокий оставить сумел
След в душах родных и сердцах.

Прощание

Зачем ты смотришь на меня
Так пристально и нежно?
И я тону день ото дня
В лучах улыбки белоснежной.
Прогулки в парке городском
Я с тихой грустью вспоминаю.
И поцелуи под зонтом...
Сирени гроздь в начале мая.
Но вот мы в аэропорту.
Сегодня в Сочи улетаешь.
Я вновь стихи тебе прочту.
В дали, как облако, растаешь.

Светлана Михайлова

Уфа

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Сегодня женщина придёт

Сегодня женщина придёт,
И будет нам совсем не хуже.
Мы с ней уже как будто дружим.
Союз нам этот подойдёт.
Сегодня женщина придёт.

Сегодня женщина придёт,
И вместе мы накроем ужин.
Нам этот день обоим нужен.
И этот миг уже грядёт.
Сегодня женщина придёт.

Сегодня женщина придёт,
Мы все печали разметаем –
И станет дом мой обитаем,
Как будто в нём она живёт.
Сегодня женщина придёт.

Сегодня женщина придёт.
Я повстречал жену чужую,
К судьбе поправку нам даруя,
Как жизнь свела нас – так и разведёт.
И вот сейчас она придёт.
Я жду, очнувшись, у окна.
Стук каблуков. Звонок. Она!

Татьяна Кириянова

Екатеринбург

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Подарите мне мир

Подарите мне мир, полный звуков и красок.
Подарите мне жизнь, ведь она так прекрасна!
Голубой небосвод, что смыкается с морем,
И цветов хоровод, что растут вдоль забора.
Ярко-алый закат я увидеть бы рада,
Но в глазах только мрак,
Я не вижу заката.
Нежный звон ручейка мне услышать бы надо,
Но в ушах тишина, глухота виновата.
Как же хочется мне снова видеть и слышать,
Затеряться в траве под березой пушистой
И уснуть в той траве, и увидеть все краски,
И приснится пусть мне мир чудесный, как в сказке.
Но чудес не бывает, и я это знаю.
Все, что вижу во сне, наяву пропадает.
Но не буду терять я надежду свою
И когда-нибудь в сказку тебя приведу.

Урал

Плывут седые тучи
По небу чередой.

Урал, Урал могучий,
Гордимся мы тобой.

Здесь новостроек много,
Заводов нам не счесть.
Руда и самородки –
Все на Урале есть!

Народ уральский крепок,
Умом не обделен.
И до скончания века
Таким и будет он.

Счастлирое мгновение

Луч солнца с росинкой играет.
Он нежит ее и ласкает.
Она ж от любви и восторга
Живым бриллиантом сверкает.

Что с солнцем дружить опасно,
Росинка просто не знает.
Доверив лучу свое сердце,
Наутро она высыхает.

Ирина Экимашева

Псков

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

* * *

Ноябрьский вечер.
Во дворе совсем темно.
Всё стою я в сумраке упрямо,
Хотя не вижу ровным счетом ничего.
Лишь фонари играют жёлтыми глазами.
Мне дома надо быть,
Раз загорелся мой ночник подъездный,
Но приказала я себе не ныть.
Зажала страх в кулак — свой неуместный,
Велю себе я вдоль жилища походить.
Я не одна, со мною трость-подруга,
Нам в этом деле надо победить,
Хоть я совсем не слышу звуков.
А город продолжает жить, и в темноте,
И где-то рядом люди ходят.
Какая разница, при свете иль во тьме,
Днём вижу — только тени бродят.

Дмитрий Сурков

Челябинск

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Любимой

Ах, как хочется мне с тобою,
Позабыв все дела свои,
Этой чудной осенней порою
Убежать хоть на край земли!
Прикрывать от невзгод собою,
Защищать от любых бурь и бед.
Чтоб, Любимая, мы с тобою
Были счастливы много лет!

Аркадий Грязев

Верхний Уфалей

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Размышления о Чеченской войне

Вы простите нас, милые мамы...
Всех, за то, что отняли вам сны.
Мы невольны — участники драмы,
И не все мы вернулись с войны.

Хоть и взрослые, мы — снова дети.
Мы не можем ни есть и ни встать.
Мы на грани у жизни и смерти,
Но не хотим еще умирать.
Мы на грани у жизни и смерти —
Просим вас к нам скорей приезжать.

Ваши слезы и ваши напевы,
Как бальзам, лучше всяких лекарств.
А зов крови вернет к жизни тело.
Он — живая вода от коварств.

Вы нелегкое бремя несете
У постели года, месяца.
Сердцем чувствую — вы нас спасете,
И любовь сотворит чудеса.

Вы теперь с нами служите в роте,
Недвижим перед вами ваш сын.

Бог поможет, и вы нас спасете.
Пост доверен вам номер один.
Вновь по жизни вы нас поведете.
Жизнь доверил вам собственный сын.

Альбина Снижко

Москва

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Поэзия»*

Просто Мы – другие, выросшие в СССР

Мы, выросшие в СССР, так не похожи на современную молодежь.
Просто Мы – другие, и детство у нас было другое.

И об этом советском детстве я хотела бы поговорить.

Я принадлежу к тому поколению,
которое вручную поля в тетрадах чертило.

В детстве ели края буханки хлеба.

У нас были варезки на резинке.

А ещё мы строили шалаши в комнатах из стульев и одеял.

И без Интернета как-то обходились,

потому что было чем заняться,

играли в различные игры.

У нас было так!

Почему же воспоминания об этой поре так греют
и рассказываются с добротой и радостью?

Дети свободно катались на велосипедах весь день,

у нас не было защитных шлемов,

но если у кого-то был велосипед,

на нем по очереди катался весь двор.

Мы жгли костры, играли в прятки,

вышибалы, городки, казаков-разбойников,

продавцов и докторов, на скакалке скакали,

через резинку прыгали – как девчонки, так и мальчишки.

Была обидной дразнилка:

«Жади́на-говя́дина, соленый огурец, на полу валяется,
никто тебя не ест...»

В подъездах не было стальных дверей с кодовыми замками.

Звонили в дверь и заходили в гости, не глядя в глазок,
в гости вообще ходили больше, чаще и радостнее,
без предварительного соглашения.

В нашем детстве не существовало планшетов,
сотовых телефонов и игровых приставок,
никаких тебе душных помещений
и нежелания отлипнуть от монитора компьютера, —
нам было интересно на улице.

У нас было право на риск и неудачу.

Это учит ответственности.

Здоровались с соседями, пили воду из колонки,
а квас из бочки на колесах стоил три копейки.

Мы обожали сладкие лимонады из автомата,
не знали, что нельзя пить сырую воду,

мы пили из одной бутылки,
откусывали по очереди от бутерброда,
зеленые яблоки были нашей любимой едой.

И ждали по пятницам «В гостях у сказки».

Мы с детства учились бороться,
быть честными и ответственными.

Мы знаем, что такое совесть и чувство собственного достоинства
и верим, что главное в жизни — любовь и добро.

Мы в школе совершенно спокойно дежурили по классу,
поднимали стулья на столы и делали влажную уборку,
делали это весело и были счастливы.

При этом мы хорошо учились (нужно было выучить кучу стихов!),
писали рефераты от руки,

воспитание было такое: «Что такое хорошо и что такое плохо?».

В советской школе была чёткая структура

молодёжных организаций:

октябрюта, пионеры, комсомольцы.

Сначала нас принимали в октябрюта.

Потом мы давали торжественное обещание пионера,

получали пионерский галстук и значок.

Лучших принимали в комсомол.

И люди были приветливее, и жизнь была проще.
Были настоящие друзья.
Люди спешили друг другу на помощь.
Были времена. Были дворы, в которых мы выросли.
Улица закалила нас, сформировала наш характер.
Домой я приходила только поесть и поспать.
Представляя такое активное и беззаботное детство,
ностальгия по тем временам становится чуточку яснее.
Когда было модно быть хорошим, а не плохим!
Когда достаточно было просто хорошо учиться,
хорошо работать, быть активным, и у тебя все было в порядке.
Мы потеряли не только страну, свою Родину,
мы потеряли удивительное советское общество.
Не могу сказать, что жизнь в нём была идеальной,
но мы жили в хорошей стране.
Для меня это было золотое время, и очень жаль, что этого уже нет.
Такая вот ностальгия...

НОМИНАЦИЯ «Проза»

Лауреат I степени

Вера Филатова (*Москва*)

Лауреат II степени

Любовь Молодых (*ст. Озерки, Алтайский край*)

Лауреаты III степени

Галина Ушакова (*Сочи/Кингисепп*)

Александр Галан (*Тюмень*)

Шорт-лист

Любовь Малофеева (*Ижевск*)

Арина Деньмухамедова (*Оренбург*)

Сергей Новожеев (*Владивосток*)

Михаил Кременецкий (*Астрахань*)

Лонг-лист

Василий Малеев (*Иркутск*)

Виталий Рольщиков (*Железнодорожный*)

Алёна Капустьян (*Мытищи*)

Вера Филатова

Москва

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

Попьём кофейку?

Разругавшись со своим бойфрендом, я с ним рассталась. Стала свободной женщиной в возрасте 45 лет. Красота! Но... пошли проблемки: в магазин одна пойти не могу, не хватает зрения и слуха, даже со слуховым аппаратом, разборчивости речи не хватает от продавцов и прохожих.

Стала обращаться за помощью к приятельницам и подругам: элементарно «прихватить меня с собой в магазин за продуктами».

Были забавные случаи.

Звоню соседке:

— Валь, тебе в овощной не надо?

— А чего ты хотела?

— Мне морковку нужно...

— Ну ты сходи, посмотри, если там есть морковь, тогда я с тобой схожу...

— Спасибо, если я туда дойду, то и сама куплю морковь...

Или такой:

— Тамар, тебе за хлебом надо?

— Да.

— Когда пойдёшь, меня прихвати, пожалуйста?

— Хорошо.

Часа через три, когда на улице уже стемнело, звоню опять:

— Тамар, ну чего не звонишь?

— А мне дочка хлеба купила...

И всякие похожие моменты...

Вдруг председатель первички даёт мне задание как группоргу: найти незрячего с 1 группой инвалидности, чтобы предложить ему реабилитацию в Волоколамском центре.

Обзвонила всех, никто не может, по разным, в основном, семейным, обстоятельствам. Я и спросила: А можно я поеду?

– Да ради Бога!.. Только надо срочно.

Пока оформляла медицинскую справку, три дня рыдала, сама не знаю, о чём и почему, аж лицо от слёз распухло.

Дочка провожала, потом рассказывала: смотреть жалко, как будто не на учёбу, а в тюрьму едешь. Обратной ехала дочка, чуть не плакала, говорит:

– Хотела за тобой ехать, домой забрать...

Приехала в Волоколамский реабилитационный центр.

Спрашивают:

– Чему хотите у нас научиться?

– Стростью белой ходить, как с родной, и не стесняться её. Ещё хотела бы научиться не бояться спрашивать у прохожих и продавцов о нужных вещах, просить повторить, когда не расслышу, опять же – не стесняться и не бояться, что будут злиться.

Записали меня в группу реабилитации с машинописным уклоном.

Записалась ещё на кружки: театральные, оригами, Брайля, переплётного дела.

В театральном спрашивает Наташа – руководитель:

– Почему к нам?

– Хочу читать со сцены и не бояться публики, научиться говорить публично.

– Монолог будете читать?

– Буду, только желательно юмористический.

Дали юмористический: «Хочу замуж».

Выучила, а начинаю читать, и слёзы льются, да такие отчаянные, что Наташа спрашивает:

– Вера, в чём дело?

Отвечаю: панически, катастрофически, категорически, хронически не хоочу замууж...

(Прочитать монолог смогла только через три года.)

А на третий день в центре пошла всё же на танцы (очень уж люблю танцевать!), танцы там были каждый вечер.

Пришла, а там «мальчишки» такие несчастные сидят вдоль стенок, так мне их жалко стало, ну, думаю, расшевелить надо их, и стала всех приглашать-поднимать со стульев...

Два танца с двумя протанцевала, нацелилась во время второго танца ещё на одного, в пиджаке, благородно-бандитско-крутой наружности, ну прямо новый русский...

Пока дотанцевала со вторым, интеллигентный «новорусский» смылся.

Ну, думаю, я его завтра «охвачу».

На другой день, как и задумала, увидев сей объект, подошла, пригласила, – как раз белый танец объявили (судьба не дремлет!). Танцуем, познакомилась, Михаилом его зовут, как брата моего.

Спрашивает:

– А в какой вы комнате?

– Не скажу...

Задача была поставлена: «оживить и встряхнуть» этих, как в воду опущенных, ребятишек, но ни в коем случае никаких романов. Хватит, «отроманилась», слёзы лить потом от их эгоистических выходов не хочу...

На следующий день, когда я во время перемены забежала в свою комнату, слышу стук в дверь, тут же заходит Михаил, спрашивает:

– Есть тут кто?

– Я молчу, прикидываю, узнает ли меня по голосу (почти все почему-то узнают).

– Мне сказали, здесь можно взять иголку с ниткой...

Я, испуганно:

– Я пришивать не буду (промелькнула примета, пришью ещё к себе...)

– Ой, Вера, это вы?! Да я сам пришью, у меня пуговица на рубашке оторвалась...

Дала ему нитки с иголкой (с сердито-строгим видом, хотя он всё равно ничего не видел, но пусть чувствует...)

– Приходите ко мне кофе пить!

– Нет, спасибо, я в мужские комнаты не хожу!

Ушёл, слава Богу!

Не прошло и пяти минут, стук в дверь, и Миша появляется с шоколадкою в руках, банкой кофе, чашкой и кипятильником...

– Если вы ко мне не идёте, значит, я к вам пришёл, кофейку попьем?

И стали мы почти каждый вечер прогуливаться по территории реабилитационного центра, о жизни говорить, друг про друга спрашивать да рассказывать каждый о себе и своей родне...

Любовь Молодых

ст. Озерки

(Алтайский край)

*лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»
специальный приз от Сапог Россия*

Петух

У нас сбежал петух. Во двор мы кур не выпускали, и жили они в стайке – шлакоблочном сарае с отгороженным рабицей летником. Сын пошёл кормить, не успел, войдя, закрыть дверь, как петух проскочил в щель, два взмаха крыльями – и перед беглецом распахнулась неизведанная свобода.

Сын выскочил за петухом, закричал, стараясь загнать обратно. Но тот уже важно вышагивал по двору – крупный тёмно-серый красавец с роскошным хвостом и зернистым коричневым гребнем. И возвращаться назад в стайку не собирался.

Сын прибежал ко мне.

– Да чем же я тебе помогу? – сказала я, но взяла трость и, постукивая по дорожке, пошла во двор.

Сын провёл меня к стайке, зашёл от беглеца с другой стороны. С достоинством поклёвывая то там, то здесь, петух высокомерно прошествовал между нами. Сын бросился на него, он ударил крыльями и перелетел через забор. На дороге он тем более становился вольной птицей. От страха за своего питомца и от жалости сын едва не заревел.

По хлопанью крыльев я поняла, что случилось.

– Идём, – позвала я сына, – надо загнать его хотя бы во двор.

Я нащупала калитку, сын выбежал за мной. Мы снова попытались окружить беглеца, и снова петух играючи проскользнул между нами.

Если бы у меня было зрение, возможно, у нас оставались бы шансы поймать нахала, но так перевес в проворстве и свободе манёвра оставался явно не за нами.

— Он потеряется, да? — спросил сын с отчаянием.

Говоря прямо, я думала именно так, но вслух не согласилась:

— Ничего, как-нибудь поймаем!

Переступая в дорожной пыли между нами, петух внимательно выслушал наши мнения и высказал своё:

— Ко-о!

Сын кинулся на него, петух увернулся и удрал на обочину. Я махнула на звук крыльев тростью, и он снова бросил нам своё презрительное «ко».

— Нет, так его не поймать, — сказала я. — Может быть, сам придёт. Не выпускай кур в летник. Насыплем там ему корма. Если зайдёт, закроем дверь!

Но оставить любимца на дороге, одного, беззащитного перед изредка проезжающими машинами, сын не мог.

— Давай ловить! — с отчаянием попросил он.

— Ну, давай, — вздохнула я. — Я встану с этой стороны от калитки, а ты гони его на меня. Может быть, заскочит во двор.

И тут из ограды напротив вышел сосед:

— Вам помочь?

Двое его маленьких детей, наблюдавших из своей ограды за нашими усилиями, как видно, позвали отца на выручку.

— Дядь Лёша, помогите! — закричал сын.

Сосед шуганул петуха, сын преградил ему дорогу. Петух кинулся ко мне, я снова наугад махнула тростью, и петух с громким возмущённым кудахтаньем влетел в калитку. Пока я искала дорогу, сын и сосед вошли во двор.

— Давай оттуда, — распорядился сосед.

Сын забежал с одной стороны, сосед зашёл с другой — и петух, загнанный на рабицу своей стайки, кинулся в распахнутую дверь летника.

Я ещё только шла к стайке, когда сосед вышел навстречу:

— Готово, негодяй на месте!

Мы с сыном принялись благодарить нашего спасителя. Он засмеялся:

– Дело соседское! Ну и красавец же он у вас!

Только тогда сын, кажется, осознал, что всё позади, и перевёл дух:

– Я сам его вырастил! Мы их пятидневными купили! Ему уже три года!

– Да я вижу, как ты за своими курами ходишь. То траву рвёшь, то воду меняешь.

Сыну была приятна похвала, и он снова поделился:

– Они каждый день яйца несут. Хотите, – нашёлся он, – мы вас угостим? Это свои, не из магазина!

Я почувствовала, как соседу неудобно, он ведь помогал от всей души, и поддержала сына:

– А в самом деле! Валер, положи в майонезное ведёрко.

– Да не надо, – запротестовал сосед.

– Ничего, ребятишек своих угостите.

Через несколько минут Валерка уже вручал ведёрко с яйцами соседским ребятишкам:

– Это свои, полезные!

Вечером сосед вернул ведёрко, наполненное душистой лесной клубникой:

– Это тоже полезное. По-соседски!

Хомячок в шаре

«Недавно я осмыслила несколько параметров своей слепоты. Идёшь, придерживаясь рукой за предметы, чтобы не сбиться с направления, а сам – словно хомячок в шаре, то есть кто-то вращает мир вокруг тебя, и ты попадаешь не туда, куда шёл. И не можешь понять, где ты и как здесь оказался. Щупаешь, трогаешь едва не в отчаянии и не понимаешь. Углы не имеют своих положенных 90 градусов, изгибаются, как в кривом зеркале. Ты встаёшь к предмету лицом, а он оказывается сбоку, причём не просто сбоку, а наискосок. Но ты-то уверен, что стоишь правильно! А он уже ускользнул, и это словно специально для того, чтобы свести с ума!

Мир вращается вокруг тебя. Во все стороны. Постоянно вращается – день, два, три... Нигде нет статичности! И ты понимаешь, что так будет всегда.

Ещё один из безумных параметров – это сны. Во сне ты видишь, а просыпаешься – в темноту. Шиворот-навыворот, как в бреду, от которого не вылечишься, из которого не выскочишь.

А ещё – постоянные поиски. Всего. Каждой – каждой! – мелочи. Кладёшь по привычке куда-то рядом или даже пытаешься запомнить – куда, а потом ощупываешь всё вокруг и не можешь взять, потому что её нигде нет, и мир вращается, и ты уже не там, где был. Искать надо ВСЁ, а предметов масса, и это бесконечно утомляет.

А теперь прибавьте к этому наступающую глухоту с многозвучным звоном в ушах...

Если есть желание, прочувствуйте это. Но лучше не надо. Не впускайте этого в свою жизнь, чтобы оно не нагрянуло...»

В монотонный голос звуковой программы, читавшей запись из моего дневника, вмешался звонок смартфона. «Токбэк» зачитал имя «Андрей» и номер. Я мысленно застонала, но остановила голосовую программу ноутбука и нащупала мобильный.

– Привет, Ленка! – зазвучал близкий голос, доведивший меня последнее время едва ли не до отчаяния.

Я со стулом отодвинулась к приоткрытому окну, вдохнула свежий воздух, готовясь к разговору, и сказала сухо:

– Здравствуй.

Андрей сделал паузу, поняв мой тон.

– Ну? – спросил он сдержанней. – Ты что-нибудь ответишь?

Не хотела я шевелить эту тему! Но сказала:

– Да. У нас ничего не получится, Андрей.

– А могу я узнать причины?

– У меня сын – подросток. Как ты найдёшь с ним общий язык?

– А по-моему, мы ладим.

– Это пока сохраняется гостевой режим. Жить рядом постоянно...

– Ради Бога, Лена! – сказал Андрей уже раздражённо. – Не надо прятаться за сына!

Я сжала зубы и притиснула к уху смартфон.

– Хорошо. Снова повторим пройденное. Я не самостоятельна. Это ты понимаешь?

– Да в чём она, твоя несамостоятельность? Ты уже не тот «хочмячок»!

Я поморщилась. Ладно, сама виновата. Дала однажды Андрею прочитать эту давнюю дневниковую запись, надеялась, что так он лучше поймёт, с чем намерен связаться.

— Ты же всё научилась делать заново. И стирать, и по дому. И Брайль, и всё что хочешь. Даже готовишь и крючком вяжешь, если не ошибаюсь?

— Да. А ещё сын водит меня по всем инстанциям и магазинам. И по больницам, кстати.

— Так, может быть, пора освободить его от этих обязанностей?

— Обязательно освобожу. Рано или поздно освою эти маршруты.

— Тогда почему тебе не осваивать их со мной? — почти закричал Андрей.

Я усмехнулась:

— В больницах любовь не укрепляется, знаешь об этом?

— Ты повторяешь чужие сентенции. Это надо проверять на практике!

Андрей замолчал. Он старался успокоиться.

— Что ещё тебе надо освоить и сколько на это потребуется времени? — ровным голосом спросил он. — Мне надо знать, на что рассчитывать.

— Тебе рассчитывать? — с ноткой истерики рассмеялась я. — На слепоглохую жену! Ты понимаешь, что я глохну? Как ты будешь ко мне прорываться, в ту бочку, в которую я скоро буду заживо замурована?

— Но останется тактильность, — тихо сказал Андрей, и я поняла, что ему больно. Больно за меня. — Мы приобретём брайлевский дисплей, будем делиться мыслями через ноутбук... И, в конце концов, есть лечебное голодание. Есть сыроедение, в конце концов! Я слышал, что у сыроедов обостряются зрение и слух, значит, и ты можешь попытаться! Я вместе с тобой буду есть эти проклятые овощи!

От подступивших слёз защипало в глазах. Я прижала к лицу ладонь.

— И дал же мне Бог тебя! — всхлипнула я. — Ну перестань же ты мне звонить, пожалуйста! Ты понимаешь, что я могу сдаться и соглашусь? Не смей ко мне приближаться!

— А если я... — он запнулся и договорил: — ...хочу так? Ну, ты-то чем рискуешь?

Я распрямилась на стуле. Положила влажную от слёз руку на клавиатуру ноутбука. Мне, как человеку пишущему, он всегда давал чувство успокоения, а часто и гармонии.

— Имей в виду, Валерка всегда будет для меня на первом месте.

— А я на второе не согласен. Ленка, не будь глупой! Ты как ребёнок. А ребёнка нельзя ставить перед выбором, кого он любит больше,— маму или папу. И я не буду этого делать, понимаешь?

— Я не ребёнок, я хомячок в шаре.

— Я сейчас приеду.

...Я умылась и вернулась в комнату. Подошла к окну и шире отворила створку. Постояла, подставляя лицо ясно осязаемым кожей солнечным лучам и вдыхая прохладный, напоённый запахом близкого соснового бора воздух.

Потом подсела к ноутбуку, нащупала нужные клавиши. «Контрлэнд» и дважды «контрл-стрелка вверх» — и звуковая программа зачитала последнюю, вчерашнюю, запись в моём дневнике, по-прежнему открытом на невидимом для меня мониторе:

«За истёкшие три года мир успокоился — это я успокоилась, паника прошла, появилась привычка. За каждой вещью закрепилось прочное место. Да, я поймала вращающийся мир и зафиксировала его. Теперь он изредка ещё подкидывает мне сюрпризы, но это так, чтобы я не расслаблялась.

Я по-прежнему хомячок в шаре, только теперь этот шар катится, повинуюсь мне, и лишь изредка даёт сбои. Он лежит на плоскости, которой является мой непроглядный мир. Вниз даже при самом лёгком уклоне катиться легко, а вверх... Вот я снова почти на том же месте, где была до слепоты, но выше. А если оглохну — пойду на третий круг по всё той же извечной спирали».

Галина Ушакова

Сочи/Кингисепп

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

Улыбка Елены

Есть люди, которых забываешь через пять минут после встречи. А есть такие, которые настолько прочно вошли в душу, что память хранит встречу с ними много лет.

Есть люди, о которых не хочется даже вспоминать, и стараешься оставить их где-то далеко во тьме прошлого.

А есть такие светлые, сильные, что с трепетом думаешь о них, восхищаешься, и в трудные минуты воспоминание о них придает силы.

Я – ампутантка. Как это случилось – не тема моего рассказа.

Так вышло, что именно по этой причине мне довелось видеть и страх, и трусость, и бегство от реальности.

Но мне выпало и счастье встретить настоящих, сильных духом людей.

Очень хочется рассказать об одной юной девушке.

Это произошло лет тридцать назад.

Год точно вспомнить не могу.

Я находилась в протезном госпитале в Краснодаре, где мне делали протез ноги.

Было жаркое лето, и мы скучали в палатах, только к вечеру выходя в прилегающий небольшой сад посидеть, посмеяться, попеть песни и пообщаться.

Да, я глухая, но тогда ещё хорошо видела и легко читала с губ, а при затруднениях мне писали слова на ладони. К моей речи

привыкали быстро и понимали с лёту. Если кто-то не понимал, ему переводили, но это было нечасто.

Ребята заметили, что в темноте я слепну, и заботливо водили за руку, когда мы уже в темноте возвращались в палаты.

Нам приходилось много времени проводить вместе, и за долгие, нудные дни мы сближались, становились друзьями.

Учили друг друга: как ходить, как бинтовать, делились хитростями. Отрабатывали технику новичкам, поддерживали морально. Советовались, делились проблемами.

У некоторых были трагедии – рушились семьи, – и это намного страшнее физических травм. Некоторые не выдерживали и самовольно уходили из жизни, не ощущая опоры.

Это было содружество товарищей по несчастью.

...Было солнечное утро. Все проснулись, позавтракали, кто-то пошел к мастерам, кто-то на разминку. Меня должны были вызвать в мастерскую, и я, ожидая, в задумчивости сидела у открытого окна.

Вдруг я ощутила сквозняк. Значит, дверь открылась. Я вскочила, думая, что пришли за мной.

И остановилась. Передо мной стояла высокая, очень стройная, но совсем не худая юная девушка с густыми волосами цвета спелой пшеницы, рассыпанными по плечам.

Цвет глаз я сейчас не помню, но разве это важно?

На лице с абсолютно правильными чертами сияла улыбка. Такая солнечная!

Она что-то произнесла, но от неожиданности я не смогла поймать движение губ и показала на свои уши, сказав, что не слышу.

Она понимающе кивнула и повторила: «Я – Лена. Таганрог. А вы?».

Я назвала себя и свой город.

Опустив глаза, увидела две прекрасные длинные ноги.

Мелькнуло: а что она здесь делает?

Но, подняв глаза, вздрогнула.

У Лены не было правой руки. Чуть выше локтя. Свежий шов.

Стараясь подавить дрожь, вопросительно заглянула ей в глаза. «Потом расскажу, – сказала она. – Где мне устроиться?».

В женских палатах всегда меньше народу и больше места. Я показала свободные кровати, она выбрала рядом со мной, кинула сумку и ушла к врачам.

Вечером, в саду, Лена, не комплексуя и спокойно, чтобы потом не повторяться и не отвечать на одни и те же вопросы, рассказала нам свою короткую, но страшную историю.

Она училась на первом курсе колледжа пищевой промышленности и проходила практику на производстве мясокомбината.

У нее к тому времени уже несколько лет был любимый, моряк. Парень заканчивал учебу и должен был уйти в плавание, а по возвращении они хотели отпраздновать ее восемнадцатилетие и пожениться.

Их родители дружили семьями.

Буквально накануне его ухода в море произошла трагедия.

На практике ей дали задание вымыть в конце смены машину, в которую закладывается мясо.

Конечно, техника была выключена, и она спокойно протирала внутри.

Краем глаза увидела, как к машине подошла девушка, которую она считала верной подругой. Нажала кнопку включения. И сразу же выключила.

Всё.

Крик застрял в горле от болевого шока.

В цеху ещё были люди, сразу пережали артерию выше локтя и увезли в больницу.

Подругу немедленно отправили в психдиспансер.

Лена потеряла очень много крови, и врачи боролись за нее весь вечер и всю ночь.

Всю ночь моряк простоял под окном операционной. За час до отправления корабля ему сказали, что жизнь Лены вне опасности.

Он сообщил родителям Лены и своим.

И ушел в море. Передал через родителей, что она его любовь и он будет ей опорой.

Мы молчали, потрясенные и жестокостью зависти, и настоящей, бесстрашной любовью.

Наутро я увидела, как Лена осваивается в новой для нее жизни.

Она попросила меня сшить в кольцо кусочек резинки, надела на предплечье, взяла карандаш и бумагу и, прикусив губу, вывела карандашом, засунутым в эту резинку, каракули на бумаге.

Вздыхнув, сказала: «У меня еще недавно был красивый почерк...»

Я сказала, что я — переученная левша, и очень много людей пишет левой.

Она просияла: «Вот здорово! А ведь верно!» — и начала тренироваться писать левой. Со дня на день всё лучше и лучше.

В другой раз я застала ее за стиркой мелких вещей. Прижав их правым плечом, она намыливала и терла их левой рукой. И справилась отлично.

Потом Лена пошла на кухню и стала осваивать готовку. Поварихи не возражали, понимая, что женщина должна быть как можно более независимой и самостоятельной в быту.

И всегда на её лице была улыбка.

Светлая, чарующая.

Она просыпалась утром — и в палате появлялось два солнышка. Да, ей было больно и страшно, это была боль, которой она не делилась.

Но мы видели и чувствовали всё.

Потому что сами когда-то прошли это.

В нее была влюблена вся больница.

Даже парень-кавказец, бывший боец спецназа из соседней палаты, плакавший и стонавший все ночи.

Его род враждовал с другим родом, кровная месть. Враги, схватив его и его юную беременную жену, привязав ее к дереву, на его глазах сожгли. А ему перебили ноги и позвоночник.

На ноги он все-таки встал, а для спины пришлось делать корсет.

Друзья отомстили за него, потому что в роду он был последним.

Он два года не мог избавиться от кошмаров.

Когда появилась Лена, он увидел ее силу и стойкость — и затих.

Он же и научил нас с Леной приемам самозащиты, которые, кстати, мне вскорости пригодились.

Однажды из Таганрога приехали родители Лены и ее любимого моряка.

Веселые, живые, дружные. Будущая свекровь разговаривала с Леной, как мама, их с родной мамой нельзя было отличить в отношении к девушке. Ни скорбных лиц, ни причитаний.

Мужчины притащили две сумки, полные домашней снеди, и всех угощали.

Я первый раз в жизни ела кровяную колбасу – и после никогда не ела такой вкусной, тающей во рту.

Родители уехали, рассказав, что послали письмо Валентине Терешковой с просьбой о протезировании по высоким технологиям.

Вскоре Лене сделали учебный протез. Потом пришел вызов из Ростова. Там ей должны были сделать два постоянных – косметический и биопротез, который работает с помощью напряжения и расслабления мышц плеча.

Она уехала чуть раньше меня. Мне затягивали изготовление, и помогла только телеграмма от моего профессора-офтальмолога главврачу о вызове в институт на курс лечения.

Я долго помнила ее фамилию, потом забыла и только недавно вспомнила – Журба.

Позже общая знакомая по палате, маленькая кореяночка, сообщила, что у Лены все хорошо, моряк вернулся и отпраздновали свадьбу.

Проезжая Таганрог, я всегда вспоминаю Лену.

Сила и стойкость ей были даны Богом. И они, вероятно, поддерживают её всю жизнь, как и её опора – муж, моряк дальнего плавания. И, наверное, у них не один ребенок.

И она встречает и провожает его улыбкой.

И её улыбка служит ему маяком в трудном и опасном плавании.

Я уверена, что девушка с волосами цвета спелой пшеницы счастлива.

Братство госпиталей недолговечно. Люди легко сдружаются и так же легко расстаются, иные – оставляя тихую радость в душе.

Такие жизненные встречи даются Богом не просто так.

Они учат и лечат, и вливают жизненные соки в иссыхающие от боли и страданий души.

Александр Галан

Тюмень

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации «Проза»*

Шайтан-колодец

Наконец-то наступили законные выходные. Можно подумать, что я ленивый или устал от работы, но нет, просто устал от неизменно жаркого лета. Сколько мы не пытались, но такого лета не могли вспомнить. Непонятно, то ли природа, то ли некие неведомые силы решили поиздеваться над нами совсем не сибирской погодой. Работаю я в нашем Домоуправлении сантехником и временно замещаю ушедшего на пенсию сварщика Петровича – пока не найдут замену. Вот и приходится бегать за двоих по заявкам по вверенным мне четырём старым пятиэтажкам. Ничего не поделаешь, работа есть работа. Никто не отменил июльскую жару: ни тяжёлый сантехнический инструмент, ни насквозь пропитанная потом роба, ни отсутствие лифтов в подъездах. Единственное место, как оазис в знойной пустыне, – прохладный подвал. Но основную работу пока приходится делать в спёртых духотой квартирах. Да ещё с понедельника отключат горячую воду по всему району для опрессовки тепловых сетей. Вот тогда для жильцов и начнётся двухнедельный коллапс с отсутствием воды. Поэтому решил отдохнуть дома перед тяжёлой трудовой неделей. Вы не поверите, как здорово лежать в такую жару под включенным кондиционером. Я так пролежал бы до обеда, но Тимоха – зараза, – мой кот сибирской породы, всё утро орал. Видимо, привык, что я днями на работе, а может, и его достала эта жара. Наступил вечер. И я решил прогуляться по уже остывшему от дневной жары асфальту и подышать свежим вечерним воздухом. Да и заодно закупиться

продуктами. Живу я один, и о себе не особо беспокоюсь, но этот хвостатый проглот требует особого внимания. Собрался быстро. Что в такую погоду нужно? Футболка да шорты, кроссовки на босы ноги, да в путь.

Вышел на самую широкую улицу, проходящую по середине наших микрорайонов. Шёл не спеша — прогулочным шагом, вдыхая чуть прохладный, но ещё знойный воздух. И что самое удивительное, курить не хотелось. На улице было немногочисленно. Возможно, многие уже отдыхали после трудового дня, кого-то пугала жара, а кто-то оберегал себя от коронавируса и самоизолировался дома. Попадались редкие прохожие. Кто-то торопился по делам, а кто-то прогуливался, как и я. Иногда встречались велосипедисты или обгоняла бесшабашная молодёжь на досках, да пролетал поток машин по магистрали. Не торопясь, повернул на улицу, названную в честь работников предприятия, где проработал слесарем-сборщиком пятнадцать лет. Навстречу попала пожилая женщина, угадывались знакомые черты. Она была одета в летний брючный костюм светлого цвета, в руках несла два тяжёлых пакета. Когда мы поравнялись, я неожиданно узнал в ней Людмилу Сергеевну. Мы вместе с ней и её мужем Николаем работали в одном цехе на заводе. Николай стоял за токарным станком, а она переключивала бумажки и щёлкала счётами в бухгалтерии.

— Ой, здравствуй, Андрей,— узнав меня, обрадовалась Людмила Сергеевна. В её голосе звучала усталость, видимо, ноша в её руках была тяжёлой.

Я перехватил пакеты. В них оказались душисто пахнущие яблоки. От нечего делать решил проводить Людмилу Сергеевну до дома. Её пятиэтажка располагалась в трёх минутах ходьбы. Она рассказала, что они с Николаем постоянно живут на даче. В такую жару нужно непременно поливать деревья и посадки, чтобы не погиб урожай. А сегодня она решила приехать в город. Надо проведать квартиру, всё ли в порядке, да вот несёт яблоки соседям — пообещала. Урожай нынче на яблоки богатый. Когда мы прощались у подъезда, Людмила Сергеевна внимательно посмотрела на меня и предложила завтра приехать к ним в гости. Я долго не раздумывал: а почему бы и нет? Всё равно завтра воскресенье, и я свободный. Одновременно отдохну от городской жары

на свежем воздухе, помогу таскать вёдра с водой и наберу яблок. Их всё равно девать некуда.

Как и договорились, встретились утром на остановке дачных маршрутов и через час оказались в дачном кооперативе с громким названием «Фиалка».

У калитки нас встретил Николай, видимо, с вечера предупреждённый Людмилой Сергеевной о нашем приезде. Он был по пояс раздет, только спортивное трико, а на ногах стоптанные шлёпанцы. В такую жару иначе невозможно. Поздоровавшись с Николаем, я заметил, что годы берут своё. Сколько времени не видел его: он постарел, осунулся, и голова уже с проседью. Николай был чуть ниже меня и казался худым, но всё же ещё крепким мужчиной. Переодевшись на веранде дачного домика в привезённые с собой шорты и тапочки, я решил осмотреться. У них был обычный, огороженный штакетником дачный участок в шесть соток с кирпичным одноэтажным домиком. На участке стояла большая теплица, сквозь стекла виднелись кусты помидоров с зелёными, а местами покрасневшими плодами. Рядом с теплицей находились два открытых парника, среди огромных листьев лежали созревшие огурцы. Я прошёл в конец участка меж грядок, засаженных всякой всячиной, и огляделся. Вдоль забора росли кусты смородины, малины и крыжовника, а с другой стороны — яблони, вишни и слива. Сквозь зелёную листву просматривался богатый урожай — в виде поблёскивающих на солнце разноцветных плодов. Рядом с домиком рос огромный вазон неизвестных мне цветов, и от них во все стороны разносился необыкновенный аромат.

Тем временем Людмила Сергеевна позвала нас пить чай. Я зашёл в домик и с любопытством огляделся. Их дачное жилище состояло из двух комнат с верандой. В одной, по-видимому, спальне, находились две заправленные кровати, телевизор и шкаф. Другая — кухня с электрической плитой, столом, посудным шкафом и четырьмя табуретками. Я сел на свободный табурет. Людмила Сергеевна налила всем душистого чая и поставила на стол большую тарелку с пирожками. Обращаясь ко мне, сказала: «Андрей, угощайтесь!». Я откусил кусок пирожка с непонятной, но очень вкусной начинкой, и запил ароматным чаем. Подумал: и откуда у этих уже немолодых людей берётся столько сил и энергии, чтобы

создать из этого клочка земли райский уголок? Мне так понравился чай, что я попросил добавки и спросил:

– Как вы его готовите?

Людмила Сергеевна улыбнулась и ответила:

– Ничего хитрого в нём нет, листья малины да смородины. Дело в воде. В нашем Шайтан-колодце вода необыкновенная. Вон она в ведре, попробуй.

Я взял ковш. Вода оказалась прохладной и действительно вкусной.

Увидев моё удивление, она повторила:

– Вот такая вода в нашем Шайтан-колодце.

– Людмила Сергеевна, вода действительно изумительная, но почему вы называете колодец – Шайтан-колодцем? Или это какой-то другой источник?

– Да нет же, у нас один колодец, – переглянувшись с мужем, засмеялась она. – Если интересно, пусть всё расскажет Николай, а мне некогда, много дел.

Николай с аппетитом дожевал пирожок, допил чай, улыбнулся чему-то, ненадолго задумался и начал рассказ.

Эта история произошла в сентябре 1998-го года, а участок мы купили месяцем ранее. Вот почему всё хорошо отложилось в памяти. Мы уже не работали вместе, поэтому эту историю ты не можешь знать. Да ещё, честно говоря, она быстро разошлась по цеху и долго обсуждалась со смехом, а некоторые остряки не раз подшучивали надо мной.

В середине лета, вечером, Люда завела разговор о покупке садового участка. У них в отделе, понимаете ли, у каждого он есть. И все приносят на работу плоды урожая, обмениваются семенами и рецептами заготовок. А мне, то есть Людмиле Сергеевне, и сказать нечего. У неё была куча доводов в пользу покупки, мол, у нас уже есть машина, квартира, дети подрастают, а вот дачи нет. Зудела несколько вечеров. Я долго упирался, так не хотелось связываться с землёй! Но предложение отложить покупку новой шубы, мол, и старая ещё в моде, меня убедило. На следующий день мы обратились в профком, но нам ответили, что в новом дачном кооперативе все имеющиеся участки уже распределены. Поэтому в субботу мы сели на наш «Жигуль» и поехали по ближайшим

дачным кооперативам — присмотреться к продаваемым участкам. Оба выходных катались вокруг города по дачам. То нам участок не нравился, то далеко от города, то не по карману... пока не набрали на этот брошенный, никем не обработанный участок. Он был ограждён четырьмя деревянными колышками — и на все шесть соток весь в бурьяне. Участок оказался последним на улице, к тому же — окружён кустами, плавно переходящими в чащу.

Вот так началась наша дачная жизнь. Наступил сентябрь. А что делать на участке осенью, да ещё заросшем травой? В первые выходные мы скосили бурьян, а на следующие завезли десятка полтора машин земли. Решили по осени построить сарай для хранения инструмента и барахла, а если успеем — до снега вырыть колодец. После работы приходилось гонять на машине: то договариваться с трактористом, чтобы выровнять участок, то привезти доски для сарая, то закупить бетонные кольца для колодца. В одну из суббот, когда участок был выровнен и принял надлежащий вид, я начал возведение сарая. Увлёкшись, не сразу услышал обращённые ко мне слова. Повернулся и увидел стоящего за спиной молодого парня восточной внешности. На нём была потрёпанная ветровка и протертые на коленях штаны, а из порванных кроссовок торчали грязные пальцы. Он был невысокого роста, чуть ли не на голову ниже меня, худого телосложения, зато на губах светилась весёлая и добродушная улыбка.

— Э-э-э хозяин, работа надо. Карман совсем пустая, — повторил он с ужасным акцентом и такой же сияющей улыбкой.

Я поглядел на него, и мне стало его жаль. Какую работу на пустом участке можно предложить? Деньги же за здорово живёшь не дашь! Подумал — и нашёл выход. На неделе привезут бетонные кольца, надо рыть колодец. Для чего и взял два дня за свой счёт. От жены толку мало, а сын и дочь — им двенадцать и четырнадцать лет — тоже не помощники. А вот тебе и подмога! Да он много и не возьмёт.

— В среду привезут бетонные кольца, надо будет помочь с колодцем. Приходи через три дня утром, — поглядев на него, ответил я. — И вообще, как тебя зовут, посланец Востока?

— Э-э-э, имя Бахром, а все зовут Паша. Я всё умею делать. Шпаклёвка-маклёвка, всё умею. Колодец быстро выроем. Я утром приду, — сказав это, он быстро исчез в зарослях кустарника.

К моменту моего приезда, в среду, мой новоявленный помощник уже был здесь и сидел на корточках, прислонившись к сараю. Его лицо всё так же сияло добродушной улыбкой. Я выгрузил всё необходимое: верёвки, вёдра, лопаты с коротким черенком и верёвочную лестницу. Пока ждали машину, выпили горячего кофе из термоса, заев его бутербродами, и Бахром-Паша немного рассказал о себе. Таджик с горного Памира, прожил всю сознательную жизнь в Богом забытом кишлаке, а здесь обитает на брошенной даче, постоянно подыскивая подработки. У него был ужасный акцент, а словарный запас русского языка оставлял желать лучшего, поэтому я мало что понял. Примерно через час подъехал «КаМАЗ» и аккуратно свалил бетонные кольца в нужном месте. Осмотрев восемь серых громадин, я рассчитался с водителем и отпустил машину. Переоделся в рабочую одежду, надел резиновые сапоги, понимая, что придётся ковыряться в грязи. Мой помощник был одет так же, как три дня назад. Посмотрев ещё раз на помощника, на его одежду и порванные кроссовки, я понял, кому придётся копать, а кому отвозить землю на тачке в отвал. Ну, нечего делать, надо работать. Махнул рукой помощнику. Дружно взявшись, мы покатали первое кольцо будущего колодца и с грохотом повалили его на землю в нужном месте. Затем принесли верёвки, вёдра, лопаты, верёвочную лестницу и прикатали тачку.

— Ну вот, мой восточный друг Паша, расклад такой. Я буду копать внутри колодца, а ты — поднимать и отвозить,— объяснил ему и показал место отвала за границей участка, взял лопату — и первые комья полетели в тачку. Я планировал выкопать колодец за два дня. Сегодня постараемся одолеть пять метров, что соответствует пяти кольцам, а завтра — остальные два метра. Чем глубже копашь, тем тяжелее, а на глубине работу усложняют подземные воды.

Работа шла быстро. Я наполнял вёдра, всё глубже вгрызаясь в земные недра. Бахром-Паша шустро поднимал их с помощью верёвки, вываливал в тачку и отвозил за территорию участка. Через два часа работы, да ещё с небольшими перекурами, два бетонных кольца стояли на месте, немного выглядывая из земли.

Я осмотрел сделанное нами и остался доволен. Мы соорудили импровизированный стол и пообедали кофе с бутербродами. Немного отдохнули, покурили и с новыми силами взялись за дело.

К шести часам четыре кольца стояли на месте. Прикатили пятое и повалили поверх установленных ранее. Я огляделся. Солнце спряталось за горизонт. Появились тучки, заморосил противный дождь. Подумал: эх, ещё бы рывок, чуть-чуть поднатужиться и последнее кольцо прокопать. Полез по верёвочной лестнице вниз. Спустившись, увидел, что от просочившийся воды глина превратилась в жидкую няшу. Делать нечего, взял лопату и начал в буквальном смысле черпать это месиво и наполнять ведро. Моему помощнику приходилось подолгу ждать, потом с трудом поднимать эту тяжесть, а на меня с днища срывались ошмётки жижи... Пока я ковырялся в недрах колодца, Бахром-Паша положил доску на край кольца и сидел покуривая. Выкапывая под кольцом жидкую глину, я почувствовал, как многотонная масса проседает. Вдруг сверху раздался страшный крик. На меня упало что-то мягкое, больно ударив по плечу и обрызгав грязью. Следом прилетели доска и верёвочная лестница. В темноте я нашарил и поднял на ноги издающего нечленораздельные звуки незадачливого помощника. Он был с ног до головы покрыт жидкой, липкой глиной, трясся от страха и издавал протяжный вой: «Ву-у-ву-у-ву-у». Удивительно, как он удачно приземлился. С пятиметровой высоты упасть на ведро или лопату... не дай Бог! Я схватил его за плечи и встряхнул — вроде успокоился. Но когда почувствовал на плече висящую комом верёвочную лестницу, то и сам ужаснулся. Мы находились на глубине пяти метров, соседи давно разъехались, а самое главное: вода прибывает, а лестница, вот она, в моих руках! И тут я не выдержал. Выдал одной, но смачной тирадой смесь отборного русского мата. Я был готов разорвать бедного Бахрома-Пашу. Но вовремя опомнился и взял себя в руки. Надо было искать выход из этой ситуации. Я посмотрел на помощника. Тот, прижавшись к стенке колодца, трясся от страха и поскуливал. Да, пользы от него никакой. Я потоптался на месте, перемешивая глиняную няшу, и посмотрел вверх, на ещё светлое, но уже темнее небо. Вгляделся в стены колодца и прикинул высоту. Даже если он встанет мне на плечи, то всё равно не достанет до края. Это не вариант. Неожиданно появилась мысль.

— Хватит ныть,— сказал я таджику.— Вставай, упирайся руками в одну сторону стены, а ногами — в другую, и двигайся вверх. Ты маленький, лёгкий. У тебя получится.

Он тут же собрался и полез: упёрся сначала руками, а затем босыми ногами (рваные кроссовки куда-то девались). Перебирая попеременно то руками, то ногами, начал быстро подниматься. На высоте примерно трёх метров, то ли нога соскользнула, то ли сил не осталось... Одним словом, Бахром-Паша сорвался и смачно рухнул в холодную глиняную жижу, ещё раз обрызгав меня с ног до головы. Теперь он не ныл и не скулил, а повторял лишь одно слово: «Шайтан, шайтан, шайтан!».

Затея не выгорела. Решил на удачу подбросить ведро с верёвкой: вдруг зацепится за край кольца? Бросили несколько раз, но ничего не получилось. Только набили несколько необязательных шишек. Надо было срочно что-то придумывать! Вода тем временем поднялась до середины сапог, а Бахром-Паша оставался босиком. Представляете: в холодной сентябрьской воде! У меня от безысходности появилась бредовая, к тому же опасная идея. Я привязал верёвку к лопате, а вдруг она зацепится? Закрылись от опасного «оружия» доской, ведром и верёвочной лестницей и начали метать как лопату-копье. Лопату было легче бросать, чем ведро, самое главное – вовремя спрятаться. Что делать, выхода нет! После пятого-шестого броска лопата неожиданно зацепилась за край колодца. Неужели удача? Я подёргал за верёвку, она держалась крепко – видимо, штык попал в зазор между кольцом и землёй. Я подтолкнул таджика к верёвке. Бахром-Паша всё же весом полегче, к тому же, ему не привыкать летать. Пока он поднимался, как заядлый альпинист, я с улыбкой вспомнил, что Бахром-Паша из горного Памира. Поглядывая с опаской наверх, привязал лестницу к верёвке. Лопата на нашу радость выдержала. Бахром-Паша вылез, вытянул и закрепил верёвочную лестницу. Я вылез и огляделся. Уже стемнело, только на столбах горели фонари, да в редких домиках светились тусклые окна. Но моего бедолагу-помощника нигде не было видно, он куда-то исчез. Я собрал рабочий инструмент и закрыл в сарае. Переоделся в сухую одежду, сел в машину и поехал домой.

На следующее утро часам к десяти был на участке. После вчерашних приключений не столько устал, сколько перенервничал. Но делать нечего, надо кровь из носа с колодцем заканчивать. Моего помощника нигде не было. Заглянул в колодец, там, в водной глади, отражалось утреннее солнце. Лишь когда вытащил всё

необходимое для рытья, раздвинулись соседние кусты, и перед моими ясными очами явился помощник. Он был одет в ту же одежду — и как только успел постираться и высохнуть! Правда, вместо кроссовок на ногах красовались стоптанные ботинки. Бахром-Паша с хмурым видом остановился в стороне, боясь то ли меня, то ли колодца.

Я посмотрел на него и позвал:

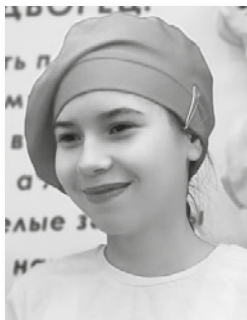
— Что стоишь? Пошли работать!

Вычерпали из колодца почти метровый слой набежавшей воды. Затем я закрепил лестницу и для надёжности сильно подёргал. Сунул ведро с верёвкой помощнику в руки. Тот стоял в оцепенении, словно заворожённый... Без приключений докопали оставшиеся два метра к обеду. Выпили кофе с бутербродами, покурили. На прощанье пожал Бахрому-Паше руку, поблагодарил за помощь и дал несколько сотенных купюр. На его лице вновь появилась добродушная улыбка и он исчез в кустах только ему известной тропинкой.

Самое интересное, его рваные кроссовки так и не нашлись. Может, действительно шайтан забрал. Вот с тех пор мы наш колодец называем Шайтан-колодцем.

На этом Николай, посмеиваясь, закончил рассказ. Я смотрел на него полными слёз глазами, смеялся и не мог успокоиться. Для него эта весёлая, слава Богу не трагичная история, стала уже затёртой, а то и поднадоевшей. А я слышал её впервые. Пришла Людмила Сергеевна, и на этом кончилось наше чаепитие. Пошли работать. Я с удовольствием набирал воду из неиссякаемого Шайтан-колодца и переливал её в бочки. Носил воду, выливал под деревья и поливал грядки из лейки. Помочь добрым знакомым — уже удовольствие! Под вечер засобирился домой. На веранде домика меня ожидали два наполненных Людмилой Сергеевной пакета. Один с яблоками, другой — с зеленью, морковью, редисом и всякой всячиной.

Попрощавшись, сел в полупустой дачный автобус, это был последний рейс. Посмотрел в окно на освещённую вывеску «Садовое некоммерческое товарищество “Фиалка”» и подумал: завтра ведь надо идти на работу, завтра отключат горячую воду. Это вам не Шайтан-колодец с необычной водой — в нём совсем другая вода...

Арина Деньмухамедова

Оренбург

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Проза»*

Отдыхающая бабуля

Лето началось с объявления мамы: «Мы поедem в санаторий». Кто эти мы, мама не уточняла. Лишь тихонько вздыхала и измеряла тонны нескончаемой работы на экране монитора. Я представляла санаторный отдых в кругу друзей, новых знакомств и одной из бабушек. Не тащить же гигабайты маминой работы за город на опушку леса, где расположился санаторий «Русь».

Диалоги с бабушками разглаживали мамины морщины на переносице, что означало — быть. Отдыху с бабушкой Раей быть. Бабушка Галя остается дома. С помидорами, болгарским перцем, закатанными банками и дедушкой (хотя он больше всех рвался со мной на отдых — не вышло).

Я сначала считала месяцы, потом дни. И вот. За неделю до отъезда мама объявила список врачей бабушке Рае. Тут моя операция по совместному с ней отдыху чуть не провалилась.

— В больнице сплошной коронавирус. Бери, Ирочка, свой компьютер, вайфай, работу, Арину, Аиду и езжай спокойно отдохни, — бабушкин юмор совсем не порадовал маму.

В мои планы это тоже не входило.

Пока мама подсчитывала ущерб намоченных ее горячими слезами планов, я «строчила» бабушке эсэмэски с просьбой пройти двух врачей. Она хоть и не Берлинская стена, но все же пала перед моими уверениями подарить себе, любимой, отдых. И мне, конечно же, тоже.

— Ох, Арина, у меня ж купальника красивого нет! — сокрушалась бабуля, укладывая в сумку весь свой скромный пятнадцатиплатьевый гардероб.

— Так бассейн в санатории на ремонте, — напомнила я.

Однако это не помешало бабушке взять купальник на всякий случай. Ладно плавательной шапочки и очков у нее дома не оказалось, а то бы...

— Кругом коронавирус, из номера выходить не будем. Только на процедуры, в столовую, на прогулку и на концерт. А телевизор чего так плохо работает? — констатировала бабушка при входе в уютный номер. — Телевизор должен работать, а то как я узнаю обстановку с коронавирусом?

Эх, бабуля.

Столовая — самое важно место притяжения отдыхающих. Пятиразовое питание манило их своими запахами. Бабулю манила ответственность. Поэтому мы приходили в столовую на тридцать минут за. Я предугадывала меню, бабуля — людей: кто за нами придет, с кем я еще не познакомилась, почему женщина этому мальчику не бабушка, а мама — ничего не ускользало от внимания Ба. В том числе и ребята, с которыми бабуля ловко меня знакомила. Не возьми я ее с собой на отдых, не познакомилась бы с таким количеством ребят. А так нам было весело.

Ориентироваться в санатории я научилась с первого дня. Чего не скажешь о бабушке, которой постоянно приходилось спрашивать дорогу. В лифте она боялась застрять, а многочисленные лестницы путали в ее сознании нижние и верхние этажи. Ох, порой мы и блуждали.

Со второго дня начались процедуры. Мне нравилось ходить по длинным запутанным коридорам. Но бабушка — это человек, который не перестает смотреть новости, боится заразиться коронавирусом и носит маску в столовой, хотя в ней неудобно есть. Хотя не так неудобно, как сидеть на мотоцикле. Вы ж не знаете эту историю! Сейчас расскажу!

Волонтеры-байкеры в прекрасный августовский день заглянули на встречу с санаторными ребятами, чтобы показать мотоциклы, покатать ребят и поднять настроение их родителям. Мальчишки и девчонки надевали шлемы, усаживались сзади мотоциклистов и ловили волны горячего ветра на щеках. Родители и бабушки вни-

мательно следили, прижав руки к груди и шепча про себя молитвенное «Господи помоги». Взрослых не катали. За исключением одного человека. Думаю, вы догадались, кто это был. Конечно же, моя бабушка. Один мотоцикл оказался свободным и, пока байкер выглядывал хоть одного мальчишку, бабуля уже ловко закидывала свою ногу через сидение при помощи двух ребят-волонтеров.

– Бабушкам тоже нужно покататься! – кричала она, выкинув руку навстречу ветру, а второй прижимая мотоциклиста к себе.

– Еху-ху! – кричали озорные глаза моей 64-летней Ба, которая после остановки мотоцикла требовала байкера слезть, иначе ее нога в обратную сторону не хотела так же ловко «перекидываться». Ох уж эта бабуля!

Долго не забуду замечательных вечеров, проведенных во дворе санатория, ярких концертов и минут общения, которые принесли мне радость.

– Арина, на следующее лето опять поедем в санаторий. Надеюсь, бассейн починят, и мотоциклисты приедут покатать ребят. Может, мне пока что записаться в мотоклуб?

То ли еще ждать. От отдыхающей бабули!

Сергей Новожеев

Владивосток

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Проза»*

От автора:

История посвящается моему дяде, Сергею Григорьевичу Мирошниченко. Со здоровьем у него были проблемы еще в детстве... Он был слепоглухим. Потом родители заметили, что он не может говорить, и сразу поняли – будет немым. С годами добавились трудности с опорно-двигательным аппаратом. Из-за множественных нарушений нигде не учился, в результате, на всю жизнь остался неграмотным. Общаемся мы с помощью простых знаков и прикосновений. Иногда громко говорим короткие слова в ухо. Родители старались научить его самостоятельной жизни. И благодаря настойчивости и упорству добились немалых успехов.

Сергей Григорьевич родился во Владивостоке в 1970 году и жил в большой семье. Родители воспитывали восьмерых детей. В то время семья жила рядом с морем. Он очень любил его и часто ходил купаться. Научившись плавать и нырять, стал заниматься подводной ловлей морских гребешков. Но, кроме купания, вел активную жизнь вместе с другими членами семьи. Несмотря на слабое здоровье, упорно занимался домашними делами: стирал и складывал белье, штопал одежду, пришивал пуговицы. Заклеивал потертые места на надувном круге, с помощью которого ловил гребешков. Когда дома никого не было, сам клал и грел еду. После всегда мыл посуду. Очень любил чистоту и порядок. В свободное время лежал с радио. Прикладывал к уху радиоприемник и внимательно слушал музыку. Перебирал дедушкины инструменты: гаечные ключи, отвертки, молоточки, сверла и многое другое. Все аккуратно складывал по ящичкам и полочкам. Распределял по ко-

робочкам гвозди и шурупы. Когда надо было что-то сделать или починить, все уже знали, где лежат нужные инструменты. Много раз помогал другим. Самостоятельно гулял во дворе. Осторожно шагал по знакомым дорогам с вытянутыми вперед руками. Немного помогало остаточное зрение. Он хорошо изучил места, по которым постоянно ходил, и не боялся потеряться.

Вспоминая молодость и трудолюбие дяди, я решил продолжить рассказ о его жизни. Ведь он не сможет рассказать о себе сам. Из-за ухудшающегося здоровья он теперь проводит жизнь в уединении. Но, несмотря на это, по мере сил старается делать домашнюю работу. Хорошо помню, как дядя играл с детьми и любил животных. Было много веселых случаев. Сам я владею Брайлем, дактилем и немного слышу с помощью слухового аппарата. И хочу предложить вам рассказ, получивший название «Жить как все!».

Жить как все!

После окончания парада Тихоокеанского военно-морского флота России, я с отцом пришел в гости к бабушке. Это произошло в последнее воскресенье июля 1988 года. Мама и моя сестра Ленка кулинарили с дядей Колей на кухне. Позже должны были прийти ещё родственники, в частности, мои младшие двоюродные сёстры. В праздничные дни мы собирались у бабушки. Мне было семь лет, и я сразу зашел в комнату, где жил Сергей. Он сидел на кровати и старательно распутывал клубок лески. Возле ног сидела черная кошка. Она была гладкая и блестящая, как две капли воды похожая на кошечку, которая снималась с Шуриком в фильме «Иван Васильевич меняет профессию». В фильме кошка разве что, прощаясь со зрителями, махнула лапкой и, обнажив белые клыки, произнесла: «Чао!». Сидевшая на полу – следила за леской.

Предварительно похлопав дядю по плечу, я радостно потряс его руку. Он заулыбался и отложил леску на тумбочку у кровати. Там лежал его радиоприемник. Сев рядом с ним и дождавшись, когда дядя нащупает мой слуховой аппарат и узнает меня, я стал играть с ним. Мы боролись на руках. Вдруг на колени Сергею запрыгнула кошка и, свернувшись калачиком, легла. Она замурлыка-

ла. Мы стали её гладить. Дядя положил пальцы на ее горлышко и, ощущая вибрирующие звуки, стал слушать кошачью песню.

Тут пришли мои двоюродные сестры, Женька и Ирка, — подбежали к нам и стали здороваться. По очереди пожав руки и дав потрогать свои распущенные шелковистые волосы, как бабочки, они выпорхнули из комнаты. Взрослые же хлопали нас по плечам. Сергей улыбался. Я слышал звонкие голоса сестер и разговор старших, но не мог разобрать быструю речь. Было ощущение, что говорят иностранцы. Сидя рядом с дядей, я думал, чем заняться...

Тут Сергей переложил кошку на кровать и, знаками приглашая меня следовать за собой, вышел из комнаты. Я отправился за ним. Вытянув руки, дядя нетвердой походкой добрался до гостиной и подошел к маленькому столику, на котором стояла клетка. Показав на нее, дядя открыл дверцу и, засунув руку, пошарил. Нашупав смиренно сидевшего хомяка, взял и, сев в кресло, стал ласкать. Тот вел себя спокойно. Сергей достал зернышки из баночки, стал кормить. Сидя на задних лапках, хомяк брал корм передними и запикивал себе за щеки. Я тоже захотел поддержать зверька и заглянул в клетку. Внизу ползали маленькие розовые хомячки. Я с удивлением смотрел на них. Большие же, держась лапками за прутья, лазали по стенкам и потолку. Подбежали сестры и, смеясь, достали крошечного хомячка, положили мне на ладонь. Он был совершенно лысым. Я понял, что он недавно родился.

Хомяк, сидевший на ладони дяди, был взрослым — покрыт серым пухом. Он так старательно прятал зёрнышки за щеки, что они раздулись до невероятных размеров. Сергей потрогал его «мешочки» и, подражая ему, надул свои щеки. Увидев это, мы рассмеялись. Поцеловав хомяка в носик, дядя аккуратно посадил его в клетку. Мы тоже вернули хомячков обратно. Потрогав дверцу и убедившись, что она закрыта, дядя поднял руку и показал большой палец. Потом, приглашая нас знаками, пошел в другую комнату. Мы с любопытством последовали за ним.

Зайдя в комнату брата Николая, Сергей подошел к окну. На подоконнике стояла другая клетка. Она была открытой и пустой. Потрогав ее и поняв, что в ней никого нет, дядя показал на потолок и помахал руками, как будто крыльями. Мы подняли головы и посмотрели вверх. На люстре сидели два разноцветных попугая. Один был синий, а другой зеленый. Птицы ворковали. Вдруг зе-

ленький спикировал и сел на плечо дяди. Протянув указательный палец к нему, дядя ждал. Тот, подумав, принялся стучать клювом по дядиному ногтю. Сидевший на люстре синий попугай возмущенно заверещал. Слетев с плеча дяди и сев рядом с ним, зеленый тоже закричал. Дядя, улыбаясь, показал большой палец. Мы тоже заулыбались и стали наблюдать за птицами.

Сергей сел в кресло и, нащупав гитару, прислоненную к стене, взял её. Проводя пальцами по струнам, стал играть мелодию, понятную ему одному. Попугаи замолчали и прислушались. Мы подбежали к дяде и присоединились к игре. Перебирали струны и стучали по лаковому корпусу гитары, как по барабану. Зазвучала на редкость «многонациональная» музыка. Нам так понравилось, что мы удвоили усилия. Тут к нам присоединились попугаи, подняв крик. В комнате стоял невообразимый шум! Мы со смехом прекратили игру. Дядя убрал гитару и, улыбаясь, вышел из комнаты.

Когда мы вышли в гостиную, увидели дядю возле большого надувного круга, стоявшего в углу. Мы стали хлопать по толстым бокам камеры. Сергей любовно его поглаживал. Тут мы решили поиграть в прятки. Если дядя находит морских гребешков под водой, то в своем доме разыщет нас в два счета! Показывая ему на створки раскрытого гребешка, которые лежали везде, мы клали его руку на свои плечи, как бы прося, чтобы он поискал нас. Дядя закивал головой. Мы обрадовались и разбежались.

Я бросился в ванную комнату. Вбежав, залез на край ванны и прижался спиной к стене. Рядом висела мочалка. Чтобы меня не сразу заметили, накинул ее на себя и, балансируя на узком месте, стал ждать. Вдруг прибежала Ирка и юркнула под ванну, при этом зацепив за большой медный тазик. Он загремел по кафельному полу. Я собрался шикнуть на сестру, но вспомнил, что дядя не слышит, и затаился.

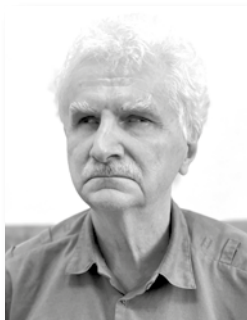
Вскоре в ванную вошел Сергей. За ним следовали Ленка и Женька, которых он нашел в маленькой камерке с фотолабораторией. Дядя опустил руку в ванну и, не обнаружив никого, зашарил под ней. Снова загремел тазик, затем смех Ирки. Улыбаясь, Сергей вытащил ее. Тут сестры заметили меня и, рассмеявшись, посмотрели на дядю. Тот направился к выходу. Я мысленно поздравлял себя с победой, как внезапно дядя остановился и задумался. Я затаил дыхание... Неожиданно он обернулся и стал шарить по краям ван-

ны. Наткнувшись на мои ноги, стащил вниз. Смеясь, я лежал на дне. Сестры, державшиеся за бока, тоже хохотали.

В этот момент нам захотелось пить, и мы бросились наперегонки к бабушке. Подбежав, стали просить «квасюлю под носулю». Бабушка рассмеялась и разлила квас по стаканчикам. Напившись, мы вернулись в гостиную.

Сергей сидел за столом с большим телевизором и надевал наушники. Телевизор был старым и черно-белым. Пощупав панель кнопок, колесиков и рычагов, дядя понял, что он выключен, и включил его. Наклонившись вплотную к экрану, стал ждать, когда телевизор нагреется. Мы подошли к столу. Через некоторое время экран засветился и начался мультфильм «Ну, погоди!». Мы смеялись над волком, который, гоняясь за зайцем, попадал в переделки. Дядя, следивший за движениями неясных контуров и слышавший звуки в наушниках, улыбался.

Тут нас позвали собираться. Мы подошли к дяде и, прощаясь, пожали его руку. Выходя из гостиной, увидели, что он снял наушники и следовал за нами. В прихожей мы попрощались с бабушкой и дядей Колей. Сергей стоял рядом. Мы трясли его руку и хлопали по плечам. Дядя, широко улыбаясь, показал большой палец. У выхода мы обернулись к улыбающимся родным, помахали руками и хором прокричали: «Чао-какао!».

Михаил Кременецкий

Астрахань

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Проза»*

Это родина Моя

Кто не слышал хотя бы раз крылатое изречение: «Все мы родом из детства»?

Цитата из знаменитой сказки Антуана Сент-Экзюпери «Маленький принц» давно обрела право на самостоятельную, отдельную от произведения жизнь.

Понятие это аллегорическое, ведь, расставаясь с детством, мы уносим во взрослую жизнь характеры, особенности, привычки и многое другое.

Только ведь на вполне обыденный вопрос:

— Откуда Ты родом?

Едва ли кто найдётся с ответом:

— Я родом из детства.

Но, наверное, с большим желанием и живописующими подробностями, с самой искренней и беззаветной любовью и гордостью будет рассказывать о малой родине.

Сколько замечательных приношений: музыкальных, поэтических и живописных посвящено теме Родного Края!

Лично мне выпало счастье родиться в старинном волжском городе Астрахани, где Я живу и сейчас, и где прошла-пролетела моя, как в таких случаях принято говорить,— «вся сознательная и трудовая жизнь».

С самого раннего детства Я, как и все мои сверстники, проявлял живой и неподдельный интерес к миру, в который пришёл жить, любить, творить и радоваться жизни. Воспринимая мир без зри-

тельных ощущений: на ощупь, слух и запах, Я, как это свойственно детям, задавал бесчисленные вопросы взрослым и старшим сверстникам.

Неподдельный интерес к истории родного края у меня возник рано. Часами Я мог, затаив дыхание, слушать интереснейшие рассказы отца о том, какой была Астрахань в пору его детства, в какие игры играли они, будучи такими же мальчишками, как Я сейчас, как изменилась жизнь моих земляков с началом Великой Отечественной войны.

При каждом удобном случае отец брал меня в путешествия по водным и степным просторам нижеволжского края. Поездки на рыбалку, ночёвки в лодке или в палатке на берегу реки, задушевные посиделки у пылающего вечернего костра – всё это запечатлелось в моей памяти на всю жизнь, и Я буквально влюбился в нашу неповторимую, чарующую своей красотой природу. Не имея зрения, Я, тем не менее, чувствовал и видел прекрасное рядом.

Чтобы расширить мой кругозор и дать более полное представление об истории родного края, папа организовал поход в местный краеведческий музей.

«Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать», – гласит народная мудрость, ну а ежели ещё и руками потрогать разрешается – тогда вообще праздник сказочный! Перед нашим походом в музей отец попросил давнишнего приятеля, директора Астраханского краеведческого музея, – звали его Владимир Иванович, – дать мне тактильно познакомиться с теми музейными экспонатами, которые в обычное время находятся под стеклом или отгорожены канатом.

Владимир Иванович показал себя радушным и гостеприимным хозяином: лично сопровождал по залам, показывал мне экспонаты; а меня в то время особенно интересовали чучела животных, птиц, рыб и пресмыкающихся, обитающих в Астраханской области. Каждый такой экспонат Я внимательно ощущивал и даже обнюхивал, стараясь уловить хоть какой-то характерный и присущий именно этому зверю или птице запах, что вызывало весёлый смех и задорные шутки со стороны моих взрослых спутников и случайных экскурсантов:

– Под хвостом – под хвостом лучше у шакала понюхай: там особенно вкусно должно пахнуть!

— Смотри, вот клюнет тебя сейчас цапля в нос — вон у ней какой клюв острый!

Ну а когда мне показывали холодное и огнестрельное оружие — тут уж восторгу и мальчишескому любопытству не было предела! Чего там только не экспонировалось: старинные пищали, арбалеты, медные пушки и пушчонки с чугунными ядрами, мечи, копыя, сабли, турецкие ятаганы — и более современное оружие вплоть до ручных и станковых пулемётов, автоматов, пистолетов и снайперских винтовок различных систем!..

Показывали мне и модели кораблей: парусников, гребных судов, военных кораблей — всего не перечислить!

Тепло прощаясь с нами, Владимир Иванович подарил мне на память небольшой макет первого советского искусственного спутника серии «Космос», именно такие впервые запустили из Астраханской области, с космодрома Капустин Яр.

Так уж случилось, что учиться в школе мне довелось в другом городе — в Саратове. Разлуку с домом, родными и друзьями Я переживал очень тяжело, особенно когда был в младших классах. Согрели душу письма из дома, которые задушевно и мастерски писал мне папа. В каждое письмо он вкладывал вырезки из газет, в частности, из астраханской «Волги» и «Комсомольца Каспия»; их обычно читала вслух наша учительница Ольга Васильевна Лункина. Папа подбирал и посылал мне статьи и заметки о жизни нашего региона, об интересных событиях из жизни Астраханского заповедника, записки натуралистов и краеведов...

В нашей школе тогда училось немало моих земляков, жителей Астрахани и Астраханской области, было у нас что-то вроде землячества: вместе ездили домой на каникулы и обратно в школу, обменивались новостями, полученными из дому, делились домашними гостинцами из посылок...

Когда Я учился в седьмом классе, отец подарил мне транзисторный двухдиапазонный радиоприёмник «Селга», и «радиорадости» моей не было предела — именно такой приёмник был моей голубой мечтой. И вот, получив желанный подарок, Я, будучи в школе, ежедневно, ровно в семь вечера, настраивал его на средневолновую частоту, с которой вещало астраханское радио, и слушал последние новости и разные передачи. Особенно мне любился радиожурнал «С микрофоном по родному краю», в котором

звучали сюжеты об истории и современности Астраханского края; в этой авторской программе журналиста Агиля Куряева звучали выступления известных людей, деятелей культуры, композиторов, музыкантов, писателей, краеведов.

Благодаря местному радио, Я познакомился с творчеством астраханских писателей Юрия Селенского, Александра Маркова, Юрия Щербакова и других, услышал отрывки из их произведений в авторском исполнении. Естественно, мне захотелось прочитать написанные ими книги в полном объёме, в те давние годы незрячим книголюбом о подобном роскошестве можно было лишь мечтать...

И всё же, благодаря усилиям неутомимых и самоотверженных сотрудников Астраханской библиотеки для инвалидов по зрению, книги местных авторов стали доступны и незрячим читателям. В конце семидесятых годов в аудиозаписи на магнитную ленту начал выходить звуковой журнал «Лотос», материалы для которого, отобранные из плоскопечатных периодических изданий, озвучивали сотрудники библиотеки Н.Л. Воинов, В.П. Аксёнова и В. Забельская, а в начале восьмидесятых страстный пропагандист астраханских писателей Николай Любомирович Воинов озвучил несколько их книг...

Сейчас Астраханская библиотека для слепых и слабовидящих успешно реализует проект по популяризации и развитию тифлокраеведения: регулярно выходят сборники местных авторов, в том числе, содержащие прозу и поэзию незрячих авторов, а также материалы по истории и этнографии родного края; эти сборники доступны всем читателям — и брайлистам, и тем, кто предпочитает слушать книги в аудиоформате.

В 1985 году Я познакомился и подружился с Александром Сергеевичем Марковым, астраханским писателем-краеведом, автором более двадцати книг об историческом прошлом нашего края.

Уникальность и самобытность творчества А.С. Маркова заключается в том, что все написанные им книги основаны на документальном материале, на скрупулёзном изучении архивных документов, а не на литературном вымысле.

В детстве Александр Сергеевич переболел полиомиелитом, в результате чего утратил способность самостоятельно передвигаться, однако недуг не сломил волю будущего писателя-краеве-

да и Почётного гражданина Астрахани. Саша с золотой медалью окончил среднюю школу в родном Марфине, а затем — исторический факультет Астраханского пединститута.

Энциклопедические познания в области истории и краеведения, которыми обладает Александр Сергеевич, меня восхищали и завораживали...

Однажды мы с Александром Марковым сидели у него дома и он, в присущей для него обаятельной и увлекательной манере, рассказывал, как жили в прошлые времена его земляки из Марфина (как раз готовилась к печати его книга «Легенды и были села Марфино»).

В комнате, где мы сидели, негромко звучала музыка из радиоприёмника; и вот до моего слуха доносится знаменитая песня «Из-за острова на стрежень» в исполнении незабвенного артиста-вокалиста Бориса Штоколова. Поддавшись настроению, Я спросил у Александра Сергеевича:

— Скажите, по вашему мнению, то, о чём говорится в песне, — народный вымысел или действительно атаман казачьей вольницы, поддавшись критике сподвижников, бросил в Волгу молодую персиянку?

Александр Сергеевич, дослушав песню до конца, рассказал, что в Государственном архиве хранится свидетельство: перечень злодеяний и правонарушений, совершённых по приказу Степана Тимофеевича Разина или с его личным участием; этот обвинительный перечень был зачитан в Москве, на Лобном месте, непосредственно перед его казнью 16 июня 1671 года. И в нём ничего не сказано о том эпизоде, который стал сюжетом песни, хотя в списке значились и куда меньшие преступления, доказанные или приписываемые атаману.

Поддавшись настроению, я рассказал, как, будучи маленьким мальчиком, печалился, слушая эту песню — было очень жаль персиянку... Моему неуёмному воображению рисовалась счастливая концовка: персиянка, как мне представлялось, живя в большой и счастливой семье на берегу Каспийского моря, с раннего детства замечательно умела плавать и нырять, и когда её бросили за борт — ушла глубоко в воду и поплыла, невидимая с острогрудого казачьего челна подгулявшими разбойниками, а когда отплыла метров на пятьдесят — вынырнула и спокойно добралась

до берега. Отдохнув и обсохнув, девушка пришла во славный город Астрахань и явилась на персидское подворье, где останавливались иранские купцы со своими караванами. Купцы спрятали девушку и благополучно переправили в Персию, к маме с папой, одним словом – всё должно было закончиться именно так... Видимо, отсутствие жизненного опыта и желание видеть всё в розовом свете подсказало маленькому человечку счастливое окончание этой страшной истории.

...Я мечтал прочитать книги астраханских писателей именно по Брайлю – однозначно признаю для себя приоритетным чтение пальцами, а не на слух. Моей заветной мечте суждено было исполниться, а произошло это, когда мне, что называется, было не до радостей земных: Я полностью потерял бытовой слух. Но всё же счастье улыбнулось сквозь слёзы: освоив навыки работы с компьютером, Я начал использовать сканер, благодаря чему плоскпечатные книги стали мне вполне доступными.

И сейчас, оглядываясь в прошлое, чувствую себя свидетелем истории родного края. А память человеческая – удивительная вещь: бережно хранит воспоминания о давно минувших днях. И когда выдаётся возможность, Я рассказываю молодому поколению о том, какой была наша Астрахань, наша Волга в пору моего детства и юности. Любить свою малую родину – значит, узнавать о её истории и настоящем как можно больше, эти знания приносят радость и счастье в мою жизнь.

Василий Малеев

Иркутск

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Проза»*

Приключения на тракторе

Наступило лето. Жара. А у нас на даче сломался насос. Вытащил его из скважины — без воды-то никак не обойтись!

Собрался везти в мастерскую. Жена предложила, чтобы ехал на такси и возвращался тоже. На автобусе нужно добираться с пересадкой, да ещё от остановки километра два идти. В общем, поддался на уговоры и решил ехать с комфортом.

Жена объяснила водителю, куда мне нужно. В свою очередь, я сказал, что вижу и слышу очень плохо.

Мы тронулись. Дорогу я чувствую. Постепенно начал сомневаться. Должны бы уже добраться до места. И действительно, водитель остановился: «Все, приехали!».

Я расплатился, вышел. Толчком таксист указал направление и укатил.

А я остался у дороги, по которой в оба конца едут машины. Ни тротуара, ни других признаков цивилизации.

Пошёл в указанном направлении. Прошёл метров 200, а ничего не меняется. На обочине припаркованы машины, обхожу их по проезжей части.

Может, направление понял неверно? Повернул обратно.

Начал различать шум большой дороги. Самостоятельно в это время перейти не смогу. Может, в первый раз не дошёл до места? Повернул обратно. Дошёл до поворота и свернул. Переходить не стал. Но впереди ещё одна дорога с большим движением!

Понял, что нахожусь в зоне четырёх дорог. Решил вернуться на исходное место. А где оно? Вопрос сложный. Кругом машины, ни одна не остановилась... За полтора часа никого не встретил.

Иногда обращался в пространство:

– Есть ли здесь живые люди?

Увы, тишина.

Затосковал. До дачи километров 15. Главное, не знаю, где нахожусь и в какую сторону идти, чтобы выйти из опасного места. Телефона нет, родственники начнут волноваться. Вляпался!

О мастерской уже не думаю. Выбираться решил к вечеру. Движение снизится, и света станет поменьше; видеть буду чуть лучше. А до вечера-то ещё...

Погруженный в мрачные мысли, не заметил, как рядом появился человек. Сначала подумал, это женщина, голос показался тонким. Но позже понял, что мужчина.

Объяснил, что ехал на такси в мастерскую, а где меня высадили и как вернуться, не знаю. Попросил помочь.

Он уточнил, в какую мастерскую мне нужно. А я понял, что он вывезет меня на тракторе. Перешли дорогу, обошли трактор. Он забрался в кабину и говорит:

– Не бойся, залезай!

Я забрался, пристроился рядом с водительским сиденьем на каких-то железках, и мы поехали. Хороший трактор! Я на них никогда раньше не ездил. Приехали минут через 10. Мужчина проводил прямо до двери. А там я всё знаю.

С благодарностью вспоминаю этого человека. Хочу, чтобы у него всегда было всё хорошо.

Насос быстро отремонтировали. Снова ехать на такси побоялся. Автобусом сложно, зато маршрут знакомый!

Виталий Рольщиков

Железнодорожный

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Проза»*

Как мальчик девочкой стал

Жил-был вредный мальчик по имени Коля. Больше всего на свете он любил обижать девочек, — дергал за косы, отнимал и ломал кукол, обзывал плохими словами.

И вот однажды с ним случилась такая история.

Когда в один погожий солнечный день он стоял на улице и... дергал за косы сразу трех девочек, мимо прошла фея и покачала головой.

А вечером он вдруг превратился в девочку!

Его мама очень удивилась и обрадовалась, — ведь она так хотела девочку! И назвала его Олей. Так Коля и стал жить девочкой.

Ох, и несладкая оказалась девчачья жизнь!

Мальчики дергали Олю за косы и брызгали из водяного пистолета чернилами прямо на платье. А когда она жаловалась маме, обзывали плаксой и ябедой.

Однажды Оля не выдержала и крикнула мальчикам:

— Вот превратят вас в девочек — тогда и узнаете!

И рассказала, что с ней случилось.

Мальчики испугались и больше не обижали девочек, а угощали их конфетами, мороженым и водили в цирк на дневной сеанс.

Вскоре фея за примерное поведение превратила Колю-Олю обратно в мальчика. А в городе больше никто и никогда не обижал девочек!

Девочка-кошка

Жила-была на улице Чехова девочка Ира. Мама ею никак не хвалиться не могла — и работяща, и разумна — отлично учится! А как животных любит!

Найдет щенка бездомного, домой принесет, а затем в добрые руки устроит. Найдет птичку покалеченную — и выхаживать станет, а затем на волю отпустит или же дома оставит.

И жили у нее разные зверюшки да птицы — двортерьер Шарик, бесхвостый сиамский кот Барсик, бескрылый говорящий ворон Карлуша, певчие птички — щегол Ряпа, чиж Гришка, клест Кривонос.

А по соседству с Ирой жила злая ведьма Варвара Степановна — страшная и жестокая — злей ее, пожалуй, во всей стране не было.

Больше всего ведьма любила устраивать пакости — то птичку в жабу превратит, то собаке крысиную голову приделает, то на малышей во дворе зубную боль найдет.

А ненавидела больше всего на свете нашу Иру — девочка защищала от нее птиц да зверюшек, а малышей быстро утешала.

И вот однажды придумала ведьма, как Иру погубить.

Почитала колдунья свои книги колдовские, а затем, когда девочка гуляла во дворе и кормила голубей, навела на нее злые чары.

Превратилась девочка в кошку, обыкновенную, уличную.

Хотела ведьма, чтобы Ира мышек и птичек ловила да мучила, с котами гуляла.

Да не вышло ничего у ведьмы — осталась в душе девочка прежней, хоть внешне кошкой сделалась.

Подружилась бывшая девочка со всеми кошками двора, стала их королевой.

Запретила подданным мышек и птичек обижать.

Только крыс злых да жадных и ловили кошки.

Прознала ведьма, что Ира теперь королева кошек, и именно из-за нее перевелись во дворе любимые ведьмой крысы.

Разозлилась и наслала на Иру волка злого-презлого.

Напал волк на Иру, да успели кошки свою королеву защитить, победили волка.

Но поранил королеву волк.

Не растерялись кошки, позвали на помощь доброго мальчика Игоря.

Как увидел мальчик кошку раненую, подобрал и домой принес. Долго ухаживал за больной — лекарства давал, повязки менял.

И вот чудо случилось — как только снял мальчик последние повязки, кошка превратилась в девочку.

Ира рассказала ему свою удивительную историю, и дети подружились.

Ну а злая ведьма, как только увидела во дворе весело играющих в прятки Иру и Игоря, от злости превратилась в старую облезлую крысу.

Откуда в лесу поганки

Жил один земледelec. Не простой, а особенный — сеял не зерно в поле, а грибы в лесу.

И был у него сын. Казалось, всем хорош, рукастый да умный. Да худо было — любил он браниться словами погаными.

Решил отец сына испытать.

Дал весной семена грибные и говорит:

— Сумеешь их посеять безо всякой брани — все хозяйство твое будет.

Отправился сын семена грибные сеять.

Идет по лесу и сеет. Встретился ему старый отшельник.

Спрашивает:

— Что ты, добрый человек, сеешь?

А юноша вместо ответа старика выбранил.

Молвил тогда старик:

— Пусть вырастет то, что ты сейчас посеял!

Закончил юноша сеять, домой вернулся, но отцу ничего не сказал.

Прошло время, пошел мужик с сыном грибы собирать.

Смотрят — а вместе с грибами нечто странное растет — на грибы похоже, да плохо пахнет и в руки взять противно.

Увидел такое дело сын, вспомнил про стариковы слова и во всем отцу сознался.

Говорит отец:

– Худо, что сразу мне не сказал, тогда бы поганые слова не проросли, но хорошо, что ты сознался сам – а то стали бы все грибы ядовитыми.

С того времени и появились в лесу поганки.

И примета есть – там, где словами погаными не бранятся, – поганок и нет.

Алёна Капустьян

Мытищи

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Проза»*

*

Боялась глубоких ям. Часто натыкалась на них — открытые, без защитных решёток — и заглядывала туда, в непроглядную тьму...

Это — страшно...

Однажды резвилась с троюродным братом на полянке ярко-зелёной травы — неподалёку от окон нашей с мамой квартиры. Вокруг было тихо и безлюдно. Только вблизи тихонько шумел лес: деревья покачивались от порывов ветра, касаясь кронами друг друга.

Я предложила поиграть: кто первым добежит до трубы, едва виднеющейся из-за угла нашего дома, тот победит. Саша охотно принял вызов и, не дожидаясь моей команды «старт», побежал. Я бросилась за ним.

Подбегая к железным трубам (по ним, наверное, текла вода в дом), зачем-то оглянулась назад: за нами мчалась, сверкая чёрными глазами, разъяренная большая собака. Я криком предупредила Сашу и запрыгнула на большой камень, чтобы перемахнуть через трубы. Перелезая и прыгая с трубы на трубу, с камня на камень, мы наконец оказались на земле с другой стороны — и побежали сломя голову.

И тут я в ужасе увидела приближающуюся чёрную яму, которую нередко видела... Не было времени для изучения ситуации или обхода ямы. Поборов страх, перепрыгнула через нее, и с облегчением продолжила бежать.

Мы добрались до детской площадки, забрались по горке наверх, надеясь, что собака нас не достанет.

А собака как сквозь землю провалилась – её не было видно...

*

Замерев на месте посреди сеней, сосредоточенно рассматривала советские высокие резиновые сапоги цвета воронова крыла. Они казались зловещими и загадочными: в них скрывалось нечто магическое... «Если их надеть ночью, то они понесут меня в лес и покажут фантастическое» – размышляла я. Заглянула в сапоги: в каждом чёрная глубина, внушающая страх и нежелание сунуть ногу в неё...

Вошёл двоюродный брат, точнее дядя: бабушка в юности удочерила его мать, свою младшую сестру, после смерти их общей мамы, и мы привыкли так называть её детей. С улыбкой показал мне красных червей, ползающих по дну маленького ящичка: я сразу поняла намек – он звал меня на рыбалку.

Бабушка засуетилась: намазала кремом от комаров мои руки, лоб, щеки, шею, волосы, ноги, дала пакет пирожков с яйцом и луком, чищенными грецкими орехами, привезенными из Узбекистана, белым хлебом для рыбок и бутылкой воды.

Мы неспеша шли, шутиливо толкая плечами друг друга, пытаюсь повалить в гущу высоких пышных трав.

Придя на наше маленькое озеро, уселись, закинули удочку и наблюдали за поплавком.

Мне надоело смирно сидеть, я встала, вертела головой во все стороны в поисках чего-то интересного и привлекательного. Моя привычка постоянно оглядываться – чтобы найти, что можно позучать, сассоцировать. Ничего не найдя, стала прыгать по траве, кружиться, не обращая внимание на отчаянные знаки Саши утихнуть на время, чтобы не распугать рыбу. Развеселившись, не смогла остановиться, съехала ногами с крутого берега в воду.

Саша, бросив удочку, схватил меня за руку и вытащил. А удочка уплыла и свалилась в озеро.

Стали думать, как её достать, чтобы избежать наказания от дедушки.

За нашими спинами был лес: сосны, берёзы, дуб, ольха, тополь. Я пошла туда, надеясь на подсказку леса. Найдя, принесла на берег длинную ветку. Саша попробовал ею поводить по воде, потолкать спокойно плавающую удочку ближе к берегу. Получилось, но ему всё равно пришлось зайти в ледяную воду по колена, чтобы её вытащить.

К вечеру вернулись на дачу с ведром, где было несколько карасиков.

На мангале с треском разгорался огонь: значит, дедушка собирался пожарить шашлыки...

НОМИНАЦИЯ «Эссе/публицистика»

Лауреат I степени

Любовь Малофеева (*Ижевск*)

Лауреат II степени

Михаил Кременецкий (*Астрахань*)

Лауреаты III степени

Турнбьёрн Свенссон (*Рюдебекк, Швеция*)
перевод с шведского Наталии Первой

Владимир Елфимов (*Новосибирск*)

Шорт-лист

Алёна Капустьян (*Мытищи*)

Валентина Васильева (*Гай*)

Владимир Рачкин (*Пермь*)

Елена Какорина (*Москва*)

Лонг-лист

Ирина Жукова (*Починок*)

Андрей Марков (*Санкт-Петербург*)

Валентина Серёгина (*Орск*)

Вера Лыженкова (*Москва*)

Александр Галан (*Тюмень*)

Карина Жакова (*Брянск*)

Любовь Малофеева

Ижевск

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Эссе/публицистика»*

Война в истории моей семьи

- *Макар, как ты думаешь, для чего нужны бабушки?*
- В глазах моего шестилетнего внука удивление и непонимание.*
- *Просто нужны.*
- *А дедушки?*
- Пожимает плечами.*

1.

У Макара два деда и две бабушки. Этот маленький человечек окружен любовью, вниманием и заботой старших родственников.

У моей дочери был один дед и две бабушки.

А у меня никогда не было бабушки. И дедушки тоже. И внучкой, соответственно, я никогда не была. В моем сознании был лишь некий обобщенный книжный образ добрейших деда и бабы с ласковыми руками, морщинками у глаз, запахом пирожков и наваристого борща, волшебными сказками на ночь.

Я была дочкой своих родителей, я жена предначертанного мне свыше мужа, я мама любимой дочки, а теперь уже бабушка обожаемого внука. А внучкой не была. Оборвана естественная цепочка поколений. С каждым годом всё глубже осознаю эту несправедливость жизни, острее переживаю то, что у меня нет такого социального опыта, – быть чьей-то внучкой.

2.

Холодеет душа от мысли о самых трагических событиях в истории моей семьи. Война отняла беззаботное время детства и юно-

сти и сделала сиротами моих родителей – Геннадия Павловича и Евгению Филипповну.

Мамины родители, Филипп Петрович и Анастасия Алексеевна, ушли из жизни друг за другом от непосильной работы и болезней – дед в конце 1941-го года, бабушка – в начале 1942-го. Этот период в семейной хронике – один из самых тяжелых и печальных...

Суровый январь 1942 года. В Удмуртии началось строительство стратегически важной железной дороги Ижевск – Балезино. Позже эту стройку назовут одним из самых значительных событий в истории республики XX века. Она сооружалась в условиях, приближенных к фронтовым. Основной рабочей силой были женщины и подростки. Работа не прекращалась ни днем, ни ночью. В 54-градусные морозы, в пургу и метели, под палящим летним солнцем, под проливным осенним дождем тысячи людей трудились на трассе, забывая про сон и отдых. От голода, холода и тяжелой работы гибли люди и лошади, тем не менее дорога была построена в кратчайшие сроки – за год.

Основная цель строительства – сокращение времени транспортировки угля и древесины с Севера на оборонные заводы. Железная дорога Ижевск – Балезино протяженностью около 150 километров дала кратчайшую связь Северного Урала с районами Поволжья и Юга. Архивные документы сообщают: «по железной дороге устремились на запад тяжеловесные поезда, гружённые смертоносным оружием, изготовленным на уральских заводах, устремились туда, где Красная Армия громила ненавистного врага, очищая родную землю от немецко-фашистских захватчиков».

Мой отец, 14-летний подросток и моя мама, 16-летняя девушка, – двое из многотысячной армии строителей этой дороги. Они не любили рассказывать об этом эпизоде своей жизни. Я могу представить тяжелейшие условия работы лишь по воспоминаниям других участников, опубликованным в разных изданиях. Знаю только, что отец в ту зиму чуть не лишился ног, обморозив их.

3.

Суровый январь 1942 года. Две трагические параллели в одном временном отрезке – мои будущие юные родители на строительстве железной дороги и дед в мясорубке войны под Ржевом.

Я много читала об этом периоде войны. В истории Великой Отечественной войны Ржевско-Вяземская наступательная операция с 8 января по 20 апреля 1942 года — одна из самых тяжелых и кровопролитных. Приблизительная статистика гласит: «безвозвратные потери Красной Армии за четыре неполных месяца — 272320 человек, санитарные — 504569 человек, всего — 776889 человек».

Один из 272320-ти «безвозвратных потерь» — мой дед по отцовской линии Пантелеев Павел Дмитриевич. О нем я знаю совсем немного: скупые рассказы отца, несколько строчек в «Книге памяти» и справка, выданная Центром документации новейшей истории Удмуртской Республики по данным Центрального архива Министерства обороны РФ. В справке текст: «ФИО: Пантелеев Павел Дмитриевич, Г.Р.: 1905, Место рождения: УАССР, ГЕОГР.: д. Зянтемошур, МЕСТО ПРИЗЫВА: Удмуртия, Игринский РВК, ЗВАННИЕ: кр-ц, ДОЛЖНОСТЬ: стрелок, ДАТА ВЫБЫТИЯ: 21 января 1942, ПРИЧИНА ВЫБЫТИЯ: пропал без вести, МЕСТО ГИБЕЛИ: Смоленская обл., д. Сычевка».

Изучая материалы о Ржевско-Вяземской наступательной операции, я нашла в Интернете воспоминания Фрица Ланганке из разведывательного батальона 2-й дивизии СС «Рейх». Его глазами я увидела шокирующие картины войны в районе населенных пунктов Гжатск-Сычевка-Свинойка с 19 по 21 января 1942 года. Эта трагическая система координат — дата и место гибели моего деда. Жуткий мороз — до минус 51 градуса ночью. На полях разбросанные тела убитых и занесенных снегом русских солдат. Под окном эвакуационного госпиталя груды ампутированных рук, ног, выброшенных после операций — в тех ужасающих зимних условиях потери от обморожения превышали боевые.

В контраст ужасам войны «фриц» описывает потрясающе красивое природное явление, которое 21 января заворожённо наблюдало множество людей: «в холодном ветре ярко ослепили нас, а в небе стояли две радуги, зеркально отраженные друг от друга, соприкасаясь друг с другом на своих вершинах».

Я хочу верить в то, что дед в последний день своей жизни увидел эту радугу. Не ужасы войны, а гармония и красота природы были его последним земным видением. В своем сознании эту зим-

ную радугу я ассоциирую с вратами рая для утомленного войной солдата.

21 января 1942 года, 214-й день войны. По данным Центрального архива Министерства обороны РФ именно в этот день мой дед пропал без вести.

После боя сотни тел убитых солдат оставались на поле. В ходе тяжелых оборонительных боев, в которых воинские подразделения несли большие потери и порой вынуждены были поспешно отступать, не представлялось возможности достойно захоронить павших. Не всегда это делалось и в ходе наступления. И лишь зимняя вьюга пыталась скрыть это уродство войны, заботливо укрывая павших снежным саваном.

Снег под ним, набрякши кровью,
Взялся грудой ледяной.
Смерть склонилась к изголовью:
— Ну, солдат, пойдем со мной.
Я теперь твоя подруга,
Недалеко провожу,
Белой вьюгой, белой вьюгой,
Вьюгой след запорошу.

А. Твардовский, *«Смерть воина»*

Хоронить погибших обычно приходилось тыловикам других частей или местному населению. Энтузиазма и старательности это, естественно, не вызывало. Одно дело всей деревней похоронить героя. Совсем другое — собирать по округе начинающие разлагаться трупы. В лучшем случае останки погибших солдат хоронили в братских могилах, не проверяя документов и не фиксируя имена. Работая над очерком, я изучила довольно много документов. Воспоминание одного из участников войны неприятно удивило меня: «Согласно распоряжению, все найденные солдатские медальоны в обязательном порядке нужно было сдавать в отделения милиции или сельсоветы. Далее они передавались в военные комиссариаты. А там — просто выкидывались или уничтожались. Стране не нужны были мертвые — за них надо было платить компенсацию семьям. Я уже не говорю об утраченных или сознатель-

но уничтоженных списках безвозвратных потерь, боевых донесениях. Стране нужны были безымянные. Без вести пропавшие...»

Возможно, именно так мой дед оказался в числе без вести пропавших...

4.

Мы, внуки Павла Дмитриевича, не знаем место его захоронения, хотя предпринимали попытки разыскать. Я даже не могу представить, как он выглядел. Говорят, была в семейном альбоме одна фотография, но не сохранилась. С надеждой восстановить пробел в семейной истории мы обращались в Игринский военкомат, откуда он был призван на войну. Получили ответ: «Архив сгорел, восстановить невозможно...»

Сейчас есть предположение о месте его погребения – это «Поле Памяти» близ города Сычевка Смоленской области. Здесь, на площади в 250 квадратных метров, перезахоронены останки павших бойцов в ходе кровопролитных боев с 8 января 1942 года по 31 марта 1943 года на Ржевско-Сычёвско-Вяземском направлении.

5.

После завершения строительства железной дороги Ижевск – Балезино маме предложили пройти курсы трактористок. За 1941–1945 гг. в школах механизации, в районных, колхозных одногодичных школах и на курсах при МТС прошли обучение более 18 тысяч женщин. Это еще одна страница трудового подвига женщин Удмуртии. Мама в то время жила в деревне Унтем Игринского района, на обучение приходилось ездить в город Глазов. Денег на билет не было, поэтому, рискуя жизнью, почти трехчасовой путь от станции Игра до города Глазов она проделывала на подножке вагона. Ярким воспоминанием тех лет были невероятно вкусные пирожки с мясом! Бойкий продавец пирожками зазывал голодных покупателей – отказать было невозможно, отдавали последние деньги. Через какое-то время он исчез. Были слухи, что его арестовали, а те пирожки были из мяса собак и кошек.

Освоив профессию трактористки, мама приступила к работе. Ей, как и многим юным девушкам, пришлось трудиться в невероятно

тяжелых условиях. Эта работа требовала больших физических усилий. У голодных трактористок не хватало сил завести мотор, рукоятка давала обратный ход и, если не успевали увернуться, ударяла их по руке, челюсти, ребрам или голове. Так многие девушки получали переломы и сотрясения мозга. Они придумали способ уберечься от травм: к заводной рукоятке привязывали веревки, и дергало их одновременно несколько человек, пока не заработает двигатель. Иной раз просто не выключали мотор, потому что работали от зари до зари, порой даже ночью, позволяя себе несколько часов сна в кабине трактора — и снова за дело. Благодаря самоотверженному труду трактористок за военные годы Удмуртия сумела сдать государству хлеба в объеме семи предвоенных лет.

Мой отец после строительства железной дороги пополнил армию подростков, работающих на заводах Ижевска. Удмуртия в годы Великой Отечественной войны стала одним из основных поставщиков стрелкового оружия, а также авиапушек, пулемётов Березина и Максима, противотанковых ружей.

6.

9 мая мы традиционно идем к Вечному огню — почтить память участников той страшной войны. Филипп Петрович и Анастасия Алексеевна Ившины, Павел Дмитриевич Пантелеев... В моем рассказе ничего не сказано о бабушке по отцовской линии — Александре Ивановне. Она ушла из жизни совсем молодой — еще до войны.

Пронзительно больно от того, что эти люди, родные по крови, долгое время воспринимались мной лишь как имена из семейной истории. Вместе со зрелостью и осознанием собственного бабушкиного счастья пришло понимание величайшей утраты, а «незнакомые» родственники стали бесконечно дорогими и близкими. Им не суждено было испытать подобного счастья, им не суждено было стать бабушками и дедушками. А мне не суждено было быть внучкой...

7.

«Бабушка, я слепил счастливый пельмень!» «Бабушка, я поцеловал все твои пирожки, я их люблю!» Пирожки с любовью,

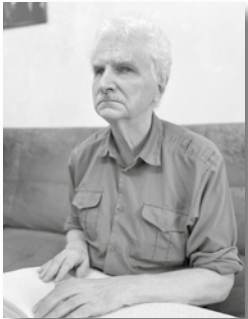
счастливые пельмени... Простое бабушкино счастье со сказками, играми, прогулками, подарками и другими мелочами. Приятно быть бабушкой!

8.

– Макар, а все-таки для чего нужны бабушки и дедушки? – не унимаюсь я.

– Чтобы играть,– в глазах озорные искорки и готовность немедленно вовлечь меня в очередную веселую забаву.

– Дорогой мой мальчик,– говорю я серьезно,– бабушки и дедушки нужны для того, чтобы любить таких мальчиков, как ты. Или девочек. Внуков, одним словом.

Михаил Кременецкий

Астрахань

*лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Эссе/публицистика»*

Второе рождение

Почему я так люблю вечернее время суток? Наверное, потому, что именно вечер располагает к задушевным беседам, к воспоминаниям о днях и событиях давних и недавних... Настраивает на размышления о прожитом и пережитом — вот в этом и состоит для меня притягательность и интимность тихих тёплых астраханских вечеров... А, быть может, я полюбил их с раннего детства, когда в нашей уютной двухкомнатной квартире собиралась наша дружная семья, взрослые рассказывали о прошедшем у них на работе дне, а я сидел и слушал с особым восторгом, затаив дыхание, рассказы отца о его детстве, о войне, которую он прошёл-проехал на легендарной «Полуторке» — от Калмыцких степей до самой Праги... И уже лёжа в кровати очень сожалел о том, что мне, по сути, нечего рассказать, разве что про свои мальчишеские забавы или про то, что слушал недавно по радио...

И вот я уже старик на седьмом десятке, уже и мне есть о чём рассказать, но рядом нет никого, кто бы меня послушал. Из проигрывателя льётся задушевный и нежный голос любимой певицы Нины Бродской: «Красивые слова не нужны, не нужны и розовые сны, а жизнь пройти — не поле перейти. И всякое случается в пути». Вот и со мною случилось по жизни немало всякого-разного, обо всём не поведать, да и не всем это будет интересно, тем паче и самому о многом вспоминать подчас весьма тяжело, но о чудесном избавлении от страшного недуга, каким, вне всякого сомнения, является тотальная слепоглухота, мне всё же очень хочется поведать.

Я рос ласковым и послушным

Жил-был маленький мальчик; он появился на свет, чтобы радоваться жизни, смотреть на мир широко открытыми глазами, всех любить и быть любимым... Но прорвался демон злобы или какая-то подлая сила нашла лазейку к незащищённому хрупкому созданию, только в одну из холодных и тёмных декабрьских ночей мальчик тяжело заболел, и едва начавшаяся жизнь повисла на волоске. Несколько дней и ночей врачи боролись за неё, злая напасть вынужденно отступила, но с пустыми руками уходить не захотела, отняв у ребёнка самое драгоценное – зрение, без остатка и навсегда... Таков был приговор врачей-офтальмологов из ведущих клиник страны. Вместе с горем пришло и понимание того, что с ЭТИМ теперь придётся жить...

Это я ведь про себя рассказываю, так же, как мне рассказывали об этом отец и мать. Я рос ласковым и послушным ребёнком, всем на загляденье. Как и у здоровых сверстников, моя жизнь была полна радостей и увлечений. Мой отец рыбачил – как любитель. Это увлечение было унаследовано и мною, ибо не было для меня большего счастья, чем поездки с папой на рыбалку. Со временем я тоже научился лихо управляться с рыболовными снастями, случилось даже, что умудрялся забрасывать удочки в чужие лодки и даже в сумки...

Природа наделила меня очень острым и чутким слухом, в дальнейшем он развился, стал натренированным и помогал ориентироваться в пространстве, узнавать людей по голосам, различать птиц, зверей и насекомых. Мой папа не переставал удивляться моей наблюдательности по слуху. Обнаружились и музыкальные способности. Охотно стал учиться музыке в стенах Саратовской школы для слепых детей. Именно там меня и настиг новый удар судьбы. После перенесённой в тяжёлой форме кори я получил осложнение на уши. Слух медленно, но неумолимо падал. Врачи только разводили руками и отводили глаза, вселяя надежду на грядущие достижения медицинской науки и техники. Но я успел окончить музыкальную школу, а также получить аттестат зрелости.

Высококачественных слуховых аппаратов в то время ещё не было, а их жалким подобием, которое пищало, свистело и гудело на разные лады, сурдологи не советовали пользоваться, по-

лагая, что это может привести к дальнейшему снижению слуха. Поэтому мне пришлось рассчитывать только на собственные силы, смекалку, сосредоточенность, максимальную концентрацию внимания и терпение. В школе ко мне относились с пониманием. После неё пришла счастливая пора молодости: любимая работа. Всё у меня складывалось хорошо. Получив специальность массажиста, сумел осуществить и заветную мечту — поступил в Астраханское музыкальное училище, которое успешно окончил. Однако слух к тому времени существенно снизился, и стать преподавателем в музыкальной школе, а именно к этому я больше всего стремился, я уже не смог. Снова надел белый халат и почти тридцать лет проработал массажистом в различных медучреждениях города.

Дорогу осилит идущий

О том, что такое слепоглухота и как живут слепоглухие люди, я впервые узнал из журнала для слепых детей «Советский школьник». В статье талантливого незрячего журналиста и главного редактора журнала Виктора Александровича Глебова шла речь о Загорском доме-интернате для слепоглухонемых детей. Находясь под неизгладимым впечатлением от материала, я по переписке познакомился с воспитанниками этого учебного заведения, с интересом читал их письма. Ну а в середине семидесятых страну облетела сенсационная новость: студентами философского факультета Московского государственного университета стали четыре выпускника Загорского интерната: Александр Суворов, Юрий Лернер, Сергей Сироткин и Наталья Корнеева. Я искренне восхищался этими ребятами, мужественными и целеустремлёнными, гордо и смело вступившими в большую жизнь, своим примером доказавшими, что для них нет преград, которые нельзя преодолеть. С годами, став взрослым, я начал с очевидной безысходностью осознавать, что сам являюсь потенциальным слепоглухим, поскольку давно начал пользоваться слуховыми аппаратами.

Тот день, двенадцатое января 1998 года, мне не забыть никогда, хоть и очень бы хотелось. Утром, проснувшись, почувствовал себя разбитым и больным. О том, чтобы идти на работу, не могло быть и речи. Надо было предупредить коллег. Подойдя к телефонному аппарату, стоявшему на моём письменном столе, снял трубку,

приложил к правому уху и... не услышал привычного гудения. Подумал, что телефон не работает. Однако через левое ухо пробился слабый звук. Значит?... На включённый слуховой аппарат правое ухо также не отреагировало, и тогда я понял, что дела мои совсем плохи. Работу пришлось оставить, поскольку бывали дни, когда я практически ничего не мог понять из того, что мне пытались сказать люди. А беда, как известно, редко одна приходит: тяжело заболел и вскоре скончался отец, которого я любил больше жизни, не было на свете человека дороже, чем мой папа. Мы остались вдвоём с моей старенькой и очень больной мамой. Мои мобильные возможности существенно сократились чуть ли не до минимума, но сдаваться на милость победителя я всё же не собирался: самостоятельно ходил в магазин и аптеку, вёл домашнее хозяйство. Для общения с продавцами и аптекарями применял широко известный способ – печатал на пишущей машинке список продуктов или лекарств. Если же мне что-то пытались сказать, уточнить, я браво и весело отвечал: «Со мною, как с начальником: меня можно только слушать и слушаться...»

Слуховой карманный аппарат, который я брал с собой исключительно для храбрости, больше не включал за ненадобностью. Ему на смену пришла карточка-алфавитка. Это пластмассовый прямоугольник с плоскочечатными и брайлевскими буквами, а также цифрами. Однако современные технологии сулили мне куда более широкие возможности для связи с внешним миром, и я активно приступил к освоению компьютера с «брайлевской строкой». Дорогостоящую спецтехнику помог приобрести председатель местной организации ВОС Александр Яковлевич Романов.

Освоить компьютер оказалось делом непростым, так ведь и под лежачий камень, как известно, вода не течёт, а дорогу осилит идущий. Не спеша, но поспешая, я всё же освоил программу-минимум в компьютерном «кликбезе». Для этого пришлось поехать на курсы в «Реакомп», где фактически с «чистого листа» состоялась моё знакомство с компьютером и брайлевским дисплеем. А по возвращении из института я занимался под руководством местного программиста Андрея Абрамова, работающего преподавателем информатики в коррекционной школе, ну а затем и сам стал собирать и систематизировать необходимые материалы... Вскоре мне стал доступен Интернет: электронная почта и многое другое.

Тихо сам с собою

Пагубным последствиям слепоглухоты я противопоставил каждодневную работу над сохранением чистоты и интонированности собственного голоса. Дело в том, что устная речь человека, не слышащего звучания собственного голоса, со временем начинает искажаться, голос меняет тембровую окраску и выразительность, глухой человек подчас не может адекватно контролировать силу звучания, снижается также внятность и разборчивость речи, — всё это в конечном счёте становится дополнительной и весьма тяжёлой помехой при общении слепоглухого человека с окружающими его людьми. В качестве инструментов и приёмов, призванных мне помочь в этом процессе, я избрал художественную декламацию стихов, выразительное чтение с листа, а также вокальные упражнения и даже художественный свист, который — нередко — в силу того, что я ещё недостаточно хорошо контролировал себя в данном жанре, подчас становился художественно-разбойничьим. Поскольку для меня всё это являло собой продолжение моих увлечений, которым я вдохновенно предавался ещё со школьной поры, это не стало для меня чем-то подспудным и вынужденным. Работе над сохранением голоса, внятной речи и хорошей дикции я отдавал много времени и вдохновения. Эти тактические и стратегические «учения» проводились под кодовым наименованием «Тихо сам с собою»... правда, «тихо» получалось далеко не всегда. Были и забавные случаи. Но, в целом, серая, однообразная повседневность порою приводила в отчаяние, подступала депрессия, и тогда репертуар моих вокальных исполнений становился сродни тюремной лирике. Но надежда, тем не менее, не угасала, ибо я верил, что когда-нибудь слух ко мне вернётся, хотя бы частично.

Напутствие от Поликанова

«Горе забудется, чудо свершится, сбудется то, что покуда лишь снится, всё ещё впереди», — эти слова из песни Марка Бернеса оказались для меня пророческими. О том, что в Москве по личному указанию президента России был создан Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение», я узнал благодаря участию во Всероссийской переписи слепоглухих. Естественно, мне захотелось узнать о нём

и поставленных перед ним задачах подробнее. Я нашёл в Интернете сайт Фонда и с большим интересом ознакомился с проектами и программами, призванными сделать жизнь слепоглухих людей более комфортной, мобильной и интегрированной. Особенно меня заинтересовали программы по реабилитации инвалидов по слуху и зрению, а также оказываемая помощь в лечении тяжёлых заболеваний, вызывающих патологию органов слуха и зрения.

И вот, набравшись и храбрости, и наглости, я обратился к руководству Фонда с просьбой направить меня на компьютерные курсы в реабилитационный центр «Дом слепоглухих», а также оказать мне содействие при прохождении консультаций по возможному лечению и восстановлению утраченного слуха. На связи со мной находилась сотрудница Фонда, руководитель проекта «Региональное развитие» Елена Гелескул, человек необыкновенно отзывчивый, доброжелательный и ответственный.

Тогда же я виртуально познакомился и с президентом «Соединения» Дмитрием Валериевичем Поликановым, рассказал ему свою невесёлую историю и поведал о сокровенных надеждах и планах, и в канун отъезда в Москву получил от него напутствие: «Всё у вас получится!»

В начале сентября, окрылённый надеждами и хорошими предчувствиями, я отправился в Москву, в реабилитационный центр «Дом слепоглухих». Путешествовать поездом без сопровождения мне уже доводилось, так что и на сей раз я чувствовал себя прекрасно. Проводницы быстро освоили способ общения со мной с помощью карточки-алфавитки, да и с соседями по купе проблем не возникало.

На перроне Павелецкого вокзала меня встретил сотрудник «Дома слепоглухих» и отвёз на машине в Пучково. В реабилитационном центре ко мне отнеслись со всей заботой, вниманием и участием абсолютно все сотрудники. Все шли навстречу моим нуждам и просьбам, о таком поистине родственном отношении я мог только мечтать. Занятия в компьютерном классе чередовались с поездками в Москву, в федеральный ЛОР-центр на Волоколамском шоссе, где я проходил медицинское обследование, выясняя возможность слуховосстанавливающей операции по установке кохлеарного имплантата. Это медицинский прибор — протез, позволяющий компенсировать потерю слуха.

Именно в Москве я впервые узнал и прочувствовал, что такое служба сопровождения с тифлосурдопереводом. Рано утром за мной приходила машина, меня забирали и везли в Москву, возле входа на территорию ЛОР-центра меня ждал сотрудник службы сопровождения. Мы здоровались и шли в здание центра, где мне предстояло проходить диагностические процедуры или получать консультации у специалиста. Самым подробнейшим образом сотрудник рассказывал, где мы сейчас находимся, в какой кабинет зайдём; при общении с врачом переводил вопросы и требования принять ту или иную позу при диагностике. Когда все намеченные мероприятия завершались, он передавал меня с рук на руки водителю, который и доставлял меня обратно в «Дом слепоглухих».

Есть надежда на успех

И вот буквально накануне моего отъезда я в последний раз еду в ЛОР-центр. С сотрудником службы сопровождения Андреем сидим и ждём аудиолога. Андрей рассказывает, что происходит в коридоре, но я «слушаю» невнимательно: мысли мои там, за дверью кабинета: что-то мне сейчас скажет врач? По движению воздуха и характерной вибрации пола почувствовал, что мимо нас кто-то стремительно прошёл. Дверь открылась и закрылась. Ага, наконец-то... Андрей знаком показывает, что можно заходить. И вот мы в кабинете, мне предлагают присесть и подождать. Андрей, выслушав врача, спрашивает меня, знаю ли я об особенностях операции по установке кохлеарного имплантата? Да, подробности мне известны. Тогда меня спрашивают, согласен ли я на такую операцию? Да, отвечаю, согласен хоть сейчас, потому что дальше жить такой жизнью уже не в силах. После этого мне объясняют, что операция мне показана, есть реальная надежда на успех и, как следствие, частичное возвращение слуха. Нужно только по месту жительства оформить и получить федеральную квоту на бесплатную операцию. Тут же, в кабинете врача, я испытал огромное облегчение и, что там говорить, радость всепоглощающую, какую давно не испытывал за последние годы.

Вернувшись домой, приступил к оформлению документов – вместе с племянницей Ольенькой, незаменимой помощницей, всегда готовой прийти на помощь. К моей радости сложностей

не возникло. Для проведения операции была выбрана клиника Санкт-Петербургского НИИ ЛОР и речи. А вызов на операцию пришёл в конце октября 2015 года.

...И снова в дорогу, еду поездом Астрахань – Санкт-Петербург, на перроне Московского вокзала меня встречает муж сестры, Пётр Михайлович, который несколькими часами ранее прилетел из Майкопа. Он сопровождал и руководил мною везде, вплоть до операционной. С вокзала мы отправились в гостиницу, которую нам предоставил Фонд «Со-единение». А уже на следующий день меня положили в клинику. После дополнительных обследований со мной побеседовал хирург, доктор медицинских наук, профессор Владислав Евгеньевич Кузовков. Сказал, что операцию будет делать он, и произойдёт это завтра около полудня.

Сон без сновидений

Вечер накануне операции. Выполнил все предписания лечащего врача, тщательно выбрил участок кожи над правым ухом, то место, которое будет подвергнуто хирургическому вмешательству. После ужина пишу по электронной почте письма друзьям. Приходит медсестра, делает укол – пора спать...

Утром следующего дня просыпаюсь бодрый, совершенно спокойный и послушно-сосредоточенный. Завтрак на сей раз не полагается, остаётся лишь ждать приглашения в операционную. Наконец, приходит зять, провожает. В дверях кто-то со мною здоровается за руку – рука крепкая, мускулистая, рукопожатие доверительное и располагающее. Это, конечно же, Вячеслав Евгеньевич. Ложусь на операционный стол... Меня накрывают простынёй; по вытянутой вдоль туловища правой руке скользнула змейка капельницы – лёгкий укол в локтевой сгиб, и я мгновенно погружаюсь в глубокий сон без сновидений...

Дальше всё, как и полагается: тяжёлое пробуждение в палате интенсивной терапии, а затем возвращение в обычную. Через шесть дней меня выписывают из клиники. Мы с Петром отбываем в Майкоп, где живёт моя сестра Галина – врач-офтальмолог высшей категории, и я сразу же попадаю под её заботливую всестороннюю опеку, так что процесс реабилитации проходит на удивление гладко. Я много гулял, грелся на солнышке, все мысли

и чаяния были связаны с предстоящим подключением речевого процессора, после чего мне надо будет учиться слышать как бы заново. Подобная перспектива меня несколько не смущала, ибо по жизни я придерживаюсь девиза: «Век живи, век учись, но дураком помрёшь». К тому же учиться всегда интересно и даже полезно, тут другого мнения быть не должно.

Мир отвечал какофонией

И вот опять мы с Петром прилетели в Санкт-Петербург. Город встретил безветренной погодой и неярким солнышком, просвечивавшем сквозь низко плывущие серые облака. Снова клиника. Кабинет аудиолога. Нет, я не волновался. Я замер, весь обратившись в слух, которого я ждал все эти годы, и до реального возвращения которого оставались считанные часы или даже минуты. Прежде чем приступить к тестированию процессора, доктор показал коробочку с брайлевскими метками. Указывая на них, нужно было отвечать голосом, насколько громко слышны подаваемые в процессор звуковые сигналы разной высоты и громкости. Затем мне укрепили за ухом слуховой аппарат, подсоединённый к программатору. Через несколько секунд в голове раздался звуковой сигнал, как будто кто-то нажал на клавишу музыкального синтезатора... Первая рекомендация аудиолога была предельно простой: старайтесь больше слушать звучание аппарата, привыкайте, тренируйтесь, приспособлявайтесь.

Мы с Петром вышли на улицу, решив пройтись по магазинам, заодно и мир послушать. Но слышал я что-то несообразное и не поддающееся осмыслению. Это была какофония в виде пощёлкиваний, потрескиваний, писков и визгов различной тональности. Ни один из услышанных звуков ни о чём не говорил, и было от чего прийти в недоумение и даже растерянность. А когда Пётр пытался со мной разговаривать, я не понимал, что это он. Однако начало было положено, и на тот момент это было главным.

На первом занятии с аудиологом я тоже ничего не услышал, хоть Инна Васильевна Королёва, которая со мной занималась, старалась, как могла. Звуки раздавались из колонок компьютера. Это были щебет и чирикание птиц, мычание коровы, сигнал клаксона и так далее. Но уже к вечеру я мало-мальски научился рас-

познавать звуки включённого телевизора в гостиничном номере, шум льющейся воды, хотя он и походил на шелест целлофанового пакета.

Первое слово было «чай»

Прорыв в моём слуховосприятии произошёл, когда Пётр предложил мне выпить чаю перед очередным походом в клинику. Я слышал звук его голоса, понимал, что он обращается ко мне и что-то спрашивает, раз за разом повторяя одно и то же короткое слово. И вдруг я разобрал: «чай». С полной ответственностью подчеркну: это не было совпадением, ибо чай я люблю больше, чем любые другие напитки.

Уже на втором занятии у аудиолога я худо-бедно разобрал кое-что из сказанного мне, и мы с Инной Васильевной, хоть и с большим трудом, общались без помощи алфавитки. Одним словом, начало положено, а положительный результат налицо. С каждым днём я слышал лучше и лучше. Время моего пребывания в Петербурге подходило к концу, Пётр и Галина звали в Майкоп на Новый год, но всеми помыслами я стремился домой, в Астрахань, где меня ждали мама, семья племянника, соседи и друзья.

Вечером 19 декабря с железнодорожного вокзала меня провожал Пётр. На улице — дождь со снегом, а на душе праздник, ведь возвращаюсь с триумфом, вновь обретая возможность слышать мир, общаться, а, следовательно, жить прежней жизнью, быть куда более мобильным, нежели это было совсем недавно. Последние объятия, взаимные пожелания счастливого пути. Наконец поезд трогается. Прощай, Петербург, город, где я родился второй раз.

Сынок, ты правда слышишь?

Утром 21 декабря поезд прибыл в Астрахань, выхожу из вагона на перрон первым из пассажиров. Меня встречает Оля, тут же у вагона договариваемся с таксистом и быстро идём к машине. Задаю Оле подобающие случаю вопросы, чувствую, что она ещё до конца не верит тому, что я понимаю её почти дословно. Вот и наш дом. Как я люблю возвращаться сюда! Обнимаю маму, сбивчиво рассказываю, что всё завершилось самым чудесным обра-

зом. Мама берёт осторожно за руку и полувопросительно-полуутвердительно спрашивает: «Сынок, ты ведь слышишь меня? Правда, слышишь?» – «Конечно же слышу, мама...»

Преисполненный неколебимого, напористого и всепоглощающего желания учиться слушать окружающий мир в полевых условиях, а не в аудиозаписи на компьютере, с утра пораньше отправляюсь на БАМ, иными словами: базар, аптека, магазин. На улице ко мне подходят поздороваться соседи – слух о моём возвращении после успешной операции уже распространился. А вот и знакомая аптека, захожу, здороваюсь и, обращаясь к аптекарше, говорю: «Ну вот, Джамия, сделали мне успешно операцию, и я снова могу с вами поболтать между делом». Девушка восхищённо ахает и уточняет на всякий случай: «Вы теперь меня по голосу узнавать можете?» – «Нет, – отвечаю, улыбаясь, и заговорщически добавляю: – по глазам». – «А как же это?» – ошарашенно спрашивает Джамия. «Это секрет фирмы», – голосом незабвенного и любимейшего пародиста Александра Иванова отвечаю я. Смеёмся все: Джамия, покупатели в очереди и я.

А на улице мой новообретённый слух вновь атакуют малоприятные пока звуки: слышу какое-то звяканье, будто постукивают ножом по тарелке, прислушиваюсь и не могу даже предположить, что это за звуки. Вдруг осеняет догадка: это воробьи чирикают! Конечно же, они, эти серенькие весёлые вездесущие и очень хитрые спутники больших и малых городов! Я определил их чириканье исключительно по ритмическому рисунку, весьма характерному для их посвиста.

Как же радоваться чуду без друзей?! Приходит мой лучший друг Александр Романов. Саша всегда был рядом в трудную минуту, старался поддержать, помочь, и вот он внимательно слушает мой счастливый рассказ о том, что со мной приключилось за последние полтора месяца... А затем уже я слушаю его подробный рассказ о том, что нового у него, спрашиваю про общих знакомых и приятелей...

День своего второго рождения я отмечаю двенадцатого ноября. В этот день мне по-особенному светло и радостно! Я благодарю провидение, что дало мне шанс выстоять, не сломаться и выйти победителем из схватки со страшным недугом. А ещё вспоминаю и благодарю добрых и замечательных людей, оказавшихся рядом

в трудную минуту испытаний, поддержавших меня и помогших обрести себя заново.

Обретённый слух даёт мне возможность снова общаться с людьми. Я слушаю радио и музыку, разговариваю по телефону.

А ещё поразил один случай. В 2011 году родилась моя внучатая племянница Лиза. Как только девочка начала ходить, мы с ней подружались. Играли. Общения напрямую, правда, не было. И вот, после удачного подключения аудиопроцессора, когда я уже ехал домой, мысленно пытался представить, какой же голосок у моей маленькой любимицы Лизочки-Лисы. Перед самым Новым годом Лизу привели ко мне домой. Она, как обычно, церемонно подала мне ручку и молчала в ответ на моё словесное приветствие. Тогда её мама подсказала: «Скажи дяде Мише “здравствуй”, он теперь всё слышит, его вылечили». Вот тогда я и услышал голос своей Лисы. Самое непостижимое, что он оказался в точности таким, каким я его себе представлял, ещё будучи тотально глухим.

Турнбьёрн Свенссон

перевод
с шведского
Наталии Первой

Рюдебекк
(Швеция)

лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Эссе/публицистика»

Открытое письмо мистру Ушеру

Я зол на тебя. Ты пришел в мою жизнь и забрал так много. Ты решил отнять мое зрение и мой слух. Меня так злит, что ты изменил меня, *изменил то, кем я являюсь*. Ненавижу, когда ты в прайм-тайм включаешь во мне программу тревоги. Нет других каналов, на которые я мог бы переключиться. И все лишь потому, что ты решил украсть мое зрение. Ты забрал у меня то, что мне было необходимо, чтобы воспринимать мир вокруг меня, и лишил меня возможности быть его частью.

Я ненавижу, когда ты заставляешь меня причинять себе боль. Прямо сейчас я сижу со сломанным пальцем на ноге — спасибо тебе, что ты изо всех сил пытался заставить меня врезаться в дверной косяк. И, кроме того, хочу выразить тебе режущую благодарность за все те случаи, когда ты причинял моему телу боль. Спасибо также за то, что ты становишься причиной несчастных случаев и заставляешь меня страдать.

Я зол. Людям вокруг меня приходится так много жертвовать, ведь ты хочешь быть в центре внимания. Из-за тебя на мне клеймо неудачи. Иногда люди избегают меня просто потому, что видят *тебя*.

Мне так жаль, что ты повесил на меня ярлык «Слепоглухой», и я не могу зваться просто Турнбьёрн, у которого есть инвалидность. А я ведь — гораздо больше, и хочу быть уверен, что меня будут помнить за мои дела, а не потому, что я был болен тобой.

Ты забрал мои водительские права и мою любовь к дорогам. Ты отнял у меня профессию и возможность гордиться тем, что

у меня хорошо получалось. *Ты не даешь мне делать то, что я хочу.*

А сколько энергии ты крадешь! Ты наслаждаешься, повергая меня на колени, когда я не могу сделать что-то из-за тебя. Ты вызываешь такую усталость, от которой и миллионы людей не получили бы отдых за бесконечное число ночей. Твоя тьма заставляет меня выбирать, *будет ли у меня вообще жизнь.*

А все эти теплые души вокруг меня, которым тоже нужно платить за твое существование! Им приходится приносить жертвы, потому что ты избрал меня своей ужасной обителью. И каждый раз, когда мне нужно делать шаг назад, строя отношения с людьми, ЗА МЕНЯ решаешь ты. Кто ты такой, чтобы принимать такие решения? Неужели ты хочешь, чтобы у меня вовсе не было друзей? Ты хочешь, чтобы я умер в одиночестве?

Но знаешь, что самое худшее в тебе? Я могу написать миллион писем. Я могу произнести миллиарды бранных слов. Я даже могу всеми способами пытаться игнорировать тебя. Но мне никогда не избавиться от тебя. Мы с тобой пройдем этот путь вместе до конца. Поэтому я должен проглотить эту горчайшую из таблеток, которую могу психологически переварить. И осознать, что ты как обои, которые так чертовски крепко прилипли к стене моей жизни, что их невозможно отодрать. Я могу попробовать закрасить тебя. Но краска всегда будет отваливаться, вновь открывая взору тебя. Ты просто есть. Всегда.

Поэтому мне придется принять тот факт, что ты есть. Мне придется приспособиться. Я должен научиться не расстраиваться так из-за того, что ты существуешь. Мы с тобой должны прийти к некоему подобию взаимопонимания. Даже если мне кажется, что ты меня постоянно сбиваешь. Ты забрал у меня ключи от жизни, и мне придется бороться, чтобы вернуть их обратно в свои руки.

Но я стараюсь принять тебя. Ты есть, и этого не изменить, мне никак не повлиять на это. Теперь мы живем вместе.

Но насчет одной вещи ты чертовски точно можешь быть уверен:

Ты НИКОГДА мне не понравишься
//Г

Владимир Елфимов

Новосибирск

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Эссе/публицистика»*

«Знал бы, где упаду, заранее соломки бы подостлал...»

Смолодости я понимал, что рано или поздно у меня возникнут такие проблемы, о которых не было желания даже думать. Не хотел верить, что столкнусь с чем-то, что и мой ослепший отец.

У нас общая болезнь – синдром Ушера...

Примерно в сорок лет я стал испытывать трудности, связанные с ухудшением зрения, хотя еще достаточно свободно ориентировался в пространстве в светлой обстановке, читал газеты в очках и с лупой. Тогда я и стал задумываться о будущем, когда уже не смогу беспрепятственно гулять, самостоятельно читать тексты, стану глубоко зависимым от помощи близких... Я испытывал огромный стресс, благо – от тяжелой депрессии меня спасала семья. Правда, в голове все назойливее вертелась мысль: как же избежать страшной судьбы – судьбы беспомощного ослепшего тотальника, замкнувшегося в себе и оторванного от мира...

Я начал искать выход. Первым делом купил видеокамеру, записал несколько видеообращений и рассказов о себе, о своем отце и других слепоглухих, которых знал. Стал снимать и монтировать видео, купил оптом недорогие видеокассеты, записал десяток одинаковых «видеописем», затем передал их через общины глухих баптистов и знакомых глухих в другие города. Я очень надеялся на отклик и общение с другими слепоглухими, которые бы увидели мое видеописьмо. Это был первый наивный шаг...

Позже я прочитал в газетах информацию о компьютерах, об Интернете – показалось, я нашел другой путь помочь себе изменить свою малоперспективную судьбу.

Летом, в 1998 году, напечатал на пишущей машинке десяток писем-обращений к фирмам и компаниям с просьбой помочь мне купить компьютер. В это время я не понимал, к кому и как правильно обращаться. Взял младшую дочь в качестве сопровождающего и переводчика, и мы пошли по адресам разных компаний в Новосибирске. Адреса я выписал из рекламных газет. Отдавал письма в руки непонятно кому: то директору фирмы, то менеджеру, то старшему сотруднику... Брал контактные номера и ждал ответа.

В конце августа с помощью дочерей стал обзванивать эти компании. В ответ слышал лишь оправдания, просьбы подождать или отказ. Чуть позже из газет узнал, что в это время случился дефолт... Я, честно говоря, расстроился, но сумел успокоиться и стал ждать лучших времен.

И вот, в один из вечеров к нам в дверь позвонили. Жена пошла открывать. Вошел мужчина в возрасте, в очках, с ним другой – одноногий. Визитеры представились сотрудниками фирмы по ремонту компьютеров и принтеров. Это был Николай Алексеевич Шерстобитов и Рогов (имя и отчество, к сожалению, не помню). Мы некоторое время говорили о нашей семье, о целях использования компьютера и, в конце концов, они приняли решение собрать его нам. Я поверил им и внутренне обрадовался неожиданной встрече, так как уже потерял надежду на удачу. Вскоре они приехали снова и привезли компьютер вместе с матричным принтером. Пообещали (а потом и выполнили!) подключить к Интернету. Николай Алексеевич сказал:

– Мы сделали все, о чем вы просили, только не знаем, как вас учить работать на компьютере. Постарайтесь сами разобраться и, если что, задавайте вопросы! Будем опекать вас и при технических проблемах.

Как я узнал потом, одноногий Рогов не считал себя инвалидом, везде передвигался самостоятельно и даже управлял большой машиной. Компьютер же был старый, собранный из других подобных. IBM-386.

Несколько дней я смотрел на него, как баран на новую калитку, потом стал читать самоучитель и сдвинулся с мертвой точки. Рань-

ше я пользовался только «ненастоящим» бытовым компьютером «Spectrum 48», умел работать с клавиатурой и понимал принцип управления. Но они совсем разные, поэтому освоение «настоящего» компьютера продвигалось нервно и медленно. Сначала я освоил печать на принтере и сильно обрадовался этому – стал отправлять письма в обычных конвертах, при этом менял размер шрифта для слабовидящих слепоглухих друзей.

В то время я был одним из немногих слепоглухих, кто овладел компьютером, не считая москвичей, у которых была возможность учиться в «Реакомпе». Нашёл в настройках функцию изменения цвета текста и фона, и это облегчило процесс работы по зрячему – тогда про брайлевские дисплеи из-за супервысоких цен нельзя было и мечтать. Первые шаги в работе с Интернетом давались тяжело, у меня не было учителей. Но, к счастью, мне удалось сразу освоить работу с электронной почтой. Помню имя первого почтовика – Интернет-Майл. Он был одноящичным и лёгким в работе.

Через электронную почту я стал получать советы, объяснения и подсказки – как работать на компьютере. Помощников я находил через «доски знакомств» и странички инвалидов. Это мне позволило продвинуться вперед.

Первой слепоглухой, с которой я начал общаться, была Ирина Поволоцкая из Москвы, не считая Сергея Алексеевича Сироткина – но он был очень занят своей работой. От Ирины я узнал о существовании мессенджера «аська» и научился им пользоваться – он не имел территориального ограничения, поэтому я общался с людьми и из Америки, и из Германии и т.д., тем более со всей России.

В той же переписке один мужчина из Новосибирска помог разобраться в работе ОС и установить экранную лупу Zoom Text Xtra – программа, которая верой и правдой служила мне до последних капель зрения... Я с этой лупой обрёл вторую жизнь – общался, читал книги и новости. Картинки и видео я не мог смотреть – мозг отказывался их распознавать, позволял видеть только текст...

В начале нового века возникла необходимость держать связь с детьми, но сотовые ещё не появились, зато были пейджеры. Вот я и решил пойти в пейджинговую компанию – хотел попросить о бесплатной связи. Директор удивился – и пошёл навстречу. Я мог писать кому-то из дочерей, у кого был пейджер, на электрон-

ную почту. Когда дочь звонила с уличного телефона или находилась в гостях у кого-то с телефоном – то сообщения приходили на пейджер, а копия шла на электронку. Через пейджинг мы сделали двухстороннюю связь.

Через несколько лет пейджинговая компания отказалась оказывать нам услуги бесплатно, тогда младшая дочь стала уговаривать меня купить мобильный. А я наслушался «страшилок» про «рэкетириство» от сотовых операторов и боялся. Но дочь всё же уговорила, и я сказал:

– Пойдем в МТС и попросим о бесплатной СМС-связи. Если дадут добро, наскребу на телефон.

Дочь согласилась. К моему удивлению, через три дня после моего обращения, нас пригласили в офис. Директор распорядился подарить нам телефон с сим-картой, с которой можно было обмениваться неограниченным количеством СМС-сообщений бесплатно, платя только абонентскую плату в два доллара. Так мне открылся новый горизонт связи с людьми, которые были близки по пространству – друзьями и родственниками. Мне удалось найти подходящее приложение, которое позволяло читать и писать СМС-сообщения через компьютер.

Сейчас другое время и современная техника. Я с айфоном и маленьким брайлевским дисплеем «Фокус-14» могу быть на связи в любом месте в любое время, читаю новости даже сидя в автобусе, попавшем в «пробку».

Я всегда говорил товарищам по несчастью: пока есть возможность видеть – ищите путь в будущее, не страшитесь осваивать новое, всё, что может помочь человеку избежать тяжелой ситуации – тупика в их жизни! Человек только сам может себе помочь.

Алёна Капустьян

Мытищи

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

*

Самое вдохновляющее для меня место – море. У каждого моря свой характер. Но мне на любом море хорошо – приехав к нему, сажусь и расслабляюсь, как во время медитации. Ни о чём мирском не хочется думать, только о природе и сказках. Сказки для меня всегда казались живыми и реальными. Общаюсь с каждым морем на равных, как с близким другом, доверяю ему секреты.

Ощущения, испытываемые мной на каждом из нескольких морей, знакомых мне вживую, – разнообразны.

Чёрное море – спокойное, нежное, с малым количеством соли и запахом камушков. Во время шторма не всем разрешает плавать – принимает только тех, кто имеет общие ритмы с ним и ценит его. Чёрное море – первое море в моей жизни. Глядя на него, думала, что есть на его границе: то ли горы из хрустала, то ли источник, питающий его водой и управляющий волнами. Много лет спустя по географической карте узнала, что это внутреннее море.

Средиземное море – характерное, неприступное, переменчивое, с большим количеством соли и таким же соленым запахом. Его настроение меняется в зависимости от погоды: при солнце волны тихо прикасаются; при дожде твёрдо ударяют, как хлыстом. Раскрывает свои загадки тем, у кого сильный дух. Оно предпочитает, чтобы мы преодолевали преграды, устраиваемые им, и измеряет уровень силы нашего духа. По ночам оно громко шумит, волны широко движутся: омывают весь пляж, дотягиваясь до моих ног (я сидела далеко от прибоя).

Эгейское море — мягкое, ласковое, понимающее, с запахом водорослей. Обнимает, слушает, когда говорю ему о своих мечтах, улыбается. На берегу пальцем выводила слова моего главного желания, а оно, смеясь, смывало буквы волной и оставляло «чистый лист». Снова пишу и с интересом смотрю, как волна ровняет песок.

Критское море — задорное, самолюбивое, вредное. Постоянно гоняет волну за волной, отбрасывает на берег всё, что попадает под его власть (однажды вынесло на берег большую рыбу — то ли морского сома, то ли ската). На макушках волн — пена, «барашки». Весело плескаться и качаться на волнах, пытаюсь прикрыть глаза, чтобы шипящая вода не попала в них. Запах критского — йодистый, но иногда оно наполняет воздух горными ароматами.

Адриатическое море — холодное, агрессивное. Не допускает к себе близко... протянет руку молчаливым и вольным — они могут сохранить в глубине души его тайну. Если нарушат обещание — найдёт повод поглотить его. Меня к себе звало, но у меня не было возможности подойти к нему вплотную. Стояла на скале и смотрела на него, понимая без слов. Когда море бушует, волны разбиваются о скалу, поднимая сильный запах, смешанный с солью и йодом, водорослями и мокрыми камнями. Именно его и чувствовала.

Карибское море — активное, живое, игривое. Меня к нему сразу потянуло, когда впервые увидела его. Оно играло со мной, как настоящий друг, в «ощущения». Мне нужно было при приближении высокой волны запрыгнуть вверх, чтобы оказаться на поверхности волны. Не всегда успевала допрыгать — оно накрывало меня с головой и валило с ног, кружа в водовороте. Даже бандану потеряла, но оно вернуло её, забросив на берег. Я пыталась встать на ноги, но оно толкало, не давало встать. Потребовалась вся моя ловкость, чтобы выплыть на поверхность и вдохнуть воздух. Не помню, чтобы так веселилась с другим морем... А ещё помню запах кораллов и сочных водорослей. Запах этот так силен, что ещё долго ощущаешь его, уйдя от самого моря...

Валентина Васильева

Гай

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Все мы родом из детства

*Я сорвал цветок, и он завял.
Я поймал мотылька,
И он умер у меня на ладони.
И тогда я понял —
Прикоснуться к красоте
Можно только сердцем.
Павол Орсаг-Гвездослав*

Мои самые светлые и добрые воспоминания из детства — когда были живы мои родители. Степной край, село Уральское, и рядом Урал. Жизнь на земле и свобода.

Когда после летнего дождя бежишь босиком по лужам, а на небе — радуга. Большая яркая дуга переливается всеми красками — «каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Именно так чередуются цвета — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый.

И как мы переходили вброд речку, и только в одном месте, в одном направлении, не отклоняясь от пути — вода на уровне груди и в омут не затянет. На другом берегу каменистые горы Уральского хребта, заросли ивы на берегу. Нет селений и людей. Руки свободные, мы ведь тайком «путешествуем», родителям ни слова, иначе ремня получишь. Питались ягодами — черемуха, дикая степная вишня, шиповник. Жевали «заячью капусту», «конский щавель». Полазили по горам — и обратно. Рисковали, конеч-

но. В любое время открывали плотину, и река сильно разливалась. А на нашем берегу у всех огороды вдоль реки. Добывали в чужих огородах морковку, огурец — подкрепиться. Там они вкуснее, хотя в своих то же самое растет.

И до поздней ночи играли с мячом — «выбивалы», лапта, волейбол. В деревне с уличным освещением плохо. Но я тогда видела в темноте. Слух снижен. Родители заметили, что я не слышу шепот. Зов издалека не услышу. Переживали, возили в Орск к врачам, уколы делали. Счастливы родители, ушли в Вечность и не узнали, что их дочь не только плохо слышит, но и будет слепой.

Папа работает управляющим совхоза, мама — домохозяйка. Сестра Таня и я — самая младшая, пятый ребенок в семье. Три брата — взрослые, свои семьи, разъехались.

Были у меня и трудовые обязанности помимо школы. Например, убираться в доме. День — мою полы, другой — подметаю... Летом иногда подметала большой двор. И поливала огород — воду таскала ведрами с Урала. Бегала по просьбе мамы в огород за зеленью, овощами. Встречала коров (Зорька и Ночка) с пастбища.

Зимой развлечения наши — кататься на санках с горки. Иногда на школьных портфелях с ледяных горок на пути в школу и обратно. Портфели часто превращались в лохмотья.

Зимними вечерами, чтобы согреться от мороза, мы заходили на ферму, где были коровы и телята. Такой теплый запах — и тепло. Отец подружки работал сторожем на ферме, поэтому мы и проникали туда. Потом долго чистили в снегу валенки от известки, чтобы родители не узнали про наши «походы».

Зимой часто метели, вьюги и много снега. Иногда из школы «гребли» по сугробам, снег — до окон дома, а в доме — тепло, две печки топились углем. И пахнет хлебом. Мама напекла много хлебов (на закваске из хмеля). Они на сундуке, укрыты полотенцами и старым пальто. Отрываю краюху теплого хлеба. Ничего вкуснее в жизни не ела! Еще мама пекла сдобные плюшки, ватрушки.

Мама была спокойная и строгая. А папа — мягкий и ласковый. Дочек обожал. Сыновьям доставался ремень, и то от мамы. Однажды я пожаловалась маме, что меня бьет соседский мальчишка Юрка. Злой и жестокий пацан. Дети его обзывали «культяпой». У него не было пальцев на одной руке, гладкий кулачок. А мама сказала: «Так тебе и надо. Не лезь, куда не просят. Я не буду вы-

ходить на улицу и скандалить с другими матерями». Физически я не могла противостоять Юрке, приходилось избегать столкновений с ним. А он, гаденыш, упорно меня выслеживал, поджидал в засаде. Чтобы попасть домой и не попасться ему в лапы, скакала через чужие заборы и плетни с «тыла» и «фронтов». Иногда мои платья-сарафаны трещали сзади буквой «Г» — это я повисла на чьем-то заборе. Обидно, когда платье новое и красивое. Мама не штопала, выбрасывала и шила новое.

Один раз меня все-таки наказали. Брат заехал из командировки к родителям. Я получила гостинцы — монпансье в жестяных баночках. Я с ними тут же унеслась на улицу, и мы их с подружками быстро прикончили. Показалось мало! Я залезла в чемодан без разрешения и утащила еще конфет. Узнав о моей выходке, папа рассердился и отхлестал меня ремешком. О чем он очень пожалел. Я ревела белугой от обиды — меня и ремнем?!

Часа два родители кружили вокруг меня, никак не могла успокоиться. Вывод: и пальцем трогать нельзя!

Но мама болела, и чтобы избавиться от домашнего хозяйства и ежедневного деревенского труда, папа перевез нас в Гай, тогда поселок городского типа, где строился Гайский горно-обогаительный комбинат. Мне было 10 лет. Мама скоро слегла. Сестра ухаживала за мамой, папа работал. Я ходила в школу и жила в основном на улице, во дворе. Мячи, скакалки, ножички. Ходили друг к другу в гости без приглашения: где накормят, где поиграем, как и вся советская детвора в то время. Я научилась кататься на чужих велосипедах и коньках моих подруг, их сестер и братьев. Лыжи брала в школе — их мы вместе с ботинками получали на уроках физкультуры. Можно было и домой брать, в выходной в лесополосе покататься.

А летом меня отправили в лагерь на два месяца. Я впервые была оторвана от дома и родных. Ко мне по выходным приезжал только папа. А однажды — сестра. Я, неразумное дитя, сказала папе: «Пусть Таня хоть раз приедет». Очень скучала по маме, и в тихий час беззвучно плакала под одеялом. В спальне много девочек, и две наши красавицы, Зина и Алла, начали издеваться надо мной. Помните фильм «Чучело» Ролана Быкова? Так вот, я была в роли Чучела и в полной мере ощутила, как могут быть жестоки дети. Я молча сама перешла в другую комнату, к другим девочкам. Там

было спокойно, и у Зины и Аллы стало меньше возможностей меня доставать. Правда, травля длилась только неделю. Потом вдруг все резко изменилось. В меня влюбился Юра Осипов из старшего отряда. Юра старше на три или четыре года. Наших красавиц Зину и Аллу, наверное, удивило, что Юра влюбился в замухрышку Вальку с двумя косичками и в одном-единственном платице.

Сильно влюбился, глаз не сводил, по-детски ухаживал, вкусеньким угощал. Юра мне потом писал, хотел приехать и в Орске мечтал увидеться. В Орске два моих брата живут. Но мы скоро поменяли адрес, и я его забыла. Прости, Юра. И спасибо, Юра, ты меня спас. Но это я поняла много позже.

Изменился адрес, и опять школа новая.

Зрение ухудшалось с 12 лет: не вижу в сумерках, нет бокового зрения. В поликлинику на медкомиссию ходила одна. Мои жалобы на зрение врачи пропускали мимо ушей, были заняты разговорами с коллегами.

Детство закончилось – и вскоре я самостоятельно делала жизненный выбор.

Большое счастье: не знала и не понимала, что я инвалид. Никто ни словом, ни намеком не дал понять, что я не такая. Одноклассники оберегали, мужчины влюблялись, коллеги уважали. Потому я училась и работала. И никаких комплексов.

Сейчас я не смотрю на звезды в ночном небе, на радугу после дождя, на зеленую листву деревьев, как она шелестит и меняет краски при дуновении ветра... Как колышется и блестит ковыль в степи. Как цветут первые весенние подснежники и тюльпаны. Это все есть – живет, но я их уже не вижу.

Теперь признаю, что я инвалид с одновременным нарушением двух сенсорных функций – зрения и слуха. Бывает трудно, иногда прошу помощи, сопровождения. Но могу облегчить жизнь себе (и окружающим) с помощью белой трости, слуховых аппаратов и современных гаджетов со специальными возможностями. Спасибо Всевышнему за все, что было. За все, что есть. И за все, что будет.

Владимир Рачкин

Пермь

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Личная страница в книге о войне

Передо мной — две довоенные фотографии. На одной — выпускной 10-й класс школы № 1 города Острова Псковской области в июне 1941 года. На второй — ансамбль народных инструментов городского дома культуры в 1937 году. На первом снимке, в заднем дальнем ряду крайний слева — Иосиф Рачкин, мой отец, которого в школе друзья звали просто Еся. Среди тех, кто запечатлен на снимке, — Саша Митрофанов, Олег Серебренников, Лева Судаков. Последние трое — члены штаба подпольной комсомольско-молодежной организации, которой руководила в оккупированном гитлеровцами Острове Клавдия Назарова, бывшая старшая пионервожатая школы, удостоенная посмертно звания Героя Советского Союза.

История островского подполья в чем-то схожа с историей «Молодой гвардии»: в начале Великой Отечественной с приближением к Острову гитлеровских войск часть мальчишек и девчонок были эвакуированы из города вместе со своими семьями. Мой отец с матерью и младшей сестрой Бертой оказался в уральском городе Губаха Пермской области. А те, кто остался в Острове, вошли в молодежную подпольную организацию, которую создала и возглавила Клава Назарова, а её заместителем стала верная подруга Людмила Филиппова.

Из книги военного писателя Н. Масолова «Позывные с берегов Великой»: «...сначала Клава и Мила собрали самых надежных ребят. На первую встречу пришли трое: неугомонный, порывистый Олег Серебренников, не менее темпераментный Лева Судаков

и одержимый, всегда спокойный Саша Митрофанов. Они были неразлучными друзьями — троица пользовалась заслуженным авторитетом среди сверстников и за душевную щедрость, и за умение, коль надо, постоять за себя. К Клаве и Миле они относились по-рыцарски. А для Левы его вожатая стала большой любовью. Товарищи знали об этом и никогда не позволяли шутить в его адрес».

Именно эти пятеро и составили штаб организации. Позже в него вошла фронтовая разведчица Зоя Круглова, которую в Острове знали как Фрейлейн Байгер, и лишь нескольким самым надежным людям было известно её настоящее имя. Зою перебросили через линию фронта для связи с подпольщиками и сбора разведанных, которые она переправляла своему непосредственному руководителю — заместителю начальника разведотдела штаба Северо-Западного фронта подполковнику Г. Злочевскому. Благодаря безупречному знанию немецкого языка Зоя сумела войти в доверие к гитлеровским офицерам, что позволяло получать ценную информацию. В организации соблюдалась строжайшая конспирация и дисциплина. Подпольщики расклеивали листовки, помогали военнопленным бежать из местного концлагеря и переправляли их в партизанский отряд, проводили диверсии, вели агитацию среди местного населения. К сожалению, нашёлся предатель, который выдал Клаву. Но никакие изощренные пытки и издевательства не сломили девушку — она не предала своих друзей-подпольщиков и, так ничего не добившись, гестаповцы 12 декабря 1942 года повесили мужественную патриотку на центральной площади города. А подполье продолжало действовать. Место Клавы Назаровой заняла Мила Филиппова. Но в августе 1943-го, опять же с помощью предателя, подпольщиков постиг новый провал — гестаповцы арестовали членов штаба и 9 сентября 1943 года расстреляли в лесу пятерых самых активных — Л. Филиппову, З. Круглову, А. Митрофанова, О. Серебренникова и Л. Судакова.

Замечу, кстати, что в окрестностях Острова действовала и разведывательно-диверсионная спецгруппа «Быстрый», которой командовал старший лейтенант Михаил Анипкин. Судьба этого человека необычна: войну он начал в должности начальника медицинской службы полка, попал в окружение, был дважды ранен и контужен, а после выхода из окружения попросил направить его в разведку. В составе спецгруппы «Быстрый» на гидроплане был

переброшен за линию фронта в район Острова, где наладил связь с подпольщиками. Своими смелыми действиями спецгруппа сеяла панику и ужас среди оккупантов. Будучи в очередной раз раненым, Михаил лечился в госпитале, но сбежал оттуда и уговорил руководство вернуть его к своим. Осенью 1943-го – зимой 1944-го спецгруппа действовала уже на территории Латвии. Но там она попала в окружение и вернулась на берега Великой, под Остров. Здесь, в боях, М. Анипкин полностью потерял зрение. Вместе с товарищами был окружён карателями, но они всё же сумели вырваться и вывести своего ослепшего командира. После войны отважный офицер-разведчик, кавалер многих орденов и медалей Михаил Никитович Анипкин многие годы успешно возглавлял Липецкое областное правление ВОС.

К сожалению, отец думал, что все его школьные товарищи погибли, поэтому и не предпринимал попыток разыскать их. Ещё в 60-е годы прошлого века, находясь на отдыхе в санатории «Старая Русса», он приезжал на свою малую родину: побродил по городу своего детства и уехал, так ни с кем не встретившись и не попытавшись выяснить судьбу школьных друзей...

И вот, осенью 1975 года, родители в профкоме завода получили три туристические путевки в Прибалтику – для себя и меня. Перед отъездом в Таллинн папа объявил: «Я всё-таки решил заехать в Остров вновь и показать вам свой родной город». Так мы и оказались там. Постояли у памятника Клаве Назаровой на центральной площади города, зашли в краеведческий музей, который в то время располагался в здании православного храма, возвращенного в начале нынешнего века верующим. В музее мы долго изучали стенды, посвященные подпольщикам Острова. На одном из них увидели фотографию выпускного класса, с которой я и начал повествование. Я предложил папе зайти к директору музея и сообщить о себе, но он не захотел. Из музея мы направились к школе, в которой учился отец – вернее, к бывшей, так как старое деревянное здание сгорело – и после войны было построено новое. Я опять предложил отцу зайти в школу, но он вновь промолчал. Посмотрели и знаменитый цепной висячий мост через реку Великую. А перед отъездом посетили городское кладбище и возложили цветы на братскую могилу героев подпольщиков – папиных школьных друзей...

Елена Какорина

Москва

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Спасибо, Геленджик!

На берегу Чёрного моря стоит красивый город-курорт Геленджик. В нём много санаториев. Среди них и «Солнечный берег», куда по путёвке приезжают инвалиды по зрению — не только поправить своё здоровье, но и отдохнуть. И мне в своё время дали путёвку, и мы с мужем туда приехали — а увидев, влюбились в этот замечательный город-курорт. Мне повезло, что тогда у меня сохранялся небольшой остаток зрения, и я могла по достоинству оценить красоту Геленджика — живописную природу, удивительные горы, необычную, в форме подковы, Голубую бухту, красивую набережную и прекрасные закаты солнца.

Был апрель. Всё цвело. Это было настоящее буйство цветения деревьев, кустарников и цветов. Очень красивое зрелище открывалось передо мной, когда мы с мужем оказались на морской прогулке — берег утопал в белых цветах, а, учитывая форму бухты, они напоминали фату невесты. Не удивительно, что название «Геленджик» переводится как «Белая невеста».

Не теряет город своей чарующей красоты и в вечернее время. Когда на Толстом мысу зажигается большой красный маяк, а вдоль набережной — шарообразные фонари, впечатление — словно бухта обрамлена в жемчужное ожерелье. На горе, где находится «Сафари парк», последовательно загораются разноцветные огоньки на канатной дороге, а высоко на горе виден светящийся крест. Иллюминации украшают здания санаториев, магазинчиков и кафе. Ночной воздух наполнен волшебными ароматами цветов.

Какая бы ни была погода, мы с мужем прогуливались по красивой набережной, заходили в город. Знакомились с достопримечательностями, рассматривали удивительные и незнакомые нам растения. Однажды подошли к дереву.

– Потрогай ствол, какой он необычный, – сказал муж.

Я потрогала. Ствол наощупь прохладный и очень гладкий. Что за дерево? Мы не знали. У местного жителя спросили название.

– Бесстыдница.

– Почему? – удивились мы.

– Как дерево точно называется, я не знаю, но когда оно вырастает, то сбрасывает кору, как бы оголяется, – ответил прохожий.

Нас рассмешило такое «прозвище». Восхитило меня и ещё одно дерево. Сначала муж заметил огромные цветы на совершенно голых ветках. Мы подошли к необычному высокому дереву. Я осторожно дотронулась до плотных лепестков жёлтого цветка, напоминавшего тюльпан. Позже узнали, что это было тюльпанное дерево и, как только цветы опадут, вырастают листья.

Ах, как хороша аллея пицундских сосен! Как легко дышится там! Да ещё запах моря! Море – я всегда восхищалась им. Каждый раз оно разное и по цвету: то бирюзовое, то голубое, а если солнце над бухтой, то – золотистое. Во время шторма – зеленовато-серое. Когда на море тихо, я слушаю, как подкатываются волны к берегу и уходят обратно в море, как шуршат, перекатываясь, камни; мне всегда казалось, что море дышит. Вдох и выдох. Вдох и выдох. А во время шторма я чувствую яростную мощь волн, которые обрушиваются на берег, а напряжение ощущается не только в воздухе, но и под ногами.

На набережной встречалось много интересных скульптур. Их можно хорошо рассмотреть не только глазами, но и тактильно.

Вот – «Старый маячник». Изучаю скульптуру. Это фигура пожилого мужчины, он стоит, взгляд устремлен в море. Выражение лица озабоченное. В одной руке подзорная труба, в другой фонарь. Рядом небольшая собачка, похожая на дворняжку.

Пройдя вперёд, к центру города, встречаю «Учёного кота». Он сидит и читает толстую книгу. «Рассматриваю» его тактильно. У него большущие глаза, торчащие уши, приоткрытый рот, как будто что-то читает! Заинтересовалась книгой, лежащей на столе

перед учёным котом, прощупала множество точек, но прочитать не смогла. Может, это Брайль для котов?

А вот и Ассоль. Она одета в простое платье, стоит, смотрит в сторону моря и машет рукой. Я чувствую своими руками её нежное милое лицо. А рядом стоит небольшой корабль «Секрет». На нём настоящие алые паруса. На центральной площади города, между двумя пирсами, — высокая скульптура «Белая Невеста». Это символ Геленджика. Невеста улыбается, она очень красивая и, конечно, в свадебном платье. Здесь всегда многолюдно, после ЗАГСа приходят молодожёны, и туристы, и отдыхающие. Многие фотографируются. Мы с мужем тоже, на счастье! Как-то раз наблюдали забавную картину. Невысокие парни решили сфотографироваться с «Невестой», пытались обнять её за талию, но у них никак не получалось. Они были намного ниже «Невесты»!

Не могу не написать о памятниках, посвящённых героям Великой Отечественной войны. В Геленджике, как во многих городах нашей страны, во время войны рвались бомбы, шли кровопролитные бои, отсюда отправлялся десант на Малую землю. Я видела бомбу в краеведческом музее, трогала чудовищные осколки бомб, и мне становилось жутко. Стоя у Вечного огня, я вспомнила замечательные строки из стихотворения:

Им вечный огонь
Горит негасимый.
И слышится голос
С неба, орлиный:
«Никто не забыт
и ничто не забыто»
Но какую цену
Победа добыта?!

Когда время пребывания в санатории «Солнечный берег» подошло к концу, я надеялась, что ещё вернусь сюда. Ведь как много ещё было не увидено и не исследовано...

Прошли годы, и я снова в Геленджике. И радостно мне, что мечта осуществилась, и грустно, что уже не вижу и слух ослабел. Но я верила, что мои ощущения, обоняние, осязание, моё вообра-

жение и поддержка моей сопровождающей, её талант описывать, что находится вокруг, помогут мне познать окружающее пространство.

И я не ошиблась! Невзирая на ненастную погоду, мы с Анной Демидовой гуляли по набережной, посещали ранее не известные мне уголки города. Я получала большое удовольствие от наших прогулок!

В Геленджике много парков. И как только выдался солнечный день, мы решили посетить «Сафари-парк» – большой частный зоопарк. Там живописная природа и много животных, живущих в удобных вольерах. Во время подъёмов и спусков, на крутых горных склонах, я в какой-то момент почувствовала себя альпинистом.

«Сафари-парк» располагается на огромной территории, на горе. Там сплошь крутые подъёмы и спуски. Перил, за которые можно держаться, мало, но я справилась с этими трудностями. Вознаграждением стало то, сколько я узнала, «увидела» – благодаря Анне, её подробным описаниям животных и растений.

Анна подводила меня к кустарникам, я трогала их жёсткие гладкие листочки, а Анна отвечала на мои вопросы. А учитывая, что я ещё слышала разнообразные звуки – рычание тигров, кричащие голоса попугаев, трубный «голос» слонихи, рёв медведя – всё это вместе создавало в моём воображении полную картину происходящего.

Очень понравился удивительный Хрустальный мост. Стены, пол и потолок – из прозрачного стекла! Идя по нему, можно увидеть вокруг себя разных зверей. Мы шли медленно, было немного скользко. И вот под нами территория, где проживают бурые медведи. Анна рассказывает, а моё воображение представляет картину, как двое собираются залезть на дерево, толкаются между собой, мешая друг другу. Один медведь подошёл к большому поваленному дереву, пытается сдвинуть его, а другой, неподалёку, развалился лежит под соснами...

Когда мы были на одной стороне этого замечательного моста, то с удовольствием наблюдали, как по красивой лужайке бегали рыжие лисички, как они забавно играли в свои игры. А с другой стороны в кустарнике прогуливался и к чему-то чутко прислушивался олень. У него были большие ветвистые рога.

А какой разнообразный там птичий мир! И красивый гордый орёл, восседавший на высоком скалистом камне, и крикливые разноцветные попугаи, и небольшая стайка розовых фламинго, и совы... всех не перечесать! Мне больше всех понравился белый павлин, сказочно красивый. Уникальный парк! Я была так рада, что мы посетили этот «чудо-уголок».

Однажды, прогуливаясь по берегу моря, я осознала, что воспринимаю окружающий мир совсем по-другому. Раньше, когда видела, то не обращала особого внимания, какая дорога под ногами, какой формы предмет, какой «плотности» ветер...

Теперь я остро чувствую потребность всё потрогать, ощутить, почувствовать запах. Идя по мелкому галечному пляжу, ощущаю, как трудно идти по нему. Ноги словно топчутся на месте, каждый камушек чувствуется сквозь тонкую подошву. Другое дело – пройти по городскому песчаному пляжу. Приятно ступать ногами по песку, и чем ближе подходишь к воде, тем плотнее он становится.

Почти детскую радость дарят ракушки, их тут много. Я прикасаюсь к ним и удивляюсь их разнообразию, цвету и форме. Держу в руке большую красивую раковину, рассматриваю руками, а Анна подробно рассказывает, как она выглядит. С внутренней стороны – гладкая и светлая, с внешней – более шершавая, ребристая, темная с крапинками. Края немного острые. Слушаю Анну, чувствую ветер с моря и почти сразу – солёный привкус во рту...

Собрав небольшую коллекцию красивых ракушек, подходим ближе и ближе к морю. Сегодня оно спокойное, трогаем его прохладную воду и говорим: «До свидания, до новых встреч!». Идём в санаторий, где нас ждёт автобус. Пора возвращаться домой. Спасибо тебе, Геленджик, за всё!

Ирина Жукова

Починок

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Унывать не дают приключения!

Долго думала, о чём же таком написать? Вспомнила, что у меня в сундучке скопилось много курьёзов, в которые я непостижимым образом умудряюсь попадать.

Вот, к примеру, об услышанных диалогах в путешествиях и походах по разным делам. Есть в копилочке зарисовки и про мохнатого товарища.

А начну я с милых детских диалогов. Поехали!

Детские диалоги

Иду с утра пораньше по делам. Навстречу малыш с папой.

– Пааап, а у тётки совсем нет денег? Смотри, у неё джинсы рваные!

У Иры совсем нет денег, ага, обнищала! Ходит по улицам в непонятно каких штанах, вызывая жалость даже у детсадовской ребятни.

Между прочим, модные джинсики! Эх-х, молодёжь... ничего в моде ещё не смыслит...

Знаете ли вы, что я злая тётка, отбирающая мех у животных?

– Мама, а что это за зверёк идёт? – слышу сзади мальчишеский голосок.

– Это тётя в шубке!

– Да ну? Смотри же: мех, какая это тётя?!

– Вань, просто на ней шубка из меха зверька.

– Она сняла его со зверька и сама носит? А как же зверушка?..

Он теперь голый, что ли, гуляет? Мам, это нехорошо, очень нехорошо, он же замёрзнет!

Ну, вот такая я тётка противная! Зверей раздеваю, а сама в тепле!

В поезде «Ласточка» подслушан разговор маленькой девочки с мамой:

– Мама, а папа в тебя быстро влюбился?

– Да.

– А ты вышла за папу замуж, потому что с ним не стыдно было ходить в кино?

– Нет, потому что я тоже папу полюбила.

– Да ладно, мам, не смущайся! Был бы некрасивый – не вышла бы замуж!

Вот это детишки нынче продвинутые, да?

У нас в семье два хохмача: кот Тёма и младший племянник Матвей. Ему 10 лет.

Однажды он отвесил мне комплимент.

Ночью была довольно мощная гроза. Бабахало так, что того гляди окна повывлетают!

Я под эти раскаты заснула и, видимо, во сне придвинулась к краю кровати. Когда грянул мощный раскат грома, от испуга резко дёрнулась и... очнулась на полу. Где я, кто стреляет?

Рассказываю утром родным. Матвей услышал и воскликнул:

– А я-то думаю, что там в твоей комнате грохнулось, как мешок с картошкой!

А ведь у меня комплекция миниатюрная, и до мешка мне далеко!

Воскресным зимним утром в ватсапе пишу племяннику:

– Машень, что делаешь?

– Сейчас хочу почитать о том, как живёт йошь, – отвечает ребёнок.

– Это ещё кто такой?

– Тётъ, ну ты даёшь, дожила до... (попенял на возраст!), а не знаешь, кто это? – и присылает фото.

Да. Дожила до преклонных, на его взгляд, лет, и всегда думала, что клубочек на ножках с иголками зовётся ёж. Ну-ка признайтесь, у кого летом на участке водится йошь, а?

Выхожу из дома. На мне худи (толстовка с капюшоном), свободные штаны, кроссовки и бейсболка. Племянник, вздыхая, проворчал:

– Перевелись нормальные женщины!

Я ошарашенно оборачиваюсь. Матвей с возмущением взмахивает руками:

– Ну разве не так, что ли? Глядя на тебя в этом прикиде, разве можно понять: мужчина ты или женщина?

Да ношу я платье, ношу! Холодно еще пока, вот и хожу в стиле унисекс. Так теплее.

Мохнато-полосатый и всеми любимый Тёмыч

В семье брата года два назад появился всеобщий любимец – кот Тёмыч породы скоттиш-фолд. Обаятельные загнутые кончики ушек. Выразительные глаза золотистого цвета. Шёрстка такая плотная, пятнисто-полосатого окраса с палевыми пятнами. Котейка ласковый, мурчащий, но не любит быть у кого-то на руках. А почудить – тот ещё мастак!

Время от времени пишу про него зарисовки.

Выронила как-то на пол сто рублей и не заметила. Смотрю через какое-то время, а там валяются клочки от сторулёвки.

– Тёма! – ору во всё горло.
– Ась? – смотрит на меня честными глазами котяра.
– Ты изодрал мои 100 рублей???
Фыркнул и перевалился на другой бок.
Кто б сомневался... глаза хитрющие выдали тебя с головой!

Ночью не спалось. Луна дразнилась романьтизмом, да и думки всякие не давали уснуть. Лежу и мечтаю о хорошем, веки начали тяжелеть, пришла сонная нега и тут... с полки над кроватью на голову свалилась мохнатая тяжеленькая туша с хвостом. Ещё и фыркнула недовольно: чего лежишь тут, мечтательница?!

– Гадин Тыгыдыгович ты, а не Тёма! Похудеть бы тебе не мешало, а то твоя задница тянет вниз, – вздохнула. – Травмоопасно ведь!

Всё, сна как не бывало до самого утра!

Приехала однажды к брату. Сижу за столом, ужинаю. Задумалась не помню, о чем, в руке вилка с котлетой. Чувствую – что-то она полегчала, и краем уха с правой стороны слышу смачное причмокивание от удовольствия пушистого гурмана.

– Ну ты и наглюшкин, Тёма!

– Господи, – читается в его взгляде, – и чего орёт так, будто я корову сожрал, а не малюсенькую котлетку?..

Иришкины приключения

Вот мы и подобрались к самому, пожалуй, интересному. Оставила, так сказать, на десерт.

Меня удивляет, если в поездках со мной ничего не приключается. Но это бывает исключительно редко. Чаще всего без курьёзов не обходится.

Нижегородская полиция омолаживает и окрыляет, вы знали об этом?

Зашла вечером в супермаркет за бутылкой вина для праздничного ужина с гостями. Кассир, взглянув на меня, решила пристыдить: мол, деточка, спиртное несовершеннолетним не продаем!

Ничего, что этой деточке уже много годков?

У кассы стояли двое полицейских и, конечно же, они не преминули воспользоваться служебным положением и потребовали мой паспорт.

Лица их вытянулись от удивления.

Один из них брякнул:

— Повезло вам, услуги пластического хирурга долгое время не понадобятся!

Возвращаюсь домой с бутылкой вина, молодая и красивая.

* * *

— Знаешь, удивительно, что эта поездка прошла без курьёзов, не считая долгого стояния на остановках,— говорю я, собираясь на железнодорожный вокзал.

Лучше б молчала!

В поезде Нижний Новгород — Москва утром, зевая, смотрю на часы. Ёшкин кот, уже 6:26 — мы в Москве!

А чего все спят-то, вставай, страна, что ли? Нееееет, спите ещё как минимум часа два с половиной, потому как поезд в пути сломался. Муха в сандаликах, а мне же на другой поезд пересаживаться надо! Да ещё с другого вокзала!

Прибыли в столицу в 9 утра вместо половины седьмого. Кузнециком вприпрыжку полетела на другой вокзал. К счастью, успела переоформить билет, вот я и в двухэтажном поезде до Смоленска. Все сложилось благополучно!

* * *

Приехала как-то в Нижний Новгород на конференцию. Заселилась в отель. Современный, с просторными номерами. В моём номере была даже ванна, ура! Можно будет понежится с дороги.

Сказано — сделано. Покайфовала, теперь и воду надо спустить. Всё пошло не по сценарию. Затычка в ванной не снимается, намертво прилипла. Чего делать-то? Не оставлять же ванну, полную воды!

Что я только не пробовала: и ковыряла злосчастную пробку пальцами, и обувной ложкой поддевала — не поддаётся! Как там говорил Задорнов? Правильно: наш человек испробует всё методом «тыка»! Так, а это тут что? Давай-ка, Ира, покрути вот эту круглую штуkenцию у бортика ванны. Она явно не для красоты. Лёгкий поворот и... Опаньки, затычка открылась! И вода радостно убежала в трубу. То-то же! Как думаете, я не совсем безнадёжна?

А сейчас речь пойдёт о моих заграничных проколах. Итак, мы на машине едем в Прагу. По дороге остановились на ночлег в небольшом польском городке. В дороге сумку с документами я положила между сиденьем и дверцей автомобиля, чтобы не мешала. И вот, вылезла из салона, совершенно забыв про сумку. А она выпала из машины! Я этого не заметила. Заселились в номера. Попили чаю, почувствовала — кажется, заболеваю. Жена брата пошла к машине за лекарствами. Увидела: сумка валяется возле дверцы! У неё внутри всё похолодело. Подобрала её, тут же проверила, не пропали ли документы?

Пришла в номер и спросила:

— Ничего не теряла? — и показала находку. — Она валялась возле машины.

В моём сознании пронеслись калейдоскопом картинки: вот меня на польской границе задерживают, обвиняют в незаконном пересечении границы без документов, вот в кутузке уныло жую сухари...

— Все на месте, слава тебе, Господи! — прошептала я, пересчитав документы.

А это уже в Израиле. Мёртвое море, спа-комплекс «Эйн-Геди». Мы заехали туда компанией всего на день. Побултыхалась, как поплавок, убедилась, что в этом море утонуть и правда никак, даже если сильно захочешь, и пошла с вещами в душ перед отъездом. Выхожу, вслух произношу:

— А где мои вещички?!

Рядом с вешалкой стоит женщина:

– Похоже, тут бабулька случайно прихватила ваш пакет вместе со своим, они одинаковые были.

Мамма-миа, а мне что делать-то? Ни тебе труселей, ни платья, ни купальника! Мне ж ещё до Акко ехать четыре часа, а там по городу до квартиры идти 15 минут!

Хорошо, что у Ларисы, моей спутницы, парео нашлось, и я закуталась в него. В 10 вечера весьма экзотично смотрелась, шагая по городу. Ну я же не виновата, что вещи убежали от меня!

За чашкой кофе вспоминали с мамой мои поездки и что я привозила оттуда.

Когда приехала из Крыма и стала вытаскивать, как фокусник, дары из чемодана, мои подумали – вино, рахат-лукум? Ага, конечно, для меня это слишком банально.

Сало, коньяк и ялтинский лук!

И тут мамин хохот на весь дом.

– Зато я еще себе ботинки крутые купила! – отбивалась я.

А лук оказался очень вкусным и необычным.

Иду как-то мартовским днём мимо банка, и меня неожиданно настигает женщина. Одета прилично, спиртным не пахнет.

Спрашивает с придыханием:

– Ты с инопланетянами общаешься?

– Конечно, это ж мои лучшие друзья!

– Вот правильно! Они скоро настигнут Землю и своих друзей осыпят хорошими должностями и деньгами. Вот заживём-то!

Весеннее обострение накрывает нынче раненько, однако!

Вспоминается ещё забавный случай в магазине.

Пришла я туда, стою в очереди. Мне позвонили на мобильный. Перекинулась парой фраз и отключила телефон. Поворачивается впереди стоящая тётенька и говорит: такая симпатичная, а голос: ну противный! Я выпала в осадок и не нашлась, что ответить. Не ожидала!

Тут к тётеньке оборачивается мужичок, который уже сделал покупки. Этакый бомжеватый интеллигент, с виду алкашик, но какой-то культурный.

И, слегка пошатываясь, с хрипотцой в голосе говорит:

— Мадам, а пошто вам её голос? Вам разве есть до этого дело?

Она ему:

— Нет.

Он:

— Тогда я вам так скажу, мадам, идите на хутор бабочек ловить, а то, я смотрю, вас жизнь заметно не удовлетворяет!

Тётенька прифигела, уставилась ошарашенно на него, а мужик собрался уходить. И вдруг она выдаёт потрясенным голосом: «А как понять: “на хутор бабочек ловить”?»

Мужик, таясь вздыхая и позвякивая бутылками в пакете, оборачивается и отвечает:

— А это так интеллигентно посылают н...р!

Ржала вся очередь.

Сценка забавная была. Шла до дома, смеялась и думала: неужели и вправду у меня такой противный голос? Надо будет друзей помучить этим вопросиком.

На днях с подругой заговорили о стоматологии. Вспомнила забавный случай, приключившийся много лет назад.

У меня в десне остался осколок от корня зуба — и доставлял массу неудобств. Пришла на приём к стоматологу, а он сказал: нужно удалять. Надо, так надо. Сажу и дрожу от страха, как заяц.

Врач сделал укол в десну, и я... отправилась в обморок. Очнувшись, вижу: врач заливается смехом. Я из последних сил говорю:

— Всё, я готова — рвите!

— Так я вам всё уже удалил! Впервые вижу, чтобы от укола падали в обморок!

М да, я же смелая...

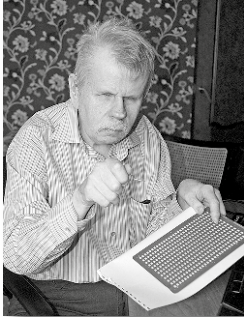
«Все бабы как бабы, а я — богиня!» — подумала я, облачаясь в белые брюки и белые мокасины.

Вышла из дома, отошла на приличное расстояние и... ливень не заставил себя ждать!

Вы представляете, что с этой красавишной случилось?

Виновата примета: если Ира вышла на улицу в белом, то всенепременно польёт дождь!

Да, весело порой живётся. Впереди ещё столько всего интересного, забавного. Будет что вам рассказать!

Андрей Марков

Санкт-Петербург

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Фрагменты из мемуаров А.А. Маркова

1. Слепорождённый или потерявший зрение?

Что было со мной до трёх лет, помню не слишком отчётливо или, лучше сказать, практически совсем не помню. Из того, что сохранилось в памяти, можно понять, что зрение в этом не «участвовало». И всё-таки вопрос о том, было ли зрение в самом начале, и было ли оно впоследствии утрачено, не может не занимать ни специалиста, ни мемуариста.

Из психологии известно, что образы, сформировавшиеся, если зрение всё же имело место быть, как-то накапливаются и используются, скажем, в процессе пространственной ориентировки (даже в том случае, если речь идёт о маленьком ребёнке, но даже в этом случае до известных пределов можно говорить об ориентировочной деятельности).

А что сказать обо мне? Мне говорили, что есть одна фотография, на которой видно, что я широко открыл глаза и как будто смотрю на что-то.

Но достаточно ли этого для того, чтобы отметить, что ребёнок видел? И всё же зрение отсутствует, по крайней мере, с того момента, как я мог что-либо помнить.

Как это произошло?

Бабушка Прасковья Андреевна в 1969 году, когда мне было 12 лет, рассказала мне эту историю, как она себе её представляла. Это было ещё тогда, когда мы снимали дачу в подмосковном

Покровском. По словам бабушки, отец несколько раз пристально смотрел на меня. Бабушка спрашивала: «Что ты на него так пристально смотришь?». А отец отвечал: «Он не реагирует на свет». Через несколько дней, по словам бабушки, у меня покраснел глаз. Обратились к врачу. Врач сказал, что надо обратиться в Институт глазных болезней им. Гельмгольца.

Итак, нас с мамой положили в Институт. Уже тогда обнаружилась такая моя черта: мне трудно открыть глаз. По существу, я даже не знаю, что это такое. Неприятие вызывала попытка взрослых открыть мой глаз. Подобное чувство сохраняется и сейчас. В то время врачи не понимали, в чём дело. Возможно, поэтому очень долго не могли установить причину изменения состояния моих глаз. Правда, в дальнейшем, диагноз был поставлен — двусторонний увеит. Так я стал тотально слепым. Можно считать, что эта тотальная слепота была врождённой, по классификации А.В. Ярмоленко. Поэтому ни одного зрительного образа в памяти не сохранилось. А что же сохранилось? Сейчас я могу рассказать о том, что я действительно помню.

Сколько мне тогда было лет, сказать не могу. Очевидно, менее трёх.

Больница (в дальнейшем мне сказали, что мы находились тогда в Педиатрическом институте в Ленинграде). Большая палата. В ней много детей. Дети, судя по всему, совсем маленькие. Говорить ещё не умеют. Но что-то лепечут вроде: «ли-са-ли-фа». Открывается дверь. Слышу скрип. Чувствую прохладу. Потом запах духов. Чем-то он напоминает запах морковного сока (сладкий морковный сок я любил на протяжении всего раннего детства). Вот мама обращается ко мне с характерной для общения с маленьким ребёнком интонацией: «Сестра пришла» (то есть, медсестра). А затем её назвала: «Тётя Капа». Что было дальше — в памяти не сохранилось.

О чём говорит этот случай? Зрение здесь не «участвовало», зато преобладали слух и обоняние. Как я определил, что я в больнице? Скорее всего, тогда я и слова такого не знал. Это в дальнейшем, сопоставляя то, что я ощутил, с тем, что мог наблюдать сам, или с тем, что мне рассказали родители, или с тем, что я прочитал в книгах, я мог сказать, что это именно больница. В сознательный период жизни я попал в больницу в 42 года. Сразу же ощутил запах лекарств (прежде всего, специфический запах дезинфицирующих средств). Значит, похожие запахи я ощущал и раньше.

Затем дети, их поведение. Они лепетали. Значит, я и раньше слышал детский лепет (трудно предположить, что я помнил время, когда сам издавал подобного рода звуки, но мама в дальнейшем рассказывала, что в моём лепете преобладало пение).

Таким было моё первое воспоминание.

2. Встреча с первой учительницей

Наступила зима 1962 года. Мне шесть с половиной лет. Всё ближе подходит время поступления в школу. У моих родителей главная забота — устроить меня в школу-интернат. Что это такое, мне было непонятно. Но сейчас я хотел бы рассказать о встрече со своей первой учительницей. Вначале её имя прозвучало необычно: мама в разговоре с отцом назвала её «Тася Полякова» (я был немало удивлён: ведь уже знал, что у взрослых принято официальное обращение по имени-отчеству). Но вскоре узнал, что её зовут Анастасия Георгиевна. Встреча произошла у неё на квартире в морозный декабрьский день 1962 года. Жила она тогда на Васильевском острове, на 16-й линии, в районе Горного института. Остановка так и называлась: «Горный институт».

И вот мы пришли в квартиру. Началась неспешная беседа. Вначале Анастасия Георгиевна интересовалась тем, что я вообще знаю. Она спросила, когда начинается учебный год. Ответил неправильно. Да, год тому назад мама мне это говорила (вспоминаю, что мы тогда находились в Горьковском, дома ещё не было, мы жили во временке). Но в моём сознании ещё не установилась разница между датами: первое сентября мною было воспринято так, как если бы сказали: «Первое ноября». Но теперь Анастасия Георгиевна совершенно отчётливо произнесла: «Первого сентября». С тех пор этот день стал для меня точкой отсчёта, от которой начинается трудовой год, независимо от того, идёт ли речь о начале учёбы в школе, в вузе, либо о начале отрезка времени, который охватывает период трёх из четырёх времён года.

Но главным сегодняшним событием стало знакомство с действующим, назначение которого в тот момент было мне непонятно. Анастасия Георгиевна взяла мою руку, провела ею по листу плотной бумаги (позже я узнал, что эта бумага называется перфокарточной). Потом она моей же рукой отделила страницу и вложила

её в металлическую доску (в дальнейшем эта металлическая доска тоже получила название – прибор для письма, а в быту просто прибор). Потом дала пластмассовый предмет с иголкой, похожий на шило (грифель), и в одном месте наколола моей рукой точку. Что я ощутил? Ощущения были не из приятных: во-первых, некоторый страх вызывало прикосновение к моей руке руки другого человека. Оно отличалось от того, что я ощущал ранее, когда в сопровождении взрослого шёл куда-либо: тогда моя рука просто лежала на руке (обычно на уровне локтя) другого человека, а тут не просто брали мою руку, а что-то ей делали: что именно, в тот момент было непонятно, что и порождало чувство страха. Во-вторых, неприятным был звук – треск (в ту пору он был достаточно сильным потому, что рука была ещё слабой, так что взрослому, чтобы добиться выполнения мною действия, требовалось больше усилий). Однако Анастасия Георгиевна сказала, что этим мне нужно будет заниматься постоянно. Но всё-таки, что же я делал?

Как называется это действие? Этого мне никто не сказал. Просто говорили: «Заниматься точками». Но это отнюдь не стимулировало меня на активизацию занятий.

Между тем, как я узнал уже в школе, это было основное наше действие – письмо.

В то же время Анастасия Георгиевна понимала, что я ещё маленький ребёнок. Она показывала игрушки одного из своих детей (это будет происходить и позже, так как Анастасия Георгиевна понимала, что мой осязательный опыт невелик и его надо пополнять). Позже я познакомился с ними. Тогда их было двое – Олег и Дима. В тот день моё внимание привлекла большая игрушечная грузовая машина с довольно массивными колёсами. Я захотел иметь такую же. А Анастасия Георгиевна сказала, что в конце учебного года я снова к ней приду, она проверит, каковы мои успехи, и в случае хороших результатов я получу эту машину. Так у меня появился стимул к занятиям. Но занимался я не слишком прилежно, предпочитал всё-таки играть со своими игрушками.

3. Необычный поход

Это событие произошло в конце апреля 1963 года. Следы зимы ещё чувствовались повсюду. Даже снег местами лежал. И имен-

но в такой день мы отправились на дачу, на станцию Горьковское. В ту пору путешествие из Ленинграда в Горьковское приходилось проделывать с пересадкой: от Ленинграда ехали на электричке до станции Рошино, а там пересаживались на поезд, ведомый паровозом, получивший в народе наименование «подкидыш». Наиболее удобно было бы ехать поездом, который отправлялся с Финляндского вокзала в 8:41.

Я по-прежнему не расставался с игрушками. Была в моей игровой деятельности того периода такая черта: я силой воображения превращал любую пишущую игрушку в птицу. Ещё были свежи в памяти щегол и кенар, подаренные нам в 1961 году. Так вот роль щегла в моей игре выполнял пишущий резиновый медвежонок. Именно его я хотел взять с собой в поездку. Но я его потерял и долгое время не мог найти. В конце концов, мы его нашли, но из-за этого опоздали на поезд. Надо сказать, что путешествие от Васильевского острова до Финляндского вокзала на трамвае было довольно долгим. Мы проделали этот путь, пришли на платформу. А поезд наш, на котором мы собирались ехать, только «хвост» показал. Так мы опоздали.

Через некоторое время подошла следующая электричка. Она шла до Рошино. Мы сели на неё. Эта часть путешествия прошла без приключений.

И вот, выходим в Рошино. Видим, что на путях стоит товарный поезд, идущий в сторону Выборга. Мама подошла к машинисту и попросила пустить на паровоз до Горьковского. А машинист сказал, что он проследует эту станцию без остановки. Значит, оставалось одно — идти пешком. Расстояние между двумя станциями составляло 6 км. И мы пошли. Пешком, благо встречных поездов нет, а потому — по шпалам.

В конце концов, дошли до станции Горьковское. Увидели, что на платформе стоит поезд из Светогорска. В окне вагона заметили отца. Не дождавись нас, он решил возвращаться, тем более что дело, ради которого предпринималась эта поездка (приобретение вагонки), осуществить не удалось. И вот, когда до отправления поезда оставалось несколько секунд, мы вошли в вагон и воссоединились с отцом. Так закончилась эта поездка. Я думаю, что она была одним из самых интересных эпизодов, завершающих моё раннее детство.

Валентина Серёгина

Орск

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Дорога памяти

Хочу рассказать об ангеле-хранителе каждого слепоглохого инвалида – Сергее Алексеевиче Сироткине.

Память возвращает меня в прошлое. Вот моя первая встреча с Сергеем Алексеевичем в Москве, в «Эльвире». Я сижу напротив него, рассказываю о себе. Депрессия страшнейшая. Как мне жить с таким диагнозом – слепоглухота? За что мне этот крест? Какой смысл жить, не видя и не слыша мир? Он внимательно слушает, не перебивая и не торопя. Выплеснула все, что накопилось в душе. Сергей Алексеевич берет за руку и спокойно, по порядку, отвечает на мои вопросы, приводит позитивные примеры из жизни слепоглохих. Помогает выстроить цепочку дальнейшего взаимодействия, объясняет, что, потеряв зрение, я остаюсь полноценным человеком. Просто надо немного «перепрограммировать свои мысли». Я ни в коем случае не превращусь в «овощ», чем злые люди любят пугать всех, кто недоумает.

Сергей Алексеевич успокаивает, мир обретает утраченные было краски. Я понимаю, что, пока имею остаточное зрение, надо помогать другим. Несомненно, опять «протянута рука помощи» – меня приглашают учиться.

Память «выхватывает» ещё одну картину. Москва. «Реакомп». Я учусь на курсах тифлосурдопереводчиков, организованных Сергеем Сироткиным.

Это не просто курсы, а школа жизни. Каким организаторским талантом надо обладать, чтобы запланировать такое обучение.

Бесплатное! Лекции нам читают профессора, специалисты из клиники Сербского, психологи, депутаты Госдумы, экономисты, юристы и, конечно, Сергей Алексеевич.

Однажды нам говорят, что на следующий день приедут слепоглухие, и мы «отработаем» с ними в реальности все знания, которые успели получить. Поясняют, что слепоглухие – тотальники. Полное отсутствие слуха и зрения. Помощников у нас не будет. Подходите к ним – и начинайте общаться.

Наступил этот день. Приехало много тотально слепоглухих молодых людей. Красивые, улыбочивые, доброжелательные, готовые помочь нам наладить с ними диалог. Передо мной стоит молодой человек и ждет, когда я дотронусь до него, давая понять, что я рядом и готова к общению. Мне стало так жаль его красоту, молодость, и что он никогда не увидит, как прекрасен мир, что нервы сдали, и я убежала к Сергею Алексеевичу в кабинет и рыдала навзрыд, сидя рядом с ним. Наверное, еще и от страха, что у меня такая же «перспектива». Он дал мне выплакаться, а потом аккуратно стал объяснять, что на самом деле эти молодые люди не так несчастны. Они живут в мире, немного отличном от мира зрячих, который для них комфортен. Получают образование, создают семьи, путешествуют. Слепоглухие любят заниматься домашними делами, рукоделием – вязанием, лепкой, спортом, танцами и т.д. Сергей Алексеевич стал рассказывать о своем детстве. До пяти лет видел чуть-чуть, помнит три цвета: красный – такого цвета были яблоки, которые давали им в интернате; зеленый – это их мазали зеленой от ветрянки в том же интернате; и белый – цвет молока. Тем не менее, скудная зрительная информация не помешала ему получить высшее образование и ученую степень.

Так, потихоньку, Сергей Сироткин выводил меня (и многих других людей!) из состояния стресса. Сколько таких же историй могут рассказать люди из разных регионов страны! Нас не только вернули к полноценной жизни, но, более того, Сергей Алексеевич привлекал нас к активной работе на благо слепоглухих в своих регионах.

Авторитет Сергея Сироткина был высок и в сообществе европейских слепоглухих. Его уважали и ценили как опытного руководителя. Сергей Алексеевич при любой возможности нас, своих коллег по работе со слепоглухими, приглашал в зарубежные

поездки. Мне посчастливилось брать интервью и писать статьи о жизни слепоглухих в других странах.

Последняя наша встреча с Сергеем Алексеевичем состоялась на его 70-летию. Господи, если бы знать, что это была последняя встреча! Сколько бы добрых слов сказала ему за то, что он бережно вел меня по жизни, не дал превратиться в «овощ» не только мне, но и многим другим оренбургским слепоглухим. Поддержка Сергея Алексеевича безгранична. Он всегда был в курсе работы отделений «Эльвиры» во всех регионах. Возникающие проблемы решал стремительно. Ему можно было доверить сокровенные тайны, не боясь, что это может повредить. Он никогда никого не критиковал за собственное мнение.

От нас ушел руководитель, наш близкий человек. Я не готова принять разумом такую утрату. И не приму. Для меня Сергей Алексеевич Сироткин навсегда останется живым великим человеком, посвятившим жизнь служению слепоглухим.

Вера Лыженкова

Москва

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Краткие автобиографические истории

Мне было 7 лет, в школе-интернате для глухих наши ребята стояли возле класса в ожидании воспитательницы. Пока ждали, начали баловаться. Девочки стали качаться на отопительной трубе, схватившись за нее руками, как на качелях. Затем воспитательница увидела, как мы баловались, и велела продолжать в качестве наказания. В результате, у девочек, особенно у меня, от трения все ладони покрылись мозолями, которые тут же и лопнули. Я была освобождена от уроков. Из-за её жестокости я возненавидела воспитательницу.

Я перешла в 3 класс и узнала, что жестокая воспитательница стала нашим классным руководителем. Я несколько раз умоляла маму, чтобы меня перевели в параллельный класс, но мама не слушала, считая ее хорошей учительницей. Потом я заметила, что та действительно меня любила. Мое отношение к ней изменилось.

Знакомство с Виктором произошло на 1 курсе машиностроительного техникума — с группой глухих и слабослышащих ребят. Виктор начал ухаживать за мной и каждый день провожал после

уроков на электричке до Королева. Мы влюбились друг в друга. Наш роман длился все 4 курса техникума.

* * *

Однажды летом мы с семьей старшей сестры отдыхали на Черном море в пансионате в Кабардинке. Виктор пообещал меня найти, хотя ни разу не был на море. Тогда еще не было мобильной связи, я ему просто дала адрес пансионата. И вот однажды я лежала на пляже на берегу моря, и вдруг сестра увидела Виктора, шагающего по песку. Я не поверила глазам, как он смог найти меня? Я была в восторге от такой удивительной встречи!

* * *

Виктор всегда любил шутить. Он неоднократно встречал меня после работы, ожидая в определенное время у метро или на автобусной остановке, или в самом автобусе. Он часто делал мне приятные сюрпризы.

* * *

Как-то раз я оставила сына Леню играть во дворе, а сама смотрела за ним из окна. Вдруг потеряла из виду и тут же кинулась искать. Одна из соседок видела, в какую сторону он направился. Догадалась, что, скорее всего, он пошел к бабушке на работу, куда неоднократно ходил вместе с ней. С каким облегчением я вздохнула, когда именно там и увидела сына, живого и невредимого. Очень удивилась, как он, такой маленький, запомнил дорогу и перешел проезжую часть.

* * *

Виктор увлекался походами в лес за грибами и рыбалкой в своей деревне в Вологодской области. Меня настолько увлекли его рассказы, что я напросилась поехать с ним. Ранним утром отправились на рыбалку. Шли вдоль извилистой речки, после муж ловил щуку. В какой-то момент я устала и попросила его вернуться домой, но, к моему удивлению, получила отказ. Он отправил меня одну через незнакомый лес в деревню. Муж объяснил, что нужно ориентироваться по солнцу, идти и не сворачивать ни вправо,

ни влево. Я обомлела. Боялась потеряться. Но я настолько устала, что решились идти одна. К счастью, выбралась из леса, ориентируясь по солнцу, и дошла до деревни. Как же я была рада, что добралась до нее и не потерялась!

Однажды летом в деревне мы потеряли нашу трехлетнюю Надюшу. Забили тревогу, кинулись на поиски. Вдруг бабушка услышала плач, но мы не могли понять, где именно она плачет. Прислушались – и нашли на чердаке. Мы удивились, как она – такая маленькая – ухитрилась залезть на чердак по жутко неудобной лестнице.

Как-то возвращалась домой в битком набитом автобусе. С трудом пробралась к водителю и, стоя спиной, почувствовала, как кто-то ко мне сильно прижимается. Я рассердилась и повернула голову, чтобы посмотреть на хулигана, но, к моему удивлению, узнала в нем мужа, который таким образом шутил надо мной.

Однажды зимой приехала навестить детей и родителей, отдыхающих в подмосковном пансионате – в Горках. С погодой повезло: тихо и солнце. В сосновом лесу было очень красиво, а кругом сверкающий снег. Сыну – 9 лет, дочке – 4 года. Они решили покататься на лыжах, и я к ним присоединилась. Надев ботинки и лыжи, поехала вслед за сыном по лыжне, но в какую-то минуту перестала видеть лыжню и не смогла кататься дальше. В один миг поняла, что снег ослепил мое ослабевающее зрение. Очень расстроилась и на другой день вернулась в Москву.

Август 1991-го. Моя работа находилась у станции метро «Улица 1905 года». В окно рабочей комнаты увидела, как по улице двигалась длинная танковая колонна к Белому дому – без остановок, при мигающих светофорах, а автомобили мгновенно парковались у тротуаров. Рядом, у перехода к метро, стояла толпа недоумевающих людей. Это был государственный переворот-путч. Вся Москва

была в тревоге, ночью по единственному телеканалу я смотрела, что происходило у Белого дома.

* * *

Однажды я перенесла трагический удар. Мой муж погиб в авткатастрофе, и я осталась с двумя маленькими детьми. Долгое время была в отчаянии. Благодаря помощи родителей, а также близких и родных, мы смогли поставить детей на ноги.

* * *

После трагической гибели мужа родители увезли меня в Крым, в военный санаторий, чтобы привести в чувства. Однажды, во время тихого часа, я почувствовала, что кто-то меня будит. Проснувшись и не поверила глазам: передо мной стоял живой Виктор – у открытого балкона. Я тут же села и сказала жестами: «Что ты сделал?». Он молча посмотрел на меня, потом вышел на балкон. Я наблюдала за ним и ждала возвращения, но он не вернулся, на балконе никого не было. Это был то ли сон, то ли видение.

* * *

По приглашению сестры я впервые прилетела в Индию – на целый месяц. Добравшись до Дели, мы оказались в жуткой километровой пробке. Я с удивлением смотрела, как автомобили, мотоциклы и велосипеды еле-еле двигались в этом заторе. Тогда в Москве ещё не было пробок. Остановились в доме на территории МИДа, где работал муж сестры. Она организовала мне экскурсии по историческим местам. Ближе к концу моего путешествия я захотела приобрести кожаное пальто. Зашла в престижный магазин, но не смогла найти подходящую модель. Договорилась с портным о пошиве на заказ. К моему удивлению, пальто привез нам сам хозяин фирменного магазина. Оно мне подошло и смотрелось очень элегантно, на работе я получила много комплиментов. Кстати, оно до сих пор у меня в гардеробе.

* * *

Начиная с юности, мое зрение незаметно ухудшалось. После рождения второго ребенка я почувствовала катастрофическое па-

дение зрения. В результате долгих исследований мне поставили диагноз: пигментная дегенерация сетчатки и катаракта. Начала проходить всевозможные курсы лечения и решилась на несколько операций. Но, увы, заболевание продолжало прогрессировать. Настал день, когда врачи сказали, что не в силах помочь нам. Выйдя из дверей глазной клиники, мы с дочкой заплакали... Потом постепенно наступила слепота.

Как-то раз я перебирала старые записи с кулинарными рецептами, вырезки из журналов и газет, письма от подружек. Но, пытаясь прочесть их с помощью лупы, обнаружила лишь пустые листы без строк. И тут я поняла, что настал мой конец света. От злости я разорвала все записи, письма, вырезки из газет и журналов.

Когда мне дали букварь шрифта Брайля, я была ошарашена. В моих руках оказалась большая толстая книга. Я совсем иначе представляла себе этот шрифт! Думала, это просто выбитые точками русские буквы, а оказалось — шесть точек в одном прямоугольнике. Никак не могла понять, как все 33 буквы можно изобразить шестью точками. Перелистывая плотные страницы с точечным шрифтом Брайля, чувствовала сомнение и неуверенность. Пришлось держать себя в руках ради заветной цели. Научилась быть сдержанной. За два месяца самостоятельно освоила букварь. Признаюсь, мои бедные пальцы от долгого чтения теряют ощущения, так же устают, как глаза.

Однажды, когда я была в Волоколамском центре реабилитации для слепых, мы с подругой Наташей решили прогуляться за его пределами. Взялись за руки, прихватив трости, и пошли за ворота. Какие мы были глупые и самоуверенные! Без слуха и зрения пошли гулять по незнакомой местности! Идем, идем по дороге... Вдруг чувствуем, что-то не так, вроде бы не туда идем. Стали тыкать тростями во все стороны, чтобы определить, где находимся, и чуть не отпустили руки друг друга. Если бы отпустили, то и друг

друга бы потеряли... Встали, и не знаем, куда идти. Вдруг Наташа (у неё сохранилось немного слуха) услышала голос мужчины, который что-то нам говорил. Она ему сразу сказала, что мы не слышим, не видим, потерялись, и что нам нужно обратно в Центр реабилитации. Тот нас подхватил под руки и привел домой. Больше мы такие эксперименты на себе не ставили.

* * *

Я постепенно смирилась и оказалась в мире слепоглухих. Благодаря помощи переводчиков и сопровождающих стала принимать участие в мероприятиях. Запомнились Европейские каникулы в Венгрии. Именно там я впервые попробовала себя в роли актрисы — мы с моим знакомым показали небольшой этюд: «Слепая цветочница и Чаплин». К моему удивлению, мы получили бурю оваций. Так начался мой путь к творчеству.

* * *

Я случайно оказалась одной из участниц театрального проекта «Прикасаемые». Благодаря театру почувствовала интерес к творчеству, открыла много нового для себя, получила множество приятных впечатлений от общения с актерами. В театре я нахожусь, как во втором родном доме, получаю от работы прилив сил и вдохновения.

* * *

Очередной день рождения я встретила в Лондоне на гастролях. Когда мы с Олей вошли в здание театра, я услышала топот и овации наших актёров, поздравлявших меня с днём рождения. Ой, как было трогательно и приятно! Затем, по британской традиции, мне держали торт над головой, а я загадывала желания. Это был запоминающийся день рождения!

* * *

Однажды я возвращалась после «Прикасаемых» одна на такси и без сопровождающего. И вот мы ехали, ехали, наконец машина остановилась. Шофер открыл дверь, вывел меня и уехал. И тут я понимаю, что меня никто не встречает, я не знаю, где меня вы-

садили; я осталась совершенно одна. Я ничего не вижу и не слышу. Мне стало очень страшно, я боялась, что не смогу попасть домой и связаться с родными. Хорошо, что у меня с собой была белая трость. С ее помощью я пошла искать хотя бы тротуар. Иду, иду – наткнулась на припаркованную машину, поняла, что это двор, обошла машину, кое-как нащупала бордюр, вышла на тротуар. Вдруг одна добрая и внимательная женщина увидела меня и предложила помощь. Пытаюсь ей объяснить, что не вижу и не слышу. Взяла ее руки и пишу на них «115», это номер квартиры. Потом мы додумались взять мой ключ от подъезда и стали прикладывать ко всем дверям подряд, пока не нашли нужный подъезд. Ура, я оказалась дома!

На гастролях в Лондоне мы с Олей отправились на автобусе на репетицию. Мы сидели на первом этаже автобуса, и кто-то из команды «Прикасаемых» сказал Оле выходить на следующей остановке. Мы вышли и пошли пешком по мосту, но вдруг поняли, что автобус покинули только мы одни – получается, вышли не на той остановке. И заблудились в Лондоне. Оля жестами спрашивала у прохожих, как добраться до места репетиции, показывая нашу программку. Англичане оказались чуткими и отзывчивыми, благодаря им мы нашли нужный адрес.

На гастролях в Париже после спектакля проходил праздничный концерт с участием легендарной французской певицы Мирей Матьё. В конце концерта произошел счастливый случай – я оказалась рядом с ней. Обняла за плечо, кто-то приложил мою руку к ее груди, и она звучно запела. Я была на седьмом небе от счастья. Еще с детства мне говорили, что я по прическе похожа на Мирей Матьё. Что удивительно, я, как и она, всю жизнь живём с одной и той же прической, не изменяем своему стилю. Когда я ходила в парикмахерскую, то просила стрижку, которая так и называлась: «Мирей Матьё».

Александр Галан

Тюмень

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Город, которого нет

Вечерело. По привычке решил перед сном прогуляться, подышать свежим воздухом. Тёплый осенний вечер. Удивительная пора бабьего лета. А почему бы и не прогуляться? Вышел во двор и присел на лавочку в небольшом скверике между домами. Было тепло, и только лёгкий ветерок шевелил опавшей листвой. Посмотрел по сторонам. Сквозь голые деревья проглядывался пустынный двор. Лишь от тусклого света фонарей поблескивали припаркованные рядом машины. Поднял голову вверх и среди освещённых яркими окнами высоток увидел покрытое дымкой звёздное небо с выглядывающим краешком бледно-розовой Луны. Невольно загляделся и призадумался, а что там, в глубинах загадочной Вселенной? По рассказам космонавтов, там стоит полная и гнетущая тишина. И в этой тишине Солнце «выпускает» яркие и жгучие всполохи. Иногда на горизонте появляются хвостатые странницы, отдавая Землю холодным дыханием космоса, чтобы исчезнуть и появиться в необозримом будущем. И только далёкие звёзды поблескивают холодным сиянием, направляя человеческий взор в необъятные просторы Вселенной. Проходят годы, столетия и даже тысячелетия, но ничего не меняется. В далёких глубинах космоса гаснут и вспыхивают сверхновые звёзды, гибнут и зарождаются цивилизации, но этого нам не дано увидеть. Наш мир – всего лишь мелкая песчинка мироздания. Но эта песчинка оказалась зерном разума среди безмолвия космоса. Понадобились миллионы лет эволюции, чтобы превратить простейшую клетку в современное человеческое совершенство.

Вот так я сидел и размышлял, глядя на медленно продвигающуюся по небу, неожиданно ставшую голубой Луну. Представил, сколько в истории человечества проходило войн, в которых исчезали города и даже великие империи. Уходили народы, им на смену приходили другие. Но это только миг жизни Вселенной. Кое-что осталось в народном фольклоре, сохранилось в сказаниях, былинах и сагах. Учёные годами корпят над переводами древних манускриптов, разгадывают сюжеты наскальных и пещерных рисунков. А, в основном, всё забылось, стёрлось из памяти и безвозвратно исчезло. Я улыбнулся и отвёл взгляд от ярко «светившей» Луны. От её гипнотической притягательности и не в такие размышления окупнёшься.

Но тут же себя одёрнул. Ни к чему касаться переплетений не всегда понятной древности, надо попробовать разобраться в собственной жизни. Если хорошенько покопаться, столько интересного найдётся! Задумался. Что про себя сказать? Неожиданно рассмеялся. Кому здесь говорить, ведь сам с собой рассуждаю... Ничего необычного в моей биографии вроде бы нет. Родился в маленьком волжском городке, со всех сторон окружённом невысокими холмами Жигулёвских гор. Поставленную во времена правления императрицы Анны приграничную крепость засечные казаки называли Городом креста. Но ко времени моего рождения провинциальный городок исчез навсегда. На его месте плескалось огромное водохранилище, а плотина гидроэлектростанции выдавала первые киловатты электроэнергии. Перенесённый в сторону город возродился, превращаясь в огромную комсомольскую стройку. Не успел я сделать первые шаги по улицам родного города, как он сменил название. Неизвестно по чьей прихоти переименовали город в честь итальянского коммуниста. Сомневаюсь, что член Коммунистического интернационала бывал в этих местах и вообще знал о существовании города. Со временем первоначальное название моей родины, город Ставрополь-на-Волге, как и имя итальянского коммуниста Пальмиро Тольятти, забудется и останется в архивных документах, нужных разве что историкам. Город уже много лет отмечен на картах как автогигант, Жигулёвская жемчужина на Волге.

Нахлынули детские воспоминания. О жизни нашей большой и дружной семьи в собственном доме с роскошным вишнёвым и яблоневым садом. Захотелось пробежаться по тёплой волжской

воде. Полежать на раскалённом от солнца песке, разглядывая под крики чаек голубые вершины Жигулёвских гор. После переезда в сибирскую столицу я часто приезжал на летние каникулы к родственникам...

Свою малую родину я никогда не забывал. За прошедшие годы там произошли большие перемены. С молодости я по привычке летал самолётами в Куйбышев — а дальше двухчасовая автобусная поездка вдоль берега Волги согревала душу. Потом всё изменилось. Маршрут остался прежним, а летать стал почему-то в Самару. Постепенно в газетах и на телевидении прижилось словосочетание «Самарская область», а «Куйбышевская» канула в небытие. Хотя Самара и не моя родина и находится в сотне километров от Тольятти, она связана исторической нитью с сибирской столицей, где я живу сейчас. Удивительное совпадение. И Тюмень, и Самара — города-ровесники, вопреки тому, что их разделяют полторы тысячи километров и разные географические части континента. Их общность объединяет и имя легендарного большевика Валериана Куйбышева. Он был активным участником революционного движения в Симбирской губернии. После смерти Куйбышева его именем назвали областной центр Поволжья. Волей судьбы в Тюмени на местном кладбище упокоились его ближайшие родственники.

Неожиданно одёрнул себя. Опять углубился в исторические дебри. Посмотрел вокруг. Уже совсем стемнело, и свет в окнах стал гаснуть. Уходить не хотелось, и я вернулся к воспоминаниям. Вроде ничего необычного: школьные годы, юность... Вспомнил школу, где провёл лишь три беспечных года. Иногда прихожу на вырытый рядом со школой Утиный пруд, просто посидеть на лавочке и покормить диких уток. Они с громким кряканьем выплывают из зарослей камыша, требуя какой-нибудь вкусной подачки, и с удовольствием поедают хлебные мякиши. В моём детстве здесь был песчаный карьер, заваленный строительным мусором соседнихстроек. В нём водилась неизвестно откуда взявшаяся мелкая рыбёшка, а вот купаться было опасно. Со временем карьер почистили и облагородили, а когда появились первые утки, его назвали Утиным прудом. Теперь они каждый год прилетают, чтобы осенью с новым потомством отбыть в тёплые края. Недавно, проходя мимо центрального входа школы, обратил внимание на вывеску.

На ней не было ничего общего с названием моей школы, а лишь чуждое, по крайней мере мне, слово «гимназия» с длинным номером. Что меня ещё больше удивило: гимназия была с танцевальным уклоном. Пробежавшие мимо мальчишки объяснили, что мою и соседнюю школу объединили. И теперь это гимназия. Вспомнил, сколько тут в моё время училось ребятшек, и засмеялся, представляя, как они теперь двумя соседними школами «классно» танцуют. Да, мы живём во времена больших перемен. Не просто живём, а долгое время ищем жизненный вектор. И дать оценку этим переменам очень сложно. Раньше у нас была совсем другая жизнь. Я гордился, что учусь в Машиностроительном техникуме, в одном из красивейших зданий города – стоящем рядом с Центральной площадью. Прошли годы и за ветхостью здание техникума разобрали. Он прослужил лишь полвека, но всё же из него выпустилась не одна сотня молодых специалистов. Почему так получилось, трудно сказать. То ли после войны стройматериалов не хватало, то ли так пленные немцы строили, а, может, город действительно на болоте стоит. На прежнем месте построили современный учебный корпус и передали одному из крупнейших вузов города. Но самое удивительное, фасад с гордым названием «Тюменский машиностроительный техникум» оставили.

А для нас, выпускников, техникум навсегда останется просто «Машинкой», давшей нам профессиональную путёвку во взрослую трудовую жизнь.

Под нахлынувшие воспоминания быстро пролетел короткий осенний вечер.

Я задумался, ведь у каждого есть метрики о рождении, паспорта, аттестаты, дипломы об образовании и другие документы. Если возьмёте их в руки и внимательно вчитаетесь, можете обнаружить много интересного. Можете увидеть до боли знакомые названия городов, улиц, мест учёбы и рождения... Можно призадуматься, ведь что-то из этого перестроилось, изменило название или просто исчезло с лица земли. Исчезло, как исчезает всё в этом мире, затирается в необъятных глубинах истории и остаётся только в человеческой памяти. Я посмотрел на звёздное небо. Там ничего не изменилось. Звёзды по-прежнему сияли голубым светом. Яркая Луна давно скрылась за тёмными исполинами домов. Первый час ночи. Уже совсем поздно. Засиделся, пора возвращаться домой.

Карина Жакова

Брянск

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Эссе/публицистика»*

Живая, воплощённая душа

Так переводится с армянского имя человека, отдавшего музыке жизнь, посвятившего преданному, беззаветному служению ей не одно десятилетие. К сожалению, 6 июля 2021 года, в возрасте 92 лет, маэстро покинул этот мир. Память о нём будет вечно жить в сердцах миллионов поклонников и ценителей его таланта со всех уголков планеты. Бывают концерты, которые оставляют неизгладимый след в душах зрителей и светлые воспоминания на долгие годы. От одного из них я по сей день нахожусь под сильным впечатлением.

28 октября 2012 года мы с бабушкой побывали во Дворце культуры Брянского машиностроительного завода на выступлении всемирно известного мастера игры на дудуке (духовой деревянный язычковый музыкальный инструмент, один из символов армянского народа), обладателя многочисленных международных наград, профессора Ереванской государственной консерватории, автора саундтреков к популярным фильмам, обладателя титула «Человек планеты» — Дживана Арамаисовича Гаспаряна. Оно было организовано в рамках мирового прощального турне и состоялось благодаря Брянскому продюсерскому центру «Живая Вода».

Зал был полон. Многочисленные цветы насыщали воздух чудесным ароматом. На концерте присутствовали преимущественно соотечественники мастера — многочисленные представители армянской диаспоры, живущие в нашем городе. Выступление началось без опозданий. Мы сразу же погрузились в удивительные,

чарующие звуки. Весь небольшой коллектив играл чувственно, проникновенно, эмоционально и виртуозно. Публика встречала каждый номер искренними аплодисментами.

Меня восхитило слаженное, гармоничное взаимодействие духовых и струнных инструментов. Звуки дудука проникают в самые потаённые уголки души, ненавязчиво задевая наиболее чувствительные фибры и заставляя их трепетать. Мелодии порой вызывают искренние исцеляющие слёзы, приводя в состояние катарсиса, а иногда — тёплую и светлую улыбку, даря лучик надежды.

Игра Гаспаряна восхищает, духовно обогащает. Произведения исполнялись разнообразные: армянский фольклор, джазовые стандарты, немного американской эстрады, композиции, написанные мастером к различным фильмам, русские народные песни. Сильнейшее впечатление произвело искромётное соло на ударных (национальный инструмент дхол), исполненное виртуозным барабанщиком. А ещё Дживан Арамаисович спел одну нежную, грустную песню, посвящённую маме, — на армянском языке. С публикой общался мало, многое было понятно без слов.

По окончании выступления его коллектива зрителей порадовал Ансамбль армянского народного танца. Полученного заряда эмоций хватит надолго. Такие события не забываются.

После концерта мне посчастливилось пообщаться с маэстро за кулисами (очередь за автографами выстроилась немалая, и для каждого у музыканта нашлось доброе слово). Отнёсся он ко мне весьма доброжелательно, как к родной внучке, даже расцеловал — никакого пафоса и «звёздной болезни»! Мастеру очень понравилась картина с бисерными цветами, которую я ему подарила. (Спросил: «Вы её сами сделали?») Сначала мы сфотографировались на мой фотоаппарат. Затем Гаспарян попросил внука сделать памятное фото на свой iPhone. На прощание Дживан Арамаисович галантно преподнёс нам с бабушкой по большому, прекрасно благоухающему букету цветов. (Потомки тех роз по сей день являются одним из главных украшений нашего загородного участка.) Этот подарок стал весьма приятной неожиданностью и прекрасным финальным аккордом вечера.

Отрадно отметить, что славное дело великого деда продолжает внук — талантливый дудукист Дживан Гаспарян-младший. Истинное искусство — бессмертно.

НОМИНАЦИЯ «Произведения о слепоглухих/ слепоглухоте»

Лауреаты I степени

- категория «поэзия»

Надя Делаланд (*Москва*)

- категория «проза»

Юта Летц (*Москва*)

- категория «эссе»

Елена Васильева (*Санкт-Петербург*)

- категория «СМИ/публицистика»

Анна Демидова (*Москва*)

Лауреаты II степени

- категория «поэзия»

Олег Дозморов (*Лондон*)

- категория «проза»

Кристина Курченкова (*Минск*)

- категория «эссе»

Дарья Грицаенко (*Москва*)

- категория «СМИ/публицистика»

Юлия Крывелёва (*Москва*)

Лауреаты III степени

- категория «поэзия»

Сергей Шабуцкий (*Бонн, Германия*)

- категория «проза»
Елена Смирнова (*Москва*)
- категория «эссе»
Анна Рытик (*Москва*)
- категория «СМИ/публицистика»
Наталья Бесхлебная (*Москва*)

Шорт-лист

- категория «поэзия»
Любовь Колесник (*Ржев*)
Алексей Шихалёв (*Ижевск*)
Валерия Гречина (*Зеленоград*)
Ирина Юрчук (*Ольденбург, Германия*)
Владислав Черейский (*Санкт-Петербург*)
- категория «проза»
Наталья Колмогорова (*Самарская область*)
Дмитрий Чурсин (*Реж*)
- категория «эссе»
Анна Демидова (*Москва*)
Любовь Малофеева (*Ижевск*)
Марта Любимова (*Москва*)
- категория «СМИ/публицистика»
Дмитрий Балыкин, Ирина Жукова
(*Починок/Нижний Новгород*)

Лонг-лист

- категория «поэзия»
Ольга Туркина (*Санкт-Петербург*)
Елена Дрантусова (*Харьков, Украина*)
- категория «проза»
Ольга Павлова (*Барнаул*)

Произведения о слепоглухих/слепоглухоте

Валерия Гречина (*Зеленоград*)

Юлия Анохина (*Калининград*)

- категория «эссе»

Тамара Мартынова (1942-2021) (*Орск*)

Светлана Пономарёва (*Верхний Уфалей*)

- категория «СМИ/публицистика»

Марина Платонова, Алексей Пижонков (*Казань*)

Надя Делаланд

Москва

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

*

дом заброшенный но
согреваемый мною
я смотрела в окно
слепоглухонемое
проводила рукой
гладкий твердый холодный
воздух ходит рекой
сквозняка на подложке
обними и постой
только так и пробиться
под наклоном ростком
пульсом азбукой птицы
слепоглухонема
тишина из кармана
вынимает дома
слепоглухонемама
мама мама во сне
я смотрела руками
в воду думала снег
понимала сквозь камень

Юна Летц

Москва

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «проза»)*

От автора:

Мои бабушка и дедушка были глухонемыми, а прабабушка, которая растила меня, в какой-то момент полностью потеряла зрение. Всё это довольно сильно повлияло на восприятие мира. Через много лет я познакомилась с необычным человеком, моряком, который имел сенсорные нарушения, однако, продолжал виртуозно исполнять свои обязанности. В рассказе речь идёт о слепоглухоте с сохранением остаточного зрения.

Столкновение с криком

Митч такой сухонький, лаконичный, как кирпичная кладка, он носит на себе полушария, как реликвию, у него заросшие поры, руки жесткие, корявые, и жилы, как канат. Лицо чёткое, предметное, широкие ноздри, через них воздух, как насосом, маленькие, выдержанные глаза. Он непременно хрипит, что-то с голосом случилось давно, и теперь хрипит человек, но если ближе подойти, то всё понятно, что он говорит.

— Сегодня самолёт улетел, а в нём моя жена сидела, которую я не увижу семь месяцев теперь, но это не так обидно, если бы я к ней по-приятельски относился. Но я по-другому к ней отношусь, она меня услышала, понимаешь? Это особые чувства. Это как будто я старый, а она кокетка юная в голубых розочках на платье — глаз не могу отвести от этих розочек, хотя, казалось бы, обычный гипюр.

– Как вы говорите хорошо...

– Я сейчас говорю хорошо, а три года назад хрипел, как чёрные водопады, и никто меня не понимал, все переспрашивали, и тогда я испугался, что никто не слышит, и стал так близко к людям подходить, к самому уху придвигаться. Бывало так: придвинусь к кому-нибудь, возьму человека за руку, чтобы передать свои интонации, а он отстраняется, уходит.

– Но вы не обижались на них?

– Нет, я обижался. Обижался, что они не хотят меня слышать. Но потом я перестал обижаться. Она появилась, и я перестал обижаться.

– Какая она была тогда?

– Она была красивая и взрослая, какие-то бусы с ягодой, покусение на флирт, но глаза грустные и простые. Я подошел к её уху, за руку схватил так отчаянно, как выживал, держался за неё, как безумный краб. И она не отстранилась, не ушла. Она услышала меня, она меня поняла. И теперь многие меня понимают. Вот ты понимаешь, что я говорю?

– Понимаю.

– И она понимает, и даже слышит. Слышит. И, когда мы в аэропорт сегодня ехали, я говорил, а она слышала. А теперь как же мне без неё, совсем я один останусь, а так ведь говорить хочется...

– Говорите со мной.

– Это ничего, что я так далеко? Ты разбираешь слова?

– Да, всё в порядке.

– Это хорошо. Теперь всё хорошо. А почему? Потому что она меня вылечила. Бывает, что люди некоторые не закончены – что-то в них не доработано. Чего-то не хватает. Тогда можно приспособиться, а можно найти человека такого, чтобы он достроил тебя. Вот у меня голоса, к примеру, нет, и зрение не ахти, а у неё есть голос. И уши, и глаза, и душа. Так что, когда мы вместе, я могу слышать и видеть, и говорить – через неё. Могу чувствовать. А теперь она уехала, и я ущербный опять.

– Скоро вернётся, не переживайте.

– Да, я тоже так думаю. Подождать до зимы, это же чуть-чуть совсем, какой-то кусочек жизни, крошечный молчаливый кусок, а потом опять она прилетит, и мы будем разговаривать. Я расскажу ей про наши уловы, про китов белых, танцующих хвостами симме-

трично, про рыб со смешными лицами: каплю, топорика, малоппину, кальмара-поросенка, про парящего осьминога. Всех их пощупал. Про закаты, которые без неё – просто пятна. Я расскажу, а она послушает. Как же нам здорово будет.

– Так и случится.

– Я надеюсь на это.

– Всё будет хорошо. Только вот... что это за звук?

– Звук?

– Как шорох...

– Никакого шороха.

– Что-то двигается...

– Ты это слышишь?

– Да, скрип слышу или шорох.

– Только это?

– Да.

– Жаль. Прости, я просто попробовал. Включил это устройство.

Думаю, ну мало ли, что-то получится...

– Мы же совсем не знакомы с вами.

– Я просто проверил, извини.

– Даже не знаю, что и сказать... Как вам мысль такая в голову пришла?

– Ладно-ладно, просто забудь, договорились?

– Так и быть. Но, знаете, это так странно, что вы мне сначала про любимую женщину рассказываете, а потом вот так включаете устройство.

– Я виноват. Просто хотел проверить, а вдруг... Чудо или надежда. Прости меня.

– Давайте забудем. Но вы скажите, это правда была, ну, насчёт вашей жены?

– Это правда. Я совсем недавно её проводил.

– И она вернётся к вам?

– Она обещала. Только знаешь... Я не уверен, что смогу... Ну, что я ещё буду уметь говорить...

– Конечно, будете. С чего вы взяли, что не будете?

– Я просто боюсь этого.

– Не бойтесь, всего немного подождать.

– Да-да.

Митч выдернул этот провод с боковой панели — отключил ретранслятор внутреннего мира, закрыл ноутбук, посидел немного спокойно, а потом встал. Времени было полно, часы ходили так громко, железные стрелки. Он встал и начал складывать вещи в сумку, рубашки, брюки — всё, что было в гостиничном шкафу, потом из ванны собрал. Еще упаковал документы и вышел из комнаты в коридор, устланный грязными следами по ковру.

До порта взял такси. За окном шатались жгучие тропики, пальмовые замашки деревьев, зной и три солнца из одного миража; за окном торчал город, который так и не проявился, город-задумка. Она так и не поняла, что все эти красочные пятна вокруг, все эти цвета — просто отпугивание, защита от хищника. Слишком яркое невкусно, как и слишком серое.

Помимо хищников, здесь часто нападала хандра — этого она тоже не узнала. Хандра здесь была такая хитрая, она выглядела как внутреннее спокойствие, но постепенно накапливалась изнутри, и человек мог сорваться в один момент, и никто бы так и не понял: вот был же обычный парень, а потом его вдруг перевернуло — пошёл и убился. А со стороны все казались такими счастливыми, полноценными; даже если у них было разорвано внутри, наружу не вытекало — защитная адаптация. Ничего не болит, а потом в один момент — хлоп...

А что хлоп? Митч забывал быстрее, чем это могло бы надоесть или поранить. Например, как он потерял голос. Вероятно, когда-то сходил на выборы, и там ему дали какой-то неправильный бюллетень, как из прошлого, на котором уже стояла галочка, но он всё же поставил вторую — и так потерял голос. Или однажды он шёл по улице, и вдруг налетел вороватый прохожий, приставил нож к артерии и приказал молчать — и с тех пор Митч молчит, исполняя этот приказ, иначе нож войдет в его артерию. Или же он просто разучился говорить и пропускал слова каждый раз, когда они выходили, и не мог добавить им звука?.. Нет, Митч определенно не помнил, как и когда он потерял свой истинный голос.

Это были такие ровные годы, что-то происходило, но, в целом, без особых различий — что один, что другой. Уловы и закаты, города-задумки, яркие, как в защитной скорлупе, большое разноцветное яйцо, в котором болтаются дни и события, такие же защитные, сразу и не поймёшь, когда потерял, и что нашёл. Он видел вещи не так ярко, как все, они видел ориентиры, и иногда ему казалось, что это не потеря, а больше — приобретение: нет лишних мыслей.

— Привет, Митч! Как там?

...У судна стояли люди, почти все уже собрались.

Жестом уточнил: «Когда отходим?».

— Через час-полтора. Сейчас упаковку погрузим, ещё по мелочам, и — в путь.

«Ладно, я тогда по-быстрому кое-куда», — снова жестом в сторону улицы.

— Ты в «Банку»? Только не опаздывай.

— Угу, — промычал.

Закинул чемодан и пошёл в чёрный квартал, где находилась «Банка» — бар для моряков, где подавали пиво, очень неплохое местное пиво, которое шипело и пелось, пилось залпом без горящего горла. Митч присел за стойку и ткнул пальцем в бутылку света, кажется, это была «Лаурентина», местное золотое пиво, свежее и дивное.

— Вы же уходите сегодня, куда тебе пить?

Мычание.

— Ладно, я не мамочка, держи...

Клиент положил деньги, взял бутылку, стакан, перелил содержимое из полного в пустое — как раз всё и ушло, потом отодвинул стакан, подтянул к себе бутылку и стал дуть по поверхности горлышка. И это была настоящая дудка из пивной бутылки, и звуки оттуда — это он сам их издавал, почти музыка, глухой вой, похожий на человеческую эмоцию.

— Ты что это, крыс на корабль приманиваешь? — смеялся бармен, и остальные тоже смеялись, а потом Митч немного раскачал-

ся, и они увидели, что возле бутылки мобильный телефон, и это значило, что он с кем-то разговаривает так.

– Романтик, – буркнул кто-то рядом, и новый смех. Гудеть было несложно: просто находишь новый угол и дуешь оттуда через узкую щелку, пока не появляется звук такой вот – «буууу». Митч спокойно закончил свою песню, вытер рот и поднёс трубку к уху. Там была тишина, такая же, как у него в горле, там было ухо, что крепилось к голове, которая завершала тело сверху, и это же человек, самый близкий теперь, самый дорогой человек. Мычание – и из трубки:

– Спасибо тебе. Знаешь, это очень приятно, что ты мне показал это всё: тропики и своих китов... Я рада была помочь тебе это увидеть, но ты пойми, что на этом всё. Не стоит ждать, я не приеду больше, и эти твои намёки на зиму... Ты сам себя успокаиваешь, знаешь ведь, что я никогда не вернусь. Надеюсь, ты услышал. Пока, Митч, совсем пока.

Он только собирался оформить своё мычание в слово, как-нибудь, хоть рукой в горло, хоть выдавить через вены, но по ту сторону уже не было человека, там остались только гудки.

Митч проглотил воздух, как лягушка, и это в который раз был совершенно беззвучный пустой воздух. Потом он закрыл телефон и выпил свой стакан, залпом опустил в себя, как жидкий белый флаг.

Вокруг была такая пульсация, как сердце стучало стульями, столами, комнатой всей. В груди сдавило, и он захотел встать, понес себя вверх, кое-как поднялся, крепясь за стойку руками – только бы не надломиться. Пробные шаги и никакой ориентации. Солнце из-за угла, и это, наверно, дверь, выход – туда надо. Кое-как выбрался.

А на улице зной. Медленно пошёл в сторону порта. Не было ни тележек, ни птиц. Хотя и тележки, и птицы были. Люди двигали предметы, двигались сами, ещё лицо – челюсти, рот, голова, и вез-

де ни единого звука. Океан лежал плавный, перекачивался волнообразно, и никакого шума из него – идеальное природное тело. Машины летали туда-сюда, торгаши вбирали через рот, женщина пела песню – такая глухая музыка, волшебные горы барабанов. Теперь он был дома, в своём мире, где всё тихое, где всё молчит.

В порту суета: время пришло. У капитана шевелились губы, старпом бил Митча по скулам кулаком, видимо, думали, что он пьян, но он ничего не отрицал, только стоял и улыбался, потому что в его мирке было так хорошо, так спокойно. Там всё замерло. Жаль, что этого раньше не произошло. Жить в полную силу не обязательно, если ты сможешь защитить себя так.

Человек стоял и смотрел на своё озарение. Вокруг была полная тишина. Теперь никто не сможет его обидеть, никто не сможет его разлюбить или предать.

Елена Васильева

Санкт-Петербург

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «эссе»)*

Какой твой самый большой страх?

Какой твой самый большой страх? Ослепнуть.

Пару дней назад узнала, что один мой друг — музыкальный критик — уверен, что когда-нибудь он оглохнет. Я пришла в наш чат и написала: уверена, что ослепну. Я уже сейчас чувствую, как зрение падает с каждым годом, как пропускаю в текстах, для которых нужно сделать редактуру или корректуру, лишние запятые — не только потому, что невнимательна или устала. Потому что просто не увидела крошечные черные знаки на белом фоне. Путаю окончания. Не вижу неуместные двоеточия, вместо которых отлично встанут тире. Пропускаю двойные пробелы (отвратительно).

Вся жизнь — в письменном виде. Прочитав что-то, бегу рассказывать об этом в переписках. Не звоню, не записываю аудиосообщения, не жду встречи, пишу. Будь моя воля, я бы и к врачам так ходила: описывала бы в сообщениях, что со мной не так, скидывала бы фотографии. А, подождите, так ведь можно уже вроде.

Конечно, тут еще этот год наложился, когда все по зуму, и крошечная лампочка горячей камеры к одиннадцати вечера начинает прожигать зрачки, возникает внутреннее напряжение, ладони потеют, и хочется только хлопнуть крышкой ноутбука, забраться на кровать, спрятаться под одеяло. Такое банально-детское, но единственно правдивое: когда невозможно пошевелить ни рукой, ни ногой — как будто паника напала — вместо того, чтобы смотреть в глаза своим проблемам, своему страху, прячешься от него.

То было иррациональное, но ведь всегда можно вернуться на путь рационального, туда, где встретишь свой страх, а он будет маленьким, как таракашка, которому смело оторвешь ручки и ножки. Забресжил свет, подул свежий ветер: я могу слушать книги. Конечно, это все другое, но те же скорости и те же новые книги, все в доступе, аллилуйя, я спасена. Не нужно никого просить читать вслух, не нужны специальные книги со специальным шрифтом (уже знаю, такие есть).

И тут я узнаю, что есть она – слепоглухота.

Ну что, какой теперь твой самый большой страх?

Когда достает сил наконец выглянуть из-под воображаемого одеяла иррациональности, начинаются отговорки: да что вообще должно случиться, чтобы это произошло; ну, будешь читать по Брайлю; ну, выучишь дактиль и будешь просить переводчиков «читать» на нем, раз тебе это так важно (к этому моменту немного изучила теорию). Не конец света. Ну, то есть конец света и даже светочувствительности, но не Света.

Рациональное озаряет все. Данность перестает быть данностью и становится практически чудом. Сделать бы побольше, и еще немного побольше.

Как ты все это вывозишь? Да я просто бегу от своих страхов, смеюсь им в лицо, в лица, не остаюсь наедине с собой, чтобы не оцепенеть, и делаю так, чтобы если что, быть уверенной: я хотя бы пыталась. Каждый день.

Анна Демидова

Москва

*лауреат I степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «СМИ/публицистика»)*

Цветы Битцы

Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение» найти несложно. Москва, Ясенево, в горку-с горки, около Храма Покрова Пресвятой Богородицы повернуть налево, через овражек, через двор — и вот — на пригорке жёлтое двухэтажное здание школы. Здесь и фонд, и ресурсный центр «Ясенева Поляна», и мастерские. Здесь я училась на курсах по сопровождению слепоглухих людей, теперь преподаю.

22 мая 2021 года — переход от весны к лету — жара, прохлада, ветер — всё перемешалось. Рабочий день подходил к концу. Наши занятия заканчивались. Ангелина уткнулась носом мне в грудь, рассмеялась. Где ручки в белых перчатках? Вот и поздоровались! Взялась за мою руку, пошли по длинному коридору с тактильной полосой. Чувствую, проверяет мой рукав, с силой тянет его вниз. Три четверти — непорядок! Рукава ведь обычно длинные или короткие.

На столике детские спицы с красными бантиками-ограничителями. Она их хорошо знает, сама находит и берёт в руки. Но куда привлекательнее длинный синий пластиковый пенал, ещё советских времён! Представляете, он гремит на все лады! А потом вдруг замолкает! Как живой! Потрясём снова! У него открывается крышечка! Проверим ручкой — что там? Разные-разные спицы! Достаём по одной, раскладываем на столе, сортируем! Длинные, холодные, короткие, гладкие, деревянные, звенящие! А если очень разыгаться — то будет погром — все спицы фейерверком рассыплются на пол. И ведь придётся самой собирать! Так и случи-

лось! Но Ангелина – упорная девочка, всё подняла! Почти минуту искала последнюю спицу, нашла! Победа! меховые помпоны – подарочек от преподавателя – большие и маленькие, с едва заметным ворсом и очень пушистые, как кроличий хвостик! Долго изучает, проверяет на «ветер», проводит около шеи и ушка – улыбается, смеётся! Но всё же мягкие вещи её не впечатляют. Вот гремющий пенал – полный восторг!

Теперь – булавочки для вязания. Раскрывать и закрывать их ох как трудно! Но ловкие пальчики справляются! Вяжем в четыре руки, из толстой «плюшевой» пряжи. Это традиционная работа.

Незаметно прошёл час, почти полтора. Показываем жестами «Всё! Занятие – всё! Заканчиваем!» Можно играть! В углу комнаты у нас живёт большой надувной динозавр. И никакой это не пуфик, это живой друг. И он молчаливо ждёт и наблюдает за нами на занятиях! Геля садится на него верхом, проверяет его бархатистую зелёную спинку, встаёт. Лёгким движением руки берёт игрушку за хвост, удерживает подбородком, раскачивает как гирию из стороны в сторону. Тройное сальто – переворот, и динозавр уже у Гели на спине! Не успели оглянуться – водрузила его на голову! Ходит кругами, катает неподъёмного динозавра на плечах! Только слышится «Ух-ух!» – настоящая спортсменка-тяжелоатлет! Мама Юлия снимает видео: рассмешила нас Ангелина!

Короткий перекус, сборы. А теперь – пора в путь! Сегодня мы – первопроходцы! Собираемся осваивать Битцевский лес! Массив этот огромный, второй в Москве по площади после «Лосино-островского». Большая часть его расположена к востоку от Севастопольского проспекта. Идём по городским асфальтовым дорожкам то молча, то вспоминая детство Ангелины. Мысленно считаю, зна-

*Ангелина и динозавр.
Фото Анны Демидовой*

Короткий перекус, сборы. А теперь – пора в путь! Сегодня мы – первопроходцы! Собираемся осваивать Битцевский лес! Массив этот огромный, второй в Москве по площади после «Лосино-островского». Большая часть его расположена к востоку от Севастопольского проспекта. Идём по городским асфальтовым дорожкам то молча, то вспоминая детство Ангелины. Мысленно считаю, зна-

Битцевский лес. Фото Анны Демидовой

комы мы около пяти лет. Геля с новой тростью, подстраи-ваем темп. Уклоня-емся от несущихся велосипедистов... То жара, то ветерок, отдыхаем! Справа от проспекта едва заметные тропинки уходят в лес. Но я их пока не раз-ведала, поэтому держим путь до от-ветвления – широ-

кой дороги! И вот он лес – вроде рядом, но никак не зайдёшь!.. Долгожданный поворот! Ура! Знакомый овраг и речушка справа, березняк с ландышами – слева. А впереди – дорога – и, кажется, будто она бесконечна и уходит в небо. Углубляемся, оставляя про-спект за спиной.

Ах, сколько растений! Проводим ручками по высокой траве. Она наклоняется и поднимается вновь, как морская волна. На обо-чине тропинки – раскинул свои широченные листья лопух! Так, то, что надо! Смотрим поверхность листьев – большие, шершавые, прохладные! Вспоминаю милейшую знакомую девочку, незрячую от рождения, она боится растений с крупными листьями, так мне и сказала, что все растения нравятся, кроме крапивы и лопушков! А к «лопушкам» она относит и тыквы, и баклажаны. Поэтому пока-зываю Геле не спеша, осторожно, смотрим в четыре руки. Геля что-то говорит на своём языке, и мне кажется, я уже почти понимаю её настроение. С трудом отрываем большой лист, размахиваем. Это наш «тест на ветер»! Если дует хорошо – то точно понравится! Ну, всё, восторг! Ветер удался!

Пробираемся по тропинке. Вот дуб с резными листочками. Вме-ренно убираем трость, всё изучаем двумя руками! И снова море травы! Присели пониже, смотрим листочки подорожника... Подбе-гает малыш лет трёх, заинтересовался! Прямо ботаническая шко-ла, под открытым небом! Но пора идти дальше!

Навстречу – мохнатая рыжая собака, бежит на коротких лапках! Тропинка узкая, не разойтись! Объясняем хозяевам, что девочка слепоглая – совсем не видит и почти не слышит. Разрешают потрогать питомца! Геля наклоняется и сразу рукой попадает на носик собаки! Гладит мохнатую спинку, прощаемся. Вдалеке басом лает другая собака. А я изображаю громким голосом овчарку. Геля повторяет звуки! Трость передали маме, идём за руку по узкой тропинке, лаем в два голоса!

Поворот к лесу. Вот старая берёза. Обнимаем, гладим неровный ствол! Под ним, внизу – живучки с синими цветочками! Их листочки слегка шероховатые. И манжетки! Ландышей пока не видно! А ведь мы пошли ради ландышей! Чтобы не опоздать на целую весну!

Поворачиваем на луга! Вот раздолье! Веду Ангелину за собой, как когда-то по высокой траве водила младшую сестру, потом брата. И, кажется, что кто-то барахтается сзади, но только так дети и шагают по высокой траве! Смотрим злаки, наклоняемся ниже, берём в руки жёлтые головки одуванчиков! Вот какие они мягкие! Сколько их тут, золотоголовых, на солнце! А потом превратятся в лёгкие парашютики и улетят навсегда!

Идём по лугу как по морским волнам, спотыкаемся о кочки, держимся за руки. Эта зелёная стихия выводит нас к понижению. Здесь – гравилат речной наклонил свои бордовые цве-

Ангелина и Анна на лугу рассматривают одуванчики. Фото Юлии Ждановой

точки! Знакомимся! Необычный! Поодаль – ива, приглашает нас отдохнуть в тенёчке. Ангелина забирается на склонённый толстый ствол, покрытый лишайниками, и ложится, как наездница. Отдыхает, устала, глазу её по спинке. Рассматриваем кору, листочки...

Снова бескрайний луг! А на нём – новый сюрприз – полоса прошлогодней сухой травы! Топаем и хрустим ногами! Весело! Прыгаем! Ещё веселее! Предлагаю Геле взять сухую ветошь руками! С треском стебельки трав ломаются! Полнейший восторг! Тут Геля вошла во вкус, сама стала брать хрустящие травинки, сначала маленькими пучками, потом большими охапками! Провела по голове, по плечам, постучала по шее. Трава сыплется, крошится. Её тут же уносит ветер! Девочка заливается смехом! Упали на прошлогоднюю траву! Красота! Солнце светит, под нами всё шуршит, хрустит, колется! Мы все уже с ног до головы в траве! Дома вытрясала сено из дамской сумочки!

*Ангелина держит в руках ветошь трав.
Фото Анны Демидовой*

Вышли на дорогу – щепя! Прямо как в сенсорном саду, но никаких ограничений! Взяли в руки, развеяли по ветру! Это занятие тоже пришлось по душе! А вот чей-то веночек из одуванчиков! Примерили! Великоват, со лба сполз на нос!

Посмотрели молодые посаженные сосенки, растёрли упругие хвоинки, вдохнули ароматы! Даже шишечки нашли! И рядом – хвощ и щавель на лугу!

Вот, наконец, березняк и первые ландыши! Как их показать? Присели обе на четвереньки, подкралась к белоснежным цветочкам и давай их нюхать! Волшебные майские ароматы! Мы их уви-

дели! Мы их запомнили! Рядом – бересклет с шершавыми веточками! Не зря называется бородавчатый! А сколько прошлогодних листьев под ногами! Пошуршали, потрепали, поразбрасывали! Тут и липу посмотрели, и клён, и стволы рябины! Всё серьёзно, как на практике со студентами! Вот и копытень, и чина весенняя, и осока волосистая, и перловник, и сныть, и медуница, папоротники! Пенёк в лесу обнаружили! Хотели уже заканчивать наш поход, но нашли полоску липового лыка! Потеребили, мы и на занятиях его изучали! Хотели взять с собой, но где-то наше сокровище потерялось по дороге... Попрощались с Гелей и её мамой Юлией. Они пошли обратно, а я дальше, домой – по лесным оврагам и тропинкам...

Почти каждую субботу возвращалась я через Битцевский лес – и в морозы, и в летний зной. Шла через широколиственные участки, поворачивала к березнякам, через овражек выходила на луга, где гуляли с Ангелиной. Казалось, будто живу я не в мегаполисе, а работаю в сельской школе и хожу через такие диковинные леса и луга! Всё менялось, одуванчики быстро отцвели, им на смену пришли злаки и луговое разнотравье. Все склоны речной долинки были покрыты купырём, как белым ажурным покрывалом. Дорога неизменно вела в бесконечность. На лугах появились фиолетовые пятна люпинов, по окраинкам полянок красовался шиповник, привлекая сотни пчёл и шмелей! Иногда мне на пути встречались белочки – пугливые, они быстро убежали. Старые ели дотрагивались до моей головы изумрудными лапами...

Ах, Ангелика – так зову я тебя иногда, по созвучию с латинским названием одного лесного растения... Люди прощаются, расстаются, расходятся. И порой цветы – единственная память, которая остаётся с нами навсегда!

14 июля 2021 г.

Олег Дозморов

Лондон

*лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

* * *

Пелось в песне: птицы не поют,
и цветы не пахнут натуральные,
и луна здесь не блестит. Поют,
оказалось, словно ненормальные.

Уязвлённых, оскорблённых нас
родины своей несовершенствами,
отвели шутя в специальный класс,
где общаются одними жестами.

Заглушай, четвёртая волна,
стыд предательств песней очумелюю,
горечь эту сладко пей до дна,
бей, как куклу, правду пустотелюю.

Я швырну окурок в океан,
хоть и не курю, пройду по палубе,
посмотрю, как стелется туман,
как в тумане птица вторит жалобе.

* * *

Борьба за жизнь, застывшая, как танец,
вагон уходит по тоннелю в ад.
Читает книгу сонный чужестранец.
Напротив бритт ломает шоколад.

В дверях стоит бродяга исступлённый,
в деснице чётки, на устах Аллах.
Молчит народ, ничем не изумлённый,
все девушки в высоких сапогах.

Мой пятистопный ямб, заткнись и слушай.
Но непреклонно продолжает он
бубнить своё в заложенные уши
и с музыкой выносит на перрон.

В мозгу проносятся мечты и звуки,
но их не слышно в воздухе сыром.
Как пустота заламывает руки,
как тишина грохочет под мостом!

Зачем мне отблеск непонятный нужен,
холодный свет от мартовской зари,
и тишина, которая снаружи,
и пустота, которая внутри?

Кристина Курченкова

МИНСК

*лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «проза»)*

Какого цвета твой танец?

Красные блёстки суеются. Скачут, сталкиваются, капризничают, соблазняют и хохочут. На мгновение останавливаются, подмигнут, а затем переливаются, кровавеют, вспыхивают, опять срываються, летят, крутятся. Красные фонарики плохо слушаются ритма, они слишком разошлись, просто не владеют собой. Может, они немного пьяны? Бегут, спотыкаются, падают, взлетают, и всё смеются, смеются...

У зеркала сидел мальчик.

Вот только что женщина чуть не утонула в море шелка, атласа, бархата, парчи, газа, опять шелка, в блестящих, радужных, серебряных, золотых, туманных, прозрачных волнах.

Откуда он здесь взялся?

Женщина крикнула ему, чтобы он отвернулся. Это непристойно, она не одета. Ах, ее платье именно на том стуле... но мальчик продолжал сидеть, глядя в зеркало. Прямо на женщину. Она снова бросилась в цветные волны и вынырнула плюшевой, пушистой, домашней.

Мальчик перебирал бусы.

Женщина сказала, что он маленький негодник, что однажды он вырастет в большого негодяя (она знает таких дюжину). Она спросила, где его родители и что ему нужно в ее гримерке.

Мальчик по-прежнему смотрел ей в глаза. Одной рукой он держался за спинку стула, за платье, всё из разноцветных блёсток. Другой рукой перебирал бусы.

Женщина сказала, что если мальчик хочет молчать, он может молчать, что ей всё равно, что его плохое воспитание не её проблема, а проблема его родителей, что ей скоро на сцену и для этого нужно переодеться, что мальчику следует оставить её в покое, что он напоминает ей кого-то, что он мог бы сказать хоть слово, что он симпатичный, но очень большой негодник для своего возраста.

Мальчик поднял руку от бус. Ладонью он рисовал на зеркале какие-то непонятные, тайные символы. Другой рукой гладил платье. Он медленно переходил пальцами от одного цветного кружка к другому. И вдруг судорожно сжал кулак. Оторвались, полетели, кружась и вспыхивая, искры.

Белые блёстки застенчивые. Разрешите пригласить вас на строгий невинный вальс. Не обидный. Белые огоньки тихие, напевные, неторопливые. Могут показаться холодными. Но нет, доверчивые, хрупкие. Ледяные? Нет, хрустальные. Скромные и щедрые – зеркальные. Дрожащие и неуверенные в первом вальсе.

* * *

Девочка Иоланта подняла руку от букета роз. Кончики пальцев почувствовали пульсацию алой, малиновой, оранжевой, желтой, зеленой, пестрой крови. Чуть касаясь лепестков, она изучила их нежность. Ей кажется, она поняла. Не уверена.

Запомнила радужные крылья бабочки – чуть касаясь. Бабочка не заметила, не потеряла драгоценной пыльцы, взлетела – потом – зацепила щеку, чуть касаясь, заглянула в глаза, запуталась в волосах, поднялась выше, выше, всё выше, потерялась на ветру. Вздохнули розы, лепестки разочарованно вздрогнули.

Никто не видел. Она видела. Ее пальцы почувствовали толчок. Толчок.

Чуть касаясь, провела ладонью по земле. Ни одна песчинка не сдвинулась с места. А она улыбается. Странная.

Всегда она такая. Тянется к облакам сирени, окунает лицо в ряд тюльпанов, обнимает куст пионов, ласкает дрожащие ромашки, не боится строгости роз, запоминает резкий аромат хризантем. Чуть касаясь, а потом долго держит пальцы перед глазами, будто рассматривает, будто от пальцев отражается цвет.

Ну скажите, зачем слепой столько цветов?!

- Как тебя зовут?
- Иоланта.
- И ты совсем-совсем ничего не видишь?
- Совсем-совсем.
- Вот даже меня не видишь?
- Не вижу.
- А его?
- И его.
- А что ты делаешь?
- Я разглядываю цвета.
- Ой, это ты так играешь? Как будто?

Она была самой богатой. Так казалось тогда. Сотни цветов для единственной слепой дочери посадила мать. Бусы, обручи, стеклышки, монетки, прозрачные шарики, цветные камушки, лоскутки ткани (бархатные заплатки и атласные ленточки). Как волшебница (а точнее, околдованная принцесса), Иоланта сидела в сказочном саду, высыпала свои сокровища на колени, перебирала бусы, прикладывала их к лицу, слушала, как звенят в руке стеклышки, трогала, подносила к глазам...

И все равно не видела цвета.

- Радуга! Радуга! Смотрите, радуга!
 - Иоланта, а какого цвета у меня нос?!
 - Она слепая, как крот. Иоланта – крот!
 - Не подходи к этой ведьме! Врет, что слепая! Кто дотронется, у того выскочит бородавка...
 - Мама, а ее Боженька наказал?
 - Зачем тебе этот браслет. Ты всё равно его не видишь. Я возьму себе.
 - Иоланта с мамой идет! Бежим! Кто последний – тот жаба волосатая!
 - А спорим, я дотронусь до ее калитки?
 - Иоланта, а ты все цвета знаешь?
 - Иоланта, смотри, мы убили твоего брата – крота!
 - Иоланта, какого цвета солнце?
 - Иоланта...
- Какая богатая Иоланта!

У нее есть бусы цвета птичьего крика. Она смотрит в зеркало, отражающее запах опавших листьев. К ней залетает ветер, сотканный из лепестков синей розы. Иоланта раскрашивает бархатные ленты разноцветным шепотом и знает, что у вечернего смеха тридцать четыре оттенка.

В копилке Иоланты — липкие брызги красок, острые осколки спектра, две горсти мягкой радуги и четыре сотни вопросов. А к Иоланте вопрос вечером и навсегда только один.

— А какого цвета падающая звезда?

— Цвета боли.

И бросится солнце падающей звездой в реку. Так быстро, неуклюже (аж неловко), так опрометчиво, что удивленная радуга останется висеть на всю ночь. Так и будет светить до утра. Не опомнится. Радуга. В ночном небе.

Разобьется шкатулка Иоланты. Разлетятся капли красок во все стороны. Не соберешь...

* * *

Синие блёстки: танго в сумерках. Как небо осенью. Два шага. Остановка. Наклон головы. Свет утонул в синем. Глаза. Пропали. Глаза. Танго. Стол, свечка, засохшая роза. Шаг. Тишина или молчание? Кто-то спешит, ступеньки, листья, листья... Глаза. Поцелуй. Танго. Три шага, поворот. Улыбка. Наклон головы. Тень. Не верьте. Осень, ответ, тишина. Танго. Темно-синий.

Женщина рассердилась. Она крикнула, что мальчик испортит ей наряд, что она будет жаловаться его родителям, что если всё устроила та курица с голосом гриппозной гориллы, то мало ей не покажется.

Мальчик больше не смотрел на женщину.

Но женщина быстро успокоилась. И замолчала. Она испуганно разглядывала мальчика.

Мальчик сидел перед зеркалом и водил по лицу руками.

Женщина сказала, что он напомнил ей кое-кого, одну девочку из детства, слепую девочку. Женщина спросила, как зовут мальчика и почему его родители не идут за ним. Женщина сказала, что мальчик может взять себе ее бусы, если они ему так понравились.

Мальчик молчал.

Женщина молчала.

Открылась дверь.

Женщина улыбнулась большому грустному мужчине. Женщина сказала, что рада видеть у себя маэстро, что он так редко заходит... Женщина сказала, что ах, она догадалась, что сын так похож на отца (очень симпатичный), что мальчик хорошо себя вёл, что она всё же рада, что наконец нашлись родные мальчика, потому что ей скоро на сцену, что они очень мило поговорили, что мальчик слишком молчалив, но стеснительным его не назовешь (здесь женщина лукаво улыбнулась и погрозила пальцем). Женщина сказала также, что отец нашелся бы гораздо быстрее, если бы мальчик отвечал на вопросы.

Женщина говорила что-то еще, но мужчина не слушал, он быстро подошел к мальчику, провел рукой по его волосам, оторвал ладони от лица. И только когда мальчик успокоился на его руках, мужчина извинился, ответил, что это действительно его сын, что мать мальчика ушла от них вчера, что мальчика не с кем было оставить, поэтому пришлось взять с собой, что они больше не будут мешать, что в следующий раз мужчина закроет свою комнату на ключ, а лучше найдёт, наконец, няню, что мальчик действительно очень молчаливый, что мальчик не может быть другим, потому что он глухой и слепой.

Затем мужчина взял мальчика на руки и ушел.

Женщина сосредоточенно наблюдала, как перед зеркалом кружатся оторванные блёстки от радужного платья.

Желтые блёстки: празднично. Включили свет, зажгли огни. Ярко, ослепительно. Желтые лампочки. Открыто, бесстыдно, нагло, как будто пригоршня монет смеется, смеется заразительно, громко, рассыпчато и неестественно. Вспыхнут оранжево молнии, апельсиново спело, золотисто-желто, солнечно. И пропадут. И вдруг — взрыв: стремительно, неудержимо, огненно. Болезненный, сумасшедший желтый.

* * *

Танцуй. Ты не виновата.

Помнишь, как ты танцевала для Иоланты? Так нелепо подпрыгивали твои тощие косички, юбка надувалась, как парашютик.

А сколько вдохновения было в твоей простой и древней песенке! Танцуй сегодня так же. Пусть растрепанные косички спрячутся под золотым париком, твое платье сегодня – лишь две горсти цветных блёсток. Доверься им, и они всё сделают за тебя.

Ты не виновата. Просто в глаза бьют прожекторы. Не бойся. Танцуй на ощупь. Вот увидишь, твоя песенка тебе поможет, как всегда. Зал смотрит на тебя. Их глаза – камешки в спину, близкий гром (а спрятаться негде), холодный ливень, проклятие друга, бабочка с оторванными крыльями (какая мерзость!).

Ты не виновата. Ты думаешь, что чувствовала Иоланта, когда ты пела для нее свой танец? Может, она ловила руками струи воздуха, брызги песка из-под твоих ног?

Ты не виновата. Не закрывай глаза. Сегодня весь мир смотрит на тебя. Мелькают цветные огоньки. Не останавливайся, танцуй, танцуй! Тебе нельзя остановиться. Ведь что ты ответишь, когда Иоланта, чуть касаясь, чуть-чуть касаясь упругой грозди сирени, осудит тебя вопросом:

– А какого цвета твой танец?

Дарья Грицаенко

Москва

*лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «эссе»)*

Обычные особенные

В средней школе после уроков я убегала в изостудию центра досуга около моего дома.

Там не было строгого расписания — можно было приходить, когда можешь, и сидеть, сколько захочешь, занятия были бесплатными.

Там не было правил — учитель встречал каждого вопросом: «Что ты хочешь рисовать сегодня?» и выдавал мольберт. Если кто-то брался за натюрморт с натуры или гипсовую фигурку, учитель заметно оживлялся и ненавязчиво помогал сделать рисунок лучше.

Там не было возраста и социальных ярлыков — кому-то было 11, кому-то 26, кому-то чуть за 40; кто-то приходил после уроков, кто-то — с работы, кого-то муж привозил на инвалидной коляске, кого-то приводила за руку пожилая улыбчивая мама или воспитательница интерната. Уже потом я случайно узнавала, у кого ДЦП, у кого последствия менингита, а кому трудно разговаривать не из-за стеснительности. Я видела, что одни ребята отличаются от других, но не понимала, чем, и меня это не волновало. Обычные были вместе с особенными, и казалось, что на самом деле все обычные — и все особенные.

Наверно, так бы выглядел идеальный мир будущего, где нет границ, а есть только особенности и единство в многообразии, и это так естественно и просто, что не нужно громких слов о толерантности и инклюзии.

Потом учитель ушёл на пенсию, и мы потерялись, центр переименовали, руководство пару раз сменилось, а я как-то перестала рисовать. Дальше – институт, аспирантура, поиск работы и себя.

Я вернулась через десять лет почти случайно – сестра узнала, что в том же центре пройдёт открытый мастер-класс по игре на джембе. Мы сходили, увлеклись, стали приходить ещё, вскоре нас пригласили в основной состав.

Мы даже не сразу поняли, что руководитель студии и некоторые участники коллектива слабослышащие. Это было неважно и нисколько не мешало – у них безупречный слух и чувство ритма. Мы просто играли и общались. И как-то незаметно перешли на жесты.

Учить жестовый язык мне трудно из-за плохого зрения – на момент последней проверки было –9, в последнее время оно явно ухудшилось, и я часто не могла разглядеть издалека нюанс того или иного жеста. Тогда ребята подходили ближе и показывали медленнее, а я старательнее дактилировала и артикулировала (да, мы разговаривали на смеси жестового языка и дактиля). Так и болтали, а моя сестра за год выучила язык до свободного разговорного.

Сейчас я думаю, что знание жестового языка однажды войдёт в культурный минимум, как знание английского, и не будет никого удивлять. Не будет требоваться особый повод, чтобы сделать шаг навстречу.

В моём случае поводом было творчество – лучший способ стереть границы.

Юлия Кривелёва

Москва

лауреат II степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «СМИ/публицистика»)

Помогать людям и радоваться жизни

Несмотря на трудности

Юлия Жданова, мама слепоглохой девочки Гели, — человек легкий и веселый, кажется, что у нее всегда хорошее настроение и есть повод улыбаться. Сложно даже представить, что она ежедневно и ежеминутно преодолевает те невероятные трудности, с которыми связано воспитание слепоглохого ребенка в наших условиях. Тем не менее, Юля находит в каждом своем дне повод радоваться жизни. И призывает к этому окружающих.

Юлия Жданова с Ангелиной

— Как ты жила до рождения Гели, о чем мечтала, какие строила планы?

— Я была замужем за любимым мужчиной и радовалась жизни. Мужу нравилось, что я жду его дома, поэтому я оставила работу и с огромным удовольствием занималась домашними делами. Мы

были счастливы от того, что вместе, каждый день гуляли, много разговаривали. Муж мечтал путешествовать, и я прониклась, поняла, что мне тоже было бы интересно увидеть мир.

– Когда вы ждали Гелю, вы уже знали, что у нее будут проблемы со здоровьем?

– Тот период, когда я носила Гелю, был очень сложным. Мы жили на съемной квартире, и хозяйка не разрешила там оставаться, когда родится ребенок. Поэтому я искала дом и очень нервничала. Но беременность протекала нормально, врачи не видели ничего тревожного. Вот только родилась Геля значительно раньше срока, на 25-й неделе. Весила всего 550 граммов, рост был 29 сантиметров. Она была такой крохотной, что помещалась на ладошке папы. В общем, сразу стало понятно, что и ей, и нам будет непросто.

Но степень трудностей, которые нас ожидали, выяснялась постепенно. Сначала я узнала, что она слепая. В два года у нее обнаружилась эпилепсия. А в пять лет выяснилось, что она еще и глухая. Удивительно, что до этого возраста ни один врач не провел ей проверку слуха. Посоветовала нам ее сделать Альбина Вильсуровна Саматова, дефектолог, сама незрячая. И я ей хочу сказать за это огромное спасибо! Ведь оказалось, что у Гели 4-я степень тугоухости! Никто не знает, слышала ли она когда-то. Даже сейчас, когда она носит очень сильные аппараты, мы не можем точно определить, что и в каком объеме она слышит.

– Как муж воспринял известия о здоровье дочки?

– Врачи сказали, что у Гели проблемы со всеми органами, и она никогда не будет ходить или что-то понимать. Предлагали от нее отказаться. Но я ни одной минуты об этом не думала. И решила, что если дочка мужу окажется не нужна, то я скорее откажусь от него, чем от Гели. В общем, я рассказала ему то, что узнала от врачей, и спросила: «Мы домой ее берем?» Он ответил: «Да». Так начиналась наша новая жизнь. Хотя теперь я думаю, что, скорее всего, он не понимал, на что идет. Ведь появление Гели разрушило его мечты, было понятно, что теперь нам будет не до путешествий. И ему, да и мне, потребовалось время, чтобы осознать, что поменялось в нашей жизни. Но, мне кажется, это относится ко всем нашим решениям: пока ты не поднял груз, не знаешь, потянешь ли, донесешь ли его. А мой муж — человек настойчивый: если принял решение, то идет до победного конца.

– Как вы справлялись? Помогал ли вам кто-нибудь?

– Самой большой поддержкой была и остается вера в Бога, я всегда чувствовала и чувствую, что я не одна. Конечно, помогали и родители, не только финансово, но и тем, что оставались с Гелей, тогда я могла выйти по делам. Но все же я всегда старалась и стараюсь справляться сама.

– Как ты изменилась после рождения дочки?

– У меня такое ощущение, что я не особо изменилась, и к появлению Гели была готова. Когда я работала в детском саду, то с особой радостью общалась с девочкой с детским церебральным параличом, не замечала ее особенностей, не стеснялась ее. Я люблю детей, и для меня не имеет значения, есть у них особенности или нет.

Кроме того, я никогда не считала, что Геля – это наказание или грех. Или что кто-то из нас виноват в том, что у нее так много проблем со здоровьем. Я считаю, что она – настоящий дар. Потому что она помогает мне каждый день узнавать что-то новое, открывает, на что я способна еще. Я педагог по нормотипичным детям, так что умение обучать слепоглухого ребенка мне приходится приобретать. Она развивает во мне силу и терпение – это мне требуются каждый день и каждую минуту. И так будет всю мою жизнь. Геля помогает задумываться не только над тем, как справиться с нашей с ней жизнью, но и как сделать так, чтобы было хорошо всем, кто рядом: педагогам, другим родителям, соседям. Только в этом случае будет хорошо и нам. То есть благодаря ей я учусь помогать другим людям.

– Чего ты больше всего боишься?

– Я боюсь, что не смогу помочь Геле, когда у нее что-то болит – ведь она не в состоянии это объяснить. Даже врачи зачастую тушуются, они крайне редко видят таких детей. Поэтому я должна быть и мамой, и педагогом, и специалистом. Это то, что я и говорила: пока я ищу, как помочь своему ребенку, я активно развиваюсь. Сложность в том, что Геле не подходят уже имеющиеся решения, их нужно под нее приспособливать.

А еще, как и все родители таких детей, я все время думаю, что будет с Гелей, когда меня не станет... Страшно, что она попадет куда-то, где ее не будут любить.

– Как к вам относятся окружающие?

– Многие даже не замечают, что Геля не видит, она ходит с тростью, но люди часто на это не обращают внимания. Когда заме-

чают, начинают приглядываться. Они, конечно, не понимают, что к Гелиной слепоте добавлена еще и глухота – слуховых аппаратов вообще не видно. Мы раньше даже на спину ей вешали знак «Инвалид», потому что в метро невозможно ходить с тростью, ее просто выбивают из рук. Это понятно, все смотрят вверх, на то, что написано на указателях. А не под ноги.

– Что ты можешь сказать родителям, которые узнали, что их ребенок – особенный?

– Ключевое слово здесь «ребенок» – он есть, и с ним вы будете жить дальше. Причем, я могу сказать по собственному опыту, вы сможете вместе с ним делать многое из того, что любите: гулять, развлекаться, радоваться окружающему миру. Более того, это приобретет двойной смысл, потому что вы будете делать это вместе.

Еще я могу сказать, что мне очень помогает, как это ни парадоксально, помощь другим, я считаю, она уберегла меня от депрессии. Это очень важно! Я веду профиль в «Инстаграме», чтобы помочь другим, выкладываю много материалов про Гелю, потому что их смогут увидеть люди в регионах, где ситуация с помощью таким детям намного хуже, чем в Москве. К тому же я могу быть полезной: например, сходить куда-то, записать ребенка на обследование, выслать нужные книжки.

Еще нам, мамам, очень важно не забывать, что мы – женщины, – это необходимо и для нас самих, и для наших мужей.

Очень советую высыпаться. Когда Геля спит, я тоже всегда сплю, ведь у нее непредсказуемый график и режим, который может нарушиться в любую минуту. Поэтому, кстати, у меня всегда есть готовая еда в морозилке, которую нужно просто подогреть – чтобы муж был сыт, он же работает, чтобы нас обеспечить.

– Что самое трудное в твоей жизни сейчас?

– Самое трудное – найти правильный подход к развитию Гели. И людей, у которых есть желание с ней работать.

– Что самое радостное?

– Я из всего извлекаю радость – из каждого дня, из каждой минуты. И хочу посоветовать людям, чтобы они не торопились и успевали обращать внимание на ту красоту, которая нас окружает. Конечно, все работают, все устают, я с этим не спорю. Но давно замечено, что когда человек ищет оправдание, он не настроен на то, чтобы меняться. А когда человек задумывается – это дает надежду.

Очень хочу сказать всем: живите так, будто живете последний день. Мы не знаем, что может произойти в следующую минуту, поэтому нужно жить сейчас: нарядно одеваться, есть из красивой посуды, радоваться красоте, окружающей нас, и людям, которые рядом.

Опубликовано: «Крестьянская Русь», № 32 2021.

Жизнь с особым ребенком

Когда приобретений не меньше, чем потерь

Рождение особого ребенка – всегда испытание для родителей. Оно кардинально меняет их жизнь, и это бывает очень сложно принять. Екатерина Афиногенова, мама Матвея, вспоминает историю его рождения и тот сложный путь, которым она пришла к тому дню, когда поняла, что счастлива.

*Екатерина Афиногенова
с детьми*

– Катя, какой была твоя жизнь, когда у тебя появился Матвей?

– Мне было 29 лет. Я была успешным юристом в крупной компании. Вся жизнь крутилась вокруг работы – там же я познакомилась с мужем... Тогда казалось, что самое важное – сделать хорошую карьеру, быть успешной в профессии. После свадьбы я почти сразу забеременела. На 31-й неделе у меня произошли преждевременные роды в результате разрыва матки. Это было абсолютным шоком для всех. Я оставила работу и до 5 лет занималась только Матвеем. Потом взяла в помощь няню, родила дочку Зою и при-

соединилась к «Краскам этого мира», замечательному благотворительному проекту, в развитии которого теперь принимаю активное участие.

— Хотела бы ты что-нибудь изменить в своей жизни в период до рождения сына?

— У меня нет особого желания что-то менять в прошлом. Я пришла к выводу, что все события в нашей жизни не случайны и ведут нас к чему-то важному. Но если бы я действительно могла что-то изменить, я бы раньше завела детей. У меня сейчас их двое, а могло быть трое или даже четверо. Дети — это, наверное, самое лучшее, что случилось со мной в жизни на данный момент. Еще, наверное, я бы хотела в то время меньше работать и больше заниматься творчеством. Любим! Раньше мне казалось, что основной смысл жизни — в бесконечном самосовершенствовании. Сейчас эти представления изменились.

— Как ты приняла тот факт, что у тебя особый ребенок?

— Это осознание пришло не сразу — до 2 лет (сейчас сыну 8) я даже не оформляла ему инвалидность. Была уверена, что со временем он станет «нормальным». Помню, когда Матвею было 2 года, мы в очередной раз оказались в больнице, где в палате с нами лежал юноша с ДЦП, Филипп. Ему было 17 лет. Он не мог ходить, не говорил, плохо понимал свою маму, но узнавал ее. Когда она приходила к нему, то угощала кукурузными палочками, и они вместе листали журналы (он не умел читать, но ему нравилось перелистывать страницы). Помню отчетливо, что при взгляде на Филиппа я не могла даже вообразить, что Матвей со временем станет похожим на него. А, может быть, будет даже тяжелее.

— Чего ты больше всего боялась?

— Ошибиться с выбором врача и тактики лечения. Совершить непоправимую ошибку. Недолечить. Перелечить. Металась от традиционной медицины к нетрадиционной. Верила шарлатанам. Искала волшебного доктора. Боялась, что Матвей никогда не начнет меня узнавать. Сейчас, когда стало понятно, что сын не будет пользоваться зрением и вряд ли когда-либо будет сам передвигаться или говорить, боюсь только одного — что мы с ним не научимся хорошо понимать друг друга, и он будет от этого страдать. Это единственное, что меня сейчас волнует. Если не считать вопроса, что будет с ним, когда меня не станет...

– Что тебе мешало бороться за него?

– Паника, уныние, отчаяние. Можно было бы, наверное, говорить о дефектах российской системы здравоохранения и образования, о бездушных чиновниках и недобросовестных «специалистах». Все это, конечно, имеет место. И совсем не помогает родителям детей с тяжелой инвалидностью. Но я привыкла искать истоки происходящего прежде всего в себе самой. Поэтому все остальное (исключительно в моем случае, конечно) мне кажется не таким существенным.

– Что давало силы и поддерживало?

– Мне очень помогала семья. Муж, мои родители, свекровь. Особенно значимой была поддержка тех близких, которые приняли Матвея изначально таким, какой он есть, – раньше меня. Очень поддерживали друзья! В первый год после рождения Матвея мои подруги резко перестали писать в нашем общем чате о своих детях. Я поняла, что они очень сочувствуют мне, но не знают, как себя со мной вести, боятся ранить. И тогда я сама попросила их писать об их детях так же открыто, как и раньше. Не исключать меня из своего круга как маму, которой «не повезло». Это было правильным решением, которое позволило сохранить близкие отношения со всеми подругами и не остаться наедине со своими трудностями. Поддерживали и более опытные родители особых детей. Делились опытом, информацией, контактами специалистов. Вообще, в нашей стране, к сожалению, опыт других родителей детей-инвалидов зачастую является единственной опорой для семьи, в которой появился особый ребенок. Поскольку какого-то ясного маршрута, по которому можно было бы двигаться по жизни с таким ребенком с момента его рождения, до сих пор нет... К счастью, ситуация начинает меняться, и в крупных городах появляются качественные программы ранней помощи (например, «Уверенное начало» в Москве).

Сейчас нас активно поддерживают «соратники по борьбе», мамы и папы из нашего сообщества «Краски этого мира». Это не просто родители особых детей, но, в первую очередь, единомышленники. Люди, разделяющие общее отношение к этой жизненной ситуации. Она может быть похожая (наличие особого ребенка в семье), но внутреннее отношение к ней (грубо говоря, страдать или не страдать по этому поводу) каждый человек выбирает для себя сам.

В какой-то момент меня начала поддерживать вера в Бога. Когда наступает отчаяние (а приходит оно обычно, когда твои усилия не приносят результата, ты никак не можешь изменить то, что происходит с твоим ребенком, а чувство ответственности за его судьбу разрывает на части), единственное, что спасает, — вера в то, что происходящее обусловлено высшей волей и имеет какой-то смысл. При этом ты осознаешь, что понять этот смысл человек не всегда в состоянии. Но знаешь, что он, безусловно, есть. Начинаешь читать духовную литературу или общаешься со священником, который тебе этот смысл приоткрывает. И пытаешься смириться. Недавно прочитала фразу у Ницше: «У кого есть “Зачем”, тот выдержит почти любое “Как”». Полностью согласна.

Еще меня очень поддерживает фраза: «Дело не в том, чего мы ждем от жизни, а в том, чего она ждет от нас» — я нашла ее в книге Виктора Франкла «Сказать жизни “Да!»: психолог в концлагере», которую рекомендую почитать всем, кто находится в тяжелой ситуации.

— Как сын изменил жизнь твоей семьи?

— До рождения Матвея у меня, и у всех нас, были определенные ожидания. С ними пришлось расстаться. Взамен пришли совершенно иные ценности, открылись новые возможности, новые внутренние ресурсы. И я этим счастлива. Хотя все же не могу сказать, что добровольно согласилась бы вновь пройти этот тяжелый путь.

Матвей научил меня выделять в жизни главное и откладывать в сторону суету. Это, конечно, не всегда получается, но, по крайней мере, теперь я понимаю, к чему надо стремиться.

Он помог мне понять, что особый ребенок — не просто объект заботы, а отдельная личность. У него должен быть выбор хотя бы в каких-то областях жизни. Для меня быть хорошей мамой для Матвея теперь означает научиться в максимально возможной степени понимать то, о чем он хочет мне сообщить, и уважать его желания и потребности.

Сын научил меня терпению. Показал, что в страданиях тоже может быть смысл. Они побуждают к нравственному труду.

Я узнала, что матери могут любить даже тех детей, которые их не узнают и не проявляют к ним никакой привязанности. Хотя, конечно, дается им это нелегко.

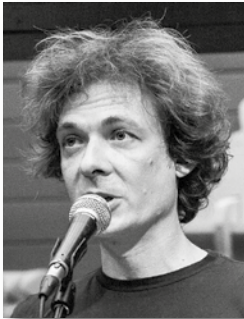
Я поняла, что внутри детей, которые не видят и не говорят, почти не двигаются или даже не могут сами дышать, есть живая душа, с которой можно общаться.

И я впервые задумалась о том, зачем обществу нужны инвалиды. И пришла к выводу, что мы нуждаемся в них не меньше, чем они в нас. Одна мама особого ребенка недавно сказала, что есть дети «просто для нашей человечности». Я с этим полностью согласна.

Благодаря сыну я познакомилась с огромным количеством удивительных, совершенно новых для меня людей! Талантливых, творческих и мужественных! Их пример открыл для меня понятия смирения, милосердия, служения и самопожертвования.

В целом, неожиданно оказалось, что приобретений от жизни с особым ребенком совсем не меньше, чем потерь.

Опубликовано: «Крестьянская Русь», № 7, 2019.

Сергей Шабуцкий

Бонн, Германия

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

* * *

Мамой называется
начало и конец дня.
В середине дня
все плохо вокруг меня.
Мне говорят неправильные слова.
Почему, например, потрогай и посмотри
это одно и то же, а слова — два?
А слово рыба одно, а должно быть три.
Первая рыба это когда обед,
когда а вот он опять руками берет,
когда не вертись, когда ну открой ты рот.
От нее никогда не помогает «нет».
От второй рыбы «нет» помогает, но иногда.
Она не плохая, просто она ерунда.
Она гнется, пищит и она с хвостом.
Можно смотреть руками, а можно ртом.
А третья рыба плохая, она вранье.
Я никогда не буду смотреть ее.
Говорили, там рыбка, а рядом еще одна,
а еще одна у кормушки и две у дна.
Я хотел посмотреть, а это просто стена.
Посмотрел кулаком.
Тогда сказали: «стекло».
А ввали, что рыба.

Я плакал и бил кругом.
Настала мама.
Не сразу, но помогло.

Елена Смирнова

Москва

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «проза»)*

Языком цветов

Каждое утро Том выходит из дома, закрывает дверь на три оборота ключа и спускается по винтовой лестнице из четырнадцати ступеней в свою маленькую лавку цветов, которая находится на первом этаже – с видом на кафе. Ежедневно один и тот же ритуал: два оборота ключа, зайти, закрыть, перевернуть табличку «Открыто», достать из холодильника цветы, рассортировать, собрать букеты на продажу. Том любит своё дело, и к каждому цветку относится, как к живому, гладит их, любуется, аккуратно составляя композиции. Если посмотреть на витрину со стороны улицы, то будет понятно, в каком настроении сегодня Том: если много красных – Том радуется, белых – тоскует, жёлтых – сегодня в лавку лучше не заходить. Все знают, что так он выражает эмоции, для него это способ сказать, что он чувствует.

Первые два часа мастер Том работает, не поднимая глаз. Он никогда не замечает, что происходит в это время за пределами лавки, но однажды его взгляд случайно остановился поверх только что подрезанных нарциссов: женщина с собакой на поводке переходила дорогу в самом оживлённом месте. Том привстал из-за вазы с цветами, чтобы получше посмотреть на происходящее, и проследил глазами, как она перешла остаток дороги и неловко погладила своего пса. «Кто эта безумная?» – подумал он, точно не местная, и вернулся к своим нарциссам.

До обеда пальцы слушаются Тома безупречно. Все стебли он подрезает искусно, отрезает точные рулоны ткани и делает изуми-

тельные бантики, в том числе отдельно для причесок маленьких школьниц, которые приходят к нему после занятий. Примерно к часу дня он заполнял свежими цветами всю витрину своей лавки и вставал у прилавка, ожидая посетителей. Его взгляд метался от больших круглых старинных часов на стене слева до стеклянной двери напротив него, минуты казались ему длиннее, чем были на самом деле. Все вокруг знали режим работы Тома и не заходили к нему раньше этого времени, чтобы не побеспокоить зря.

Остаток дня Том работал как обычно, соблюдая собственные ритуалы, особенно он любил под закрытие встречаться со своим старым другом Хоксом у себя в лавке и играть с ним в шахматы. Их партии могли длиться часами, это тоже знали все вокруг, поэтому добрые жители города приходили к ним и угощали их свежим хлебом, сыром и крепким кофе, незаметно внося ставки в тайную бухгалтерию. Кто выиграет сегодня? Вот какой вопрос обсуждают все в городе на закате. Порой бывало, что друзья так заигрывались, что засыпали прямо на месте, но, просыпаясь, всё равно заканчивали партию.

В тот вечер так и случилось, Хокс так долго думал над каждым ходом, что Том не заметил, как заснул и проснулся с первыми лучами солнца. Открыв глаза, он увидел перед собой всю ту же картину и засмеялся, подумав, какие же они с ним стали старые. Вытянув ноги и потянувшись, он осмотрел лавку и заметил на прилавке свёрток бумаги. Чтобы не разбудить друга, он не спеша развернул упаковку, и оттуда выпала веточка жасмина. Он медленно поднес её к носу и вдохнул аромат полной грудью. «Какой чудный запах!» — подумал Том и поймал себя на мысли, что рассуждает о той незнакомке, которую видел недавно, и отмахнулся руками от видений, как от назойливой мухи... но веточку не выкинул, а аккуратно засунул в петлицу на своем потёртом пиджаке и начал считать прибыль за вчерашний день.

Прошла неделя, когда он снова увидел ту женщину. На этот раз он поспешил выйти из лавки и проследить, куда она ходит и что делает, ведь, не зная ее, он скучал по ней и переживал, не случилось ли с ней чего. Дама с собакой аккуратно зашла в кафе, к ней сразу подошел официант и проводил до столика на веранде. Спустя мгновение ее сумка превратилась в мольберт, и она начала готовиться к рисованию. «Ах, она художница! Как моя любимая Лили!»

Том плохо видел, он пытался разглядеть её получше, но это было невозможно: шляпа с широкими полями почти целиком закрывало лицо. Он видел лишь силуэт, в то время как воображение дорисовывало недостающие детали. Он закрыл глаза и представил на её месте свою любимую: голубые глаза, которые становились бездонными на закате, пухлые губы, которые он так любил целовать, маленький носик, которым она вдыхала аромат цветов, и золотистые пышные волосы, кончиками которых она постоянно щекотала его во сне. Сердце Тома забилось быстрее, он непременно должен с ней познакомиться.

Последующие дни выдались насыщенными. В лавке не было отбоя от посетителей, всем были нужны лилии к празднику цветов, ежегодно отмечаемому в городе. Традиция дарить именно эти цветы возникла недавно, как некий символ мира и понимания, поэтому Том работал в этот период почти от рассвета до заката, успевая лишь иногда бросать взгляд на женщину в кафе напротив. Она всё так же рисовала, а её собака всегда была рядом, положив морду на передние лапы, в ожидании приказа хозяйки идти.

Он решил это сделать в воскресный день, долго придумывал красивый букет, отбирая лучшие цветы, которые смогут выразить его чувства. Он составил самую красивую и изысканную композицию, где каждый цветок так и кричал: «Посмотри, как ты мне нравишься! Ты такая красивая! Я тобой восхищаюсь! Пожалуйста, прими их! Подари мне свою улыбку!». Том был очень доволен и горд собой. Оборачивая букет золотистой лентой, он был так увлечён, что не заметил, как в лавку пришла мисс Фенс. Она похлопала его по плечу и по слогам медленно и отчетливо проговорила: «Жасмин». Мисс, как и все вокруг, знала главный секрет старого Тома, но его глухота её не смущала. Том улыбнулся и вернулся с коробкой цветов. Он заказал их совсем недавно, помня ту странную записку. Ловко собрав дюжину, он подарил её мисс. У него было хорошее настроение, и он не хотел брать с дамы денег.

Вернувшись к своему букету, он с удовольствием посмотрел на него и наслаждался ароматом и красотой. «Прелестные цветы! Похожий букет я подарил Лили на наше первое свидание. Боже, как сияли её глаза! В тот момент я понял, что хочу видеть её такой всю свою жизнь!». И к даме с собачкой Том испытал такие же сильные чувства, о которых не вспоминал после смерти любимой.

Он жил один с ежедневными ритуалами, потеряв слух, но сохранив веру в любовь. И вот, он был готов к этой встрече. Он посмотрел ещё раз через витрину своей лавки на кафе напротив. Женщина в шляпе сидела на том же месте и рисовала. Он решительно двинулся к ней.

Всё тот же ритуал: перевернуть табличку «Закррито», выйти, закрыть, два оборота ключа. В отражении он увидел себя и поправил причёску. Повернулся и бодро зашагал среди машин, точно так же это делала она. С каждым шагом его сердце билось быстрее, ладони потели. Он так крепко сжимал букет, что побелели костяшки пальцев. Вот она, уже так близко. Он поднимается по ступенькам. Первая, вторая, третья. Ещё мгновение. «За меня всё скажут цветы! Она их увидит и всё поймет!» Он встал за её спиной. «Как же она похожа на Лили!» Собака подняла голову и залаяла. Женщина обернулась.

И не увидела ничего.

Анна Рытик

Москва

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «эссе»)*

Жизнь в темноте

Свой рассказ я хотела бы начать с воспоминания об одном из уроков внеклассного чтения, на котором мы обсуждали повесть В.Г. Короленко «Слепой музыкант». Учитель помог нам обозначить проблему данного произведения, и мы с ребятами вступили в беседу. Я хорошо помню, что моим одноклассникам и мне было искренне жаль главного героя Петра, от рождения бывшего слепым, но его мама и дядя сделали всё, чтобы его жизнь была полноценной. Главное, они привили ему любовь к музыке, а музыка сделала Петра нужным и счастливым, несмотря на недуг. Помню, что урок прошёл очень интересно. Мы рассуждали о том, что наполняет жизнь каждого человека. Мысль, что произведение закончилось хорошо, грела душу.

Но сейчас, спустя время, я думаю об этой повести с совсем другими чувствами, которые мне были тогда неведомы.

Наш мир — удивительный и многообразный. Ежедневно мы узнаём много новой информации через прочтение книг, Интернет, социальные сети, общение друг с другом. Даже идя по улице, мы впитываем окружающую действительность: звуки природы и шум машин, запах ветра и аромат духов, эмоции людей... Всё это делает нашу жизнь яркой, неповторимой, наполненной красками.

Вот и мой сегодняшний день стал для меня поистине особенным. Я много думала о ребятах, которые не могут полноценно ощущать все прелести окружающей действительности. Я думала о детях, которые, возможно, никогда не слышали пение птиц

на рассвете или не видели, как красиво осенью падают листья с деревьев.

Я долго собиралась с мыслями и в это время смотрела в окно. На подоконнике стоял любимый мамин цветок, за которым она ежедневно бережно ухаживает. В хорошую погоду она ставила его на балкон, а зимой старалась следить за тем, чтобы солнышко из окна попадало на него чаще. И я подумала, что все мы, как этот цветок, нуждаемся в солнечном свете, что темнота для человека смертельна. Она нужна лишь на период ночи, чтобы перевести дух, а дальше — рассвет и полный жизни и событий день. А как же те дети, которые «живут в темноте»? Чем наполнена жизнь тех ребят, кто не может видеть, слышать?

Я размышляла над этими вопросами, прочла несколько статей на эту тему, чтобы найти ответы. Оказалось, что слабовидящих и слабослышащих ребят или тех, кто совсем не видит и не слышит, среди нас очень много. Я узнала, что этот мир они познают с помощью прикосновений, что для них расстояние вытянутой руки — это целая Вселенная, которую нужно долго и с большим трудом изучать.

Для таких ребят есть специальные школы, которые сильно отличаются от обычных школ. Я узнала, что и учителя у таких ребят особенные, что они становятся для слепоглохих детей очень близкими, потому что, обучая их обычным вещам, они показывают ребятам целую жизнь, целый мир.

Я сразу вспомнила свою школу и наши уроки и представила, насколько сильно они отличаются. А ещё я задумалась о том, есть ли у таких мальчиков и девочек друзья. Как они воспринимают такое понятие, как «дружба»? Знакомо ли оно им? И я вспомнила тот урок внеклассного чтения, на котором мы говорили о слепом музыканте. Тогда для меня это была простая история из книжки. А сейчас я подумала о том, как жил тот мальчишка каждый день, как выходил на улицу, заводил друзей, о чём с ними беседовал и как каждую минуту своей жизни ощущал себя в этом мире. Я думаю, ему было очень сложно найти себе друзей, а ведь это очень важно для нас, детей, чтобы у нас были друзья, приятели. Я сразу представила, что смогла бы стать его другом, представила, как рассказывала бы о том, что вижу, помогала бы подниматься по ступенькам и, может быть, доверяла свои тайны, а он мне — свои. Я только сейчас начала думать обо всём этом.

Мне захотелось на минуту представить, как это: «жить в темноте». Я закрыла глаза и попробовала пройти по квартире. Мне это далось с трудом, несмотря на то, что всё вокруг было знакомо. Потом я попробовала закрыть уши так, чтобы ничего не слышать, и мне сразу захотелось услышать голос мамы, музыку и просто шум с улицы. Я поняла, пусть и не на 100 %, как сложно жить таким ребятам, и что мы, те, кто может полноценно видеть и слышать, просто обязаны помогать этим мальчишкам и девочкам познакомиться с миром звуков и цветов.

Я знаю, что в нашей стране оказывается поддержка слепоглухим детям. А ещё существуют методики, которые помогают взаимодействовать с такими ребятами. Но больше всего меня обрадовало то, что разработкой приборов, которые помогут общаться со слепоглухими детьми, занимаются не только учёные, но и совсем юные ребята. Они презентуют свои изобретения на конкурсах. Это значит, что люди не безразличны к этой проблеме и мы совсем скоро сможем запросто пообщаться с детьми, для которых раньше это было сложно или почти неосуществимо.

Я поделилась своими мыслями на этот счёт с мамой, мы разговорились, и она рассказала о романе Яна-Филиппа Зендера «Искусство слышать стук сердца», где главный герой, мальчик Тин Вин, был слепым. Он встретил девочку по имени Ми Ми, которая не могла ходить. Они смогли стать лучшими друзьями, а впоследствии полюбили друг друга.

Меня тронула эта история. На уроках литературы нам всегда говорят, что любой книжный вымысел перекликается с реальной жизнью. Поэтому я верю, что в жизни ребят, которые «живут в темноте», есть много места для дружбы и любви.

Несколько дней я готовилась к написанию этой работы и несколько дней писала её. За это время я решила для себя, что тоже хочу помогать слепоглухим детям. Для начала я попробую донести свои мысли, изложенные в этом эссе, до своих друзей. Если на улице я встречу ребят, которые не видят или не слышат, я обязательно буду относиться к ним внимательнее и бережнее. Я постараюсь помочь им, если это понадобится. А ещё, это самое главное, я хочу стать настоящим другом для кого-то из мальчишек или девочек, «живущих в темноте». Я хочу доказать, что мир, который мы с ними ощущаем, может быть широко открыт для нас всех!

Наталья Бесхлебная

Москва

*лауреат III степени конкурса
«Со-творчество» в номинации
«Произведения о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «СМИ/публицистика»)*

Азбука слепых

Как незрячие и слепоглухие представляют себе самые обычные вещи (текст создан по заказу портала «Такие дела» при поддержке «Дома слепоглухих в Пучково»)

Аура

У меня слуховой аппарат: когда кто-то подходит, я слышу, но свой или чужой, я не знаю и не знаю, ко мне он подошел или нет, поэтому я вида не подаю и внимания на него не обращаю. А вот если он меня позвал, тогда я сразу уши наострую — кто это? Но какой человек, сколько ему лет, как он выглядит, мне не важно, я об этом не думаю. Важно, с хорошими ли он намерениями подошел, это нужно понять, а как? Тут должен проснуться внутренний голос, нужно почувствовать, какая от человека идет аура.

Бордюры

Я думал так: бордюры огибают дом, значит, надо стучать палочкой по бордюру и так можно дойти, и пошел. И вдруг бордюры кончились, я попал на какую-то тропинку, на мягкий песок. Оказалось, что раньше шел сплошной бордюры, а теперь — нет. Я вернулся обратно и наткнулся на чью-то машину. Закрутился — и все, не знаю ни где мой дом, ни куда идти. Подошел человек и спросил: «Вам помочь?» Я говорю: «Дайте мне хоть стенку пощупать девятиэтажки этой, чтоб я сориентировался».

Бассейн

Вчера я первый раз в жизни был в бассейне. Там неглубоко, и я почти научился плавать. У нас есть речка, но мне в ней страшно.

Волонтеры

С волонтерами проблема, в нашем городе их не хватает. Когда мы куда-то идем или едем, я их обо всем спрашиваю. Один раз мы проезжали здания, и волонтер сказала, что они новые и полностью стеклянные. И я вот не понимаю, как это — стеклянные? Они одноэтажные, что ли? Круглые? Вы видели такие?

Вибрация

Недавно мне подарили вибросигнал на домофон и на дверной звонок. Как часы надевается на руку, и, когда домофон звонит, лампочка красная мигает и вибрация срабатывает. На домофон одна вибрация, а на дверной звонок — другая.

Глина

Когда мы лепили из глины, то стоял такой ржач, это надо было слышать! Все лепили криво и косо. Если человек никогда не видел лошадь, он не может ее слепить сам. Тебе говорят: «Сейчас катаешь цилиндр большой, теперь — ножки конусом и так далее. Потом — хвостик, голову». И вот ты все сделаешь, как сказали, а она падает.

Дом

Раньше я вообще не выходил из дома, а потом пришли волонтеры и дали мне пинка. Про этот дом, где мы находимся, я могу сказать только то, что в нем три этажа.

Жизнь

Жизнь тяжелая. Я пью капли от глазного давления: доктор сказал, что, если оно повысится до ста, глаза просто лопнут, как шарики.

Жалость

Почему-то все меня гладят. Я удивляюсь, не могу понять почему.

Звезда

Вот строка «Живите так, как вас ведет звезда» — это значит: живи как хочешь, что хочешь, то и делай, будь свободна! То есть он [Есенин] понял, что она не его судьба, и поэтому отпустил ее, эту женщину... Звезда — это такое... животное не животное, это, я бы сказала, вещь. Мне сушеную только ее приносили, высушили звезду и подарили мне, а настоящую морскую звезду я не видела никогда, и, как она может куда-то вести, я не понимаю, мне интересно — как это?!

Интернаты

Некоторым повезло — их любят, а другие сидят по интернатам, брошенные.

Контурсы

Я иногда вижу контурсы, например контурсы крон, самые верхушки деревьев. Но вообще эти контурсы не дают никакой информации, иногда они совсем сливаются. Вот я вижу, там что-то стоит, вроде машина, потому что она белая, я вижу ее контур. Но то ли это легковая машина, то ли автобус, то ли еще что — мне непонятно. И руки тоже свои вижу иногда — только контурсы, если они на фоне чего-то темного.

Кто-то

Мне говорили, что есть третий глаз и человек может представить, что перед ним картина и будто кто-то стоит перед ним. Сначала я не понимала, как это, но потом у меня тоже стало получаться — кто-то стоит рядом или кто-то стоит вдалеке.

Лицо

Красота — это просто пропорции лица, чем они правильнее, тем красивее. Я первый раз был влюблен в девушку, которая стала потом моей женой, а потом меня бросила, когда я ослеп. И все следующие мои подруги были на нее похожи, я хоть не вижу, но я же их трогаю: они и телом, и лицом на нее похожи. Форма носа, губы, скулы — все. Не знаю даже, как это получалось.

Мама

Мама не может быть вечной, правильно? Поэтому надо все научиться делать самому.

Нож

Я была озорницей и не послушала маму – срезала подсолнухи (мы в деревне жили). Надо от себя резать, а я – к себе. И глаз задела ножом. Меня в больницу увезли, сначала сказали, что оперировать не будут, а ночью мне глаз удалили. И, видимо, повредили и второй глаз, и ушные нервы, потому что, когда отец утром приехал, ему сказали, что хирург пьяный был.

Окно

Даже если оно закрыто, можно услышать машины. Если оно открыто, я чувствую прохладу.

Отличия

У нас есть лес, и там рядом дома, и бани топят, и этот запах дров перемешивается с лесными запахами. Ой как мне нравится этот запах! Вот это воздух! Когда потом я приезжаю в город, очень долго не могу привыкнуть. А в Москве воздух очень отличается, он просто ужасный. Уж на что у нас плохой воздух, но тут! Не то чтобы машинный, а какой-то... не знаю, как будто и не воздух.

Полет

Я люблю летать на самолете. Сначала он едет медленно, потом все быстрее, быстрее, совсем быстро и потом отрывается от земли. Этот момент я очень-очень люблю. Когда самолет отрывается от земли, он перестает шуметь, звук становится тише. И раз – я в небе.

Папа

Я люблю слушать аудиокниги, а папа был не в настроении, кто-то ему испортил. Он говорит: «Выключай давай свою музыку!» А мама: «Она не музыку слушает, а книги». Я не выключаю, а он схватил планшет и швырнул в сторону. Конечно, этого нельзя было

говорить, но я ему сказала: «Какая ж ты сволочь, как ты мог так поступить!» Мне было интересно, почему он так поступил. А потом он у нас прощения просил: «Ну простите меня, девочки, простите». Потом я это видела во сне.

Радость

Я радуюсь, когда слышу салют, – это ракета, которая взрывается, производит выстрелы и светится огнями. Когда я дома и слышу, что салют, я выхожу на веранду, чтобы слушать. Мне очень нравится звук, он приятный такой, напоминает какую-то радостную вещь. Последний раз это было на День Победы. Громко было – ракет шесть или семь, и я сразу вспоминаю что-то хорошее, например, как мы ехали с мамой на Украину на поезде: подошла женщина, подарила нам 100 долларов и сказала маме, чтобы она покупала мне овощи и фрукты. И она мне покупала сладкие помидоры размером больше, чем два моих кулака.

Страусы

Страусы очень большие. Я был на страусиной ферме, и нам давали потрогать коготь страуса – он был больше, чем у любой птицы, и очень острый. А яйцо было просто огромное, размером с мою голову. Мне сказали, что страус опасный и бросается на изгородь, маленькое животное бы так не смогло. Чтоб поймать его, нужно лассо. Ноги, наверное, у него длинные, раз он быстро бегаёт. Мне кажется, что страус гораздо больше меня, почти как целый дом, не знаю, но точно больше лошади. В самолет поместится, наверное, штук пять страусов. А перышко было гладенькое и длинное, как карандаш. Мне кажется, что страус очень красивый.

Солнце

Я знаю, когда оно есть и когда его нет.

Тоннель

Мы ехали по тоннелю, волонтер сказала, что сейчас пересекаем реку, я повернулся в сторону окна, и мне показалось, что я увидел блеск воды.

Трансплантация

Я раньше все время искал какой-то выход. Сначала узнал про китайский массажер, позвонил туда, и мне сказали, что при моих болезнях не поможет. А в Гарвардском университете делают трансплантацию глаз. Платишь миллион долларов, и полгода после операции зрение есть, а потом снова исчезает. Каждые полгода голову пилить я бы не хотел.

Ураган

Мы приехали как раз когда был ураган. Я как услышала этот звук — о го-го! Я такого никогда летом не слышала! Ветер выл, как будто вьюга.

Фотографии

Там было много фигур, в которые можно вставить лицо и сфотографироваться. Я подошел, и меня сфотографировали. Но что там получилось, я не знаю.

Хрипота

Когда со мной кто-то говорит и у него голос звучный, без хрипоты,— значит, он молодой.

Цвет

Я всегда всех спрашиваю, какого что цвета. Например, ехали в машине, мне сказали, что там желтые цветочки на полях.

Черный

Небо, по-моему, черное.

Шорох

Из времен года больше всего я люблю осень, потому что можно идти по листьям, и они шуршат. Мне с детства нравится шорох листьев.

Эскалатор

Москва, по-моему, очень большая, потому что очень долго по ней ехать. Наверное, интересный город. Думаю, надо в метро

съездить покататься. Но я боюсь эскалаторов. У нас они есть в супермаркетах, но я редко пользуюсь — обычно я прошу, чтобы меня по ступенькам вели. Даже если с кем-то на эскалаторе — там, где площадку переступить в конце, мне страшно очень.

Юбка

Я знаю, когда на женщине юбка, звук отличается от брюк, потому что брючины трутся друг о друга. Вообще, женщин мне легче описать, чем мужчин, но в принципе ничего сложного в человеке нету.

Юг

Когда мне было пять лет, я был на юге и видел море. Я помню, что когда море спокойное, то оно синее, а когда шторм — черное.

Яблоня

Весной я люблю, когда все цветет и пахнет, месяц у меня любимый — май: я слышу запах и говорю, а это что цветет? Я знаю, что это либо черемуха, либо сирень, либо яблоня, но сама отличить не могу. А перед нашим домом растет большое дерево — я не вижу, но это яблоня, я точно знаю.

От автора:

Благодарю за помощь подопечных «Дома слепоглухих в Пучково»: Татьяну Биянову, Богдана Тимберга, Кристину Кочурову, Светлану Ксенич, Нину Смирнову, Александра Чупышева, Владимир Макарова, Константина Зобова.

Любовь Колесник

Ржев

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

* * *

Если конь ослепнет,
он всё равно сможет работать —
в поводу с человеком,
в смене за другой лошадью.
Он будет ориентироваться по
слуху,
касаться других коней
и почти не заметит
своей слепоты.

Если слепой конь оглохнет,
он растеряется —
потеряется в пространстве.
Но когда рядом будут другие
лошади или люди,
он сможет чувствовать их
и еще поживёт.

Если слепоглохого человека
посадить в седло,
сначала станет страшно,
потому что из-под ног уйдёт
привычная опора.
А потом — восторг:

словно живое тёплое облако
несёт
вперёд и вверх,
двигаясь и дыша,
быстрее и быстрее.
Восторг!
Крик —
горлом,
без слов
!!!

Коновод не слышит.
Он ведёт слепого коня.

Алексей Шихалёв

Ижевск

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

Встреча

В тенистом парке у пруда
Вчера сидел старик
Как снег седая борода
Спокойный строгий лик
Он взгляд прохожих привлекал
Он здесь нечастый гость
Лежала рядом на скамье
Белее мела трость
Я подошёл хотел спросить
С чего бы ты так строг?
Но не успев сказать слова
Услышал вдруг

«Сынок,
Ты видишь солнца яркий свет
И отблески зари
При свете солнечных лучей
Твои проходят дни
Мой мир сокрыт во тьме ночной
И знают лишь цари
Что ночь не властна надо мной
Я вижу свет внутри»
Слова звучали в тишине
Шумел листвою лес

Я призадумался на миг
А мой сосед исчез
С тех пор прошло немало лет
Но я понять не смог
В тенистом парке у пруда
Сидел уставший Бог

Валерия Гречина

Зеленоград

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

* * *

Застегни мне глаза и уши
На молнию, сильнее, глуше,
Чтобы было темно и душно,
Только оставь щелочку света,
Маленькую щелочку лета,
Маленькую щелочку шума
Дождя.

* * *

Я живу в темноглушь
Душном.
Мне отсюда не выбраться
В шум и шелест.
Мне отсюда не выбраться в шорох и шепот.
У меня есть уши, но я не слышу,
Как ты дышишь.

Ирина Юрчук

Ольденбург (Германия)

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

Ночь по Брайлю

Поверхность ночи чуть шероховата,
Наощупь – это часть фактуры тьмы,
А впалый бок луны шершав и матов –
Подобие надкушенной хурмы.

Сорвавшаяся вниз с небесной ёлки
Тьма битых звёзд (не вздумай, не лови!),
Холодный блеск, игольчаты осколки,
Сгребёшь их в горсть – изранят до крови.

Нагие плечи сада угловаты,
В гнезде пространства потревожен чиж.
Лишь тишина покладиста, поката:
Вощёный глянец щупаешь – молчишь...

Но стоит лишь почувствовать: ЛЮБИМЫЙ,
Всё повернётся до наоборот,
Ночь-глыба сразу потеряет бивни,
Лунёнок к мамке Млечный путь найдёт...

Небес прикосновения атласны,
От нежности у звёзд в глазах темно,
А мгла ночная, разомлев от ласки,
Калачиком уляжется у ног.

Расступится заоблачная тина,
Взметнётся оперившаяся тишь,
И празднично, всей кожей, ощутишь
Присутствие на уровне тактильном.

Приходит ночь с закрытыми глазами:
По Брайлю свет и звук от сих до сих.
Код выпуклостей – азбука слепых.
И пальцы воспаряют над азами...

Владислав Черейский

Санкт-Петербург

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

* * *

прикосновение — буква
чуть связная связная
этого мира
нить
красная
когда везде красный
но ты не знаешь как
в крошечной
время медленно
рисует слова
тысячей прикосновений
чувствуешь музыку
и засыпаешь под пульс
на подушке
пальцев

Наталья Колмогорова

*ст. Клявлино
(Самарская область)
шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «проза»)*

Нежный цветок Маргаритка

Воздух и пространство вокруг – словно огромное, невидимое глазу существо. Оно может быть добрым и злым, твёрдым и мягким на ощупь, как медвежонок Тёпа. Оно может быть острым и колющим, понимающим и отталкивающим. Но никогда – безликим или равнодушным...

А ещё это пространство таит в себе то, чему нет точного названия, но от которого иногда мурашки бегут по коже и хочется громко кричать.

Но кричать Рита не умеет, как не умеет слышать и видеть. Её розовые, по-детски пухлые и растянутые в неизменной улыбке губы, с трудом могут произносить некоторые простые слова.

А запахи?! О, запахи – это целая Вселенная!

Рита знает, что руки Доброй Тёти пахнут печеньем; солнечный свет – пылью и ветром; ночь – холодной подушкой, а улица – пригоревшими пирожками.

Лучше всех пахнет подруга Машка, она пахнет сладким лимонадом с пузырьками! Рита часто держится за Машку, или наоборот, особенно, когда они всей «семьёй» идут на прогулку или обед.

Семья у Риты большая – девять детей и двое взрослых.

Добрая Тётя учит Риту считать и узнавать слова на ощупь, по выпуклым буквам на толстой пористой бумаге. А Ласковая Тётя каждое утро расчёсывает Ритины белокурые волосы и помогает одеться.

Но самое важное, Рита умеет видеть руками! Ритины ладошки умеют угадывать настроение окружающих, отвечать на вопросы и даже любить. Больше всех она любит своего неуклюжего, мягкого на ощупь, плюшевого медвежонка Тёпу. Тёпа даже спит с ней в одной кровати! Медвежье сердечко откликается на любовь Риты так же горячо, как окружающее пространство – на громкий резкий звук.

Сегодня пространство вокруг Риты вибрирует сильнее, чем обычно. Рита чувствует, как к дверям спальни, осторожно ступая, приблизилось несколько человек. Дверь бесшумно отворилась, и в неё заглянуло несколько пар любопытных глаз. Они бесцеремонно и испытующе рассматривали Риту и остальных детей несколько минут. А может быть, часов? Рита пока ещё плохо ориентируется во времени, но ей и так хорошо.

Она села в кровати и вдруг остро почувствовала, как тревожно вибрирует сердце Доброй Тёти, как волнуется сердце Незнакомого Дяди. А ещё она почувствовала, как напряглась в своей кровати закадычная подруга Машка, а Тёпа неожиданно схватил её мохнатой лапой за мизинец, словно искал защиты.

Спустя пару минут дверь в спальню так же осторожно прикрыли, и Кто-то шепнул Рите на ушко, что всё это неспроста...

– Ну что же, если вы уверены в своём решении, – директор Детского дома твёрдо и прямо взглянул на посетителей. – Маргарита – цветочек нежный и ранимый, нуждается в постоянной заботе и внимании. Впрочем, как и остальные наши воспитанники.

Ирина с Олегом многозначительно переглянулись.

– Да, мы уверены в своём решении.

Директор внимательным взглядом окинул семейную пару.

Женщине лет тридцать; пепельно-русые волосы обрамляют нежный овал лица. Одета просто, но со вкусом.

Мужчина широк в плечах, темноволос. Взгляд карих глаз мягок и внимателен.

– Простите, что лезу не в своё дело, – директор выдержал деликатную паузу, – но в нашем городе есть Детский дом, где воспитываются обычные дети. Почему вы выбрали именно наш, рассчитанный на слепоглухих детей?

– Дело в том, что...

Мужчина замялся, подбирая нужные слова.

– Понимаете, – супруга взяла инициативу в свои руки. – Маргарита очень похожа на нашу покойную дочку.

– Очень похожа, – тихо добавил Олег.

– Извините ещё раз... Ознакомьтесь, пожалуйста, с личным делом Маргариты Сотниковой. Вы можете начинать процедуру оформления незамедлительно.

Сегодня Тёпа спал беспокойнее, чем обычно.

Рита крепко прижимала друга к груди, гладила за круглым ушком – ничего не помогало! Был ли тому виной визит незнакомых людей или ветреная погода, Рита никак не могла понять. Машка, которая спала рядом, просунула сквозь решётчатую спинку узкую горячую ладонь, нацарапала пальчиком: «Спать!» Рита благодарно сжала Машкину ладонь и провалилась в сон...

А сейчас Рита сидит напротив Незнакомой Встревоженной Тёти и чувствует, что пространство вокруг них звенит сотней тысяч колокольчиков. Добрая Тётя пишет на Ритиной ладонке: «Мама тебя нашла». Но Рита уже давно сама догадалась об этом!

Она ощущает, как воздух вплотную подступает к ней огромной кирпичной стеной, встаёт между ней и Незнакомой Мамой. В её неокрепшей детской душе наступает полная сумятица: страх и неуверенность, желание дотронуться и в то же время спрятаться. Страх оказаться отвергнутой и непонятой.

Превозмогая себя, Рита осторожно протягивает руку в том направлении, где сидит Незнакомая Мама. Кирпичная стена вдруг бесшумно падает, рассыпаясь на мелкие кусочки, плотная пелена отступает, и воздух становится лёгким и прозрачным, как дыхание Тёпы.

Внутренним зрением Рита отчётливо видит Свою Маму. Мама сидит в ореоле яркого света. Такого яркого, что даже если крепко прижать ладонями веки глаз, всё равно свет получится много-много ярче!

– Ты – мама? – пишет Рита пальчиком на женской, слегка вспотевшей ладони.

– Да, – отвечает Настоящая Ритина Мама, и мокрая горячая капля падает в раскрытую детскую ладонь.

Дмитрий Чурсин

Реж

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «проза»)*

Для чего

Слепота оборвала активную жизнь еще с детства глухого Алексея быстро и стремительно, отрезав его от окружающего мира черной безмолвной стеной. И бесценной сокровищницей для него стала память – его богатство, его отрада, его отдушина и, одновременно, его палач и утонченный мучитель. Он помнил сияющую глубину бездонного голубого неба и слепящую белизну первого снега, пеструю палитру осенней листвы и нежные краски летнего заката, помнил яркую желтизну самых обычных одуванчиков. Слух ушел раньше зрения, но еще с детства, до того, как заболеть злополучной краснухой, Алеша впитал в себя этот волшебный мир звуков. Словно драгоценные хроники прокручивал он в сознании детский смех на игровой площадке и веселое щебетание кланчащих крошки воробьев, величественные раскаты июньской грозы и завораживающий шелест березок на ветру. Но упоительная услада этих воспоминаний была пропитана горьким, щемящим душу ядом осознания, что он никогда больше не увидит и не услышит восхитительного великолепия той простой обыденной красоты, которую, как правило, совершенно не замечают здоровые люди в суете своей мелочной повседневной жизни. Как хотелось ему хоть на денек, хоть на час, на одну-единственную драгоценную минуту вновь погрузиться в этот чарующий океан света и звуков.

Странно, всю жизнь в кипящем котле вечной городской спешки его обычно окружали совсем другие картины. Перегруженные рекламой центральные улицы с блестящими стенами стеклянных

фасадов, пестрые стальные реки разноцветных автомобилей, вылетающие из черных нор синие анаконды сотрясающих перроны поездов метро. Однако сейчас перед мысленным взором вставляли не эти урбанистические экстерьеры XXI века, а, в основном, вечные непреходящие образы живой матери-природы.

С детских лет занимаясь спортом, Алексей не привык себя жалеть. Вот и сейчас он отжимался, занимался с гантелями, упорно ворочал полуторапудовую гирию. О-о, если бы он мог тренировками вернуть себе общение с миром, если бы он только мог... Но исковеркавшая жизнь болезнь не собиралась отдавать отнятое, будь он хоть дважды упорным, хоть трижды спортсменом.

Он жил. Дни не слагались в недели, а те не складывались в месяцы. Нет. Самих дней как таковых не было – ни дней, ни ночей, ни утра, ни вечера. Была только вечная неизменная темнота, черное безмолвное течение бесконечного времени, которое словно густая вязкая смола медленно стекало по растрескавшейся коре сломанного дерева его жизни. Повседневная реальность, как усохший изюм, сжалась и съежилась до бесконтрольного сна и простой физиологии, разбавляемых лишь силовыми тренировками да редкими минутами общения с близкими. Как же он ждал этих странных разговоров, которые они вели посредством освоенной еще в детстве дактильной азбуки, с одной стороны, и письма по ладони, с другой. Чтобы Алеша ориентировался во времени, отец закрепил прямо над прикроватной тумбочкой большие кварцевые настенные часы, с которых снял стекло и прикрутил вместо него круглую дверцу на шарнире, так что сын мог в любой момент открыть ее и, осторожно ощупав стрелки, определить, который час.

Больше всего Алеша любил, когда мама делала ему массаж. Сильные работающие руки не торопясь разминали спину и шею, и в каждом их движении ощущалась нежная забота и любовь материнского сердца. Иногда руки начинали чуть подрагивать, и Леша чувствовал, как на его кожу каплют маленькие горячие капельки. Тогда он осторожно поднимался, садился на кровать, нащупывал худенькую фигурку матери и, обняв за плечи, долго гладил маму по голове, жалея и словно извиняясь, что заставляет ее страдать.

А еще он писал письма. Всем, начиная от самых близких, живших с ним под одной крышей, и заканчивая великим множеством самых разных людей, многие из которых давно уже забыли или

даже вовсе не знали о его существовании. Писал друзьям, первой учительнице и даже президенту. Правда, письма эти никогда не ложились на бумагу и никуда не отправлялись – Алеша писал их в уме, представляя перед собой молчаливого адресата. Письма скрашивали досуг и помогали скоротать время.

Как-то раз он вдруг обнаружил, что неосознанно теребит в руке свой маленький жестяной крестильный крестик, свисавший с шеи на старом выцветшем шнурочке. Семья у Алеши была не то чтобы совсем неверующей, но, подобно, наверное, большинству современных русских семей, относилась к религии равнодушно, покрестив сына скорее «на всякий случай», чем из серьезных благочестивых побуждений. И вот в этот момент Алеша внезапно задумался. Если Бог в самом деле есть, то почему, за что Он так наказал его?! Мысль наполнила сердце горечью, и к горлу подкатил комок обиды. Ну неужели он хуже и грешнее других, виновнее миллионов веселых, беззаботных ЗРЯЧИХ и СЛЫШАЩИХ людей?! Почему именно он?! За что?! Подбородок затрясся, глаза увлажнились... Говорят, мужчины раньше умирают в том числе из-за того, что не плачут и все носят в себе. Алеша привык сдерживаться, глаза оставались сухими и когда дрался в школе, и когда проигрывал на соревнованиях, и в то злополучное утро, когда он открыл глаза и впервые не увидел света. А сейчас – словно прорвало невидимую плотину, и вся масса накопившегося в душе горя разом обрушилась на него всей своей мощью. Он плакал тихо, свернувшись калачиком в углу постели и почему-то продолжая сжимать руками крестик. Сколько он так лежал – неизвестно. После слёз в душе воцарились покой и тишина. Он заснул.

Алексею приснилась маленькая старушка в длинной зеленой одежде до пят и аккуратном белоснежном платочке. Глаза у старушки были почему-то закрыты. Она подошла к нему и заботливо, словно мать, погладила по голове. Юноша услышал внутри себя ласковый голос: «Не спрашивай “за что”, спроси “для чего”. Запомни – ДЛЯ ЧЕГО...» Когда Алеша проснулся, его действительно гладили по голове. Мама, как это часто бывало, плакала над его постелью.

Сон не выходил из головы. Четко отпечатавшийся в памяти, он был реальнее его настоящей жизни не только своими красками и силой эмоций, но и еще чем-то непередаваемо глубоким

и важным, уходящим корнями в самую глубину, самую суть его души. От бабушки с закрытыми глазами исходила такая любовь, какой он ни разу не встречал в лицах окружающих. Алексей стал писать свои мысленные письма старушке из сна. Он рассказывал ей обо всем — от казавшихся теперь уже такими далекими волнений прошлой зрячей жизни до не очень разнообразных новостей скучного прозябания в четырех стенах отчего дома. Старушка являлась ему во сне еще дважды и все повторяла одни и те же слова:

— Не спрашивай «за что», спроси «для чего».

Письма Алеши стали рассудительней. Перебирая в уме факты, чувства и переживания своей жизни, он, словно из пазлов, пытался сложить из них ответ на заданный старушкой вопрос. «Для чего?» Произошедшее точно не могло способствовать его успеху в жизни — ни богатства, ни славы, ни, тем более, здоровья, слепота с глухотой ему не добавили. Семья с такими данными тоже вряд ли светит. У родителей, особенно мамы, и без того несчастных из-за глухоты сына, казалось, совсем опустили руки после нового горя. Так для чего же, для чего с ним случилось это несчастье?!

Не находя ответа, Алексей обратил свой вопрос к Творцу. Теперь в размышлениях уже не было скрытого ропота и стало гораздо меньше жалости к себе. Зато появилось искреннее желание познать и понять истинный смысл постигшей его трагедии. Незаметно для себя, Алеша стал обращаться к Богу, как к реально существующей Личности, как к Собеседнику, который может его услышать, хотя и не ждал ответа. Казалось, Алеша рассказывал Господу все то же, что писал раньше в своих воображаемых письмах. Однако, вспоминая те или иные эпизоды жизни, он теперь не жаловался на других, но видел в произошедшем свои ошибки, свое недостойное поведение. Видел и просил за них прощения, иногда со слезами. Практически каждый раз такое воспоминание о, казалось бы, давно забытом неблаговидном поступке, на миг виделось Алеше ответом на его старый вопрос «За что?» — может быть, за это? И каждый раз он сам себя останавливал:

— Нет. Не «за что», а «для чего».

Так в душу медленно приходило покаяние, в пока еще слабым свете которого были видны лишь самые большие валуны на огромном, усыпанном камнями грехов, поле.

И вот, в один прекрасный день, Алексей попросил маму привести ему батюшку – желательно такого, который знает дактиль. Мама удивилась, но выполнила просьбу сына – в обществе глухих ей подсказали адрес храма, в котором раз в месяц проводились службы для слабослышащих.

Отец Василий просидел с Алешей больше двух часов. Потом, за чашкой чая, он сообщил родителям молодого человека, что душа юноши просыпается и тянется к Творцу. Сейчас, когда материальный мир практически закрылся перед несчастным, все существо его постепенно разворачивается в сторону мира духовного – отныне там будет протекать его основная жизнь, там будут его труды, его сражения и, Бог даст, его победы. Господь даровал семье молитвенника за весь род. Батюшка договорился, что будет навещать Алексея раз в месяц и посоветовал купить или заказать три резные деревянные иконы – Спасителя, Богородицы и святой блаженной Матроны Московской.

Так прошел месяц, полгода, год... С каждым визитом священника, с каждой новой исповедью, все более и более маленькие грехи прошлого вспоминал и открывал на исповеди Алеша, все более мелкие камешки исчезали с воображаемой поляны, а под ними обнаруживались яркие сочные зеленые ростки. Это были ростки тихой умиротворенной радости, которая как-то незаметно поселилась в душе Алеши. Теперь большую часть времени он отдавал Богу – молился за себя и близких или просто разговаривал с Ним, как любящий сын с Любящим Отцом. Очищающаяся от грязи и скверны икона его души все более походила на свой Прообраз, подобное тянулось к Подобному, и в стремлении этом, как в движении подсолнуха навстречу Солнцу, и был ключ к ответу на мучивший Алешу вопрос: «Для чего?». И сердцем своим он принимал и чувствовал этот ответ.

Анна Демидова

Москва

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «эссе»)*

Письмо в неизведанные миры

За распахнутым окном — купола деревянных церквей, отблески реки, волны городского шума, тепло августа. Твои глаза-стрижки ловят мой взгляд, находят его и не отпускают. Я не могу резко отойти в сторону, даже на полшага. Мы прощаемся, а пальцы моих рук всё переводят и переводят слова. Кому?

Письмо — единственный способ самовыражения — такой простой и доступный. Слова пролетают через океаны, касаются души. Я люблю писать, также как неизменно люблю твои письма, люблю танго и миг отрыва самолёта от земли. Слёзы текут, когда ты безусловно понимаешь меня, и когда не понимаешь — тоже. Когда смотрю в небо, когда вижу кроны величественных деревьев...

Когда-то я не замечала людей, которые не видят этого мира. Училась искать их, так долго, а они были совсем рядом. День за днём, в толпе, в метро, по дороге на работу, я тренировала свой взгляд выделять людей с белой тростью. Сначала мой взор постоянно подводил меня: он просто выделял белый цвет — палочки для скандинавской ходьбы, удочку, длинный зонт, строительные рейки, всё что угодно. Это было так глупо — учить себя выделять людей в толпе. Но мозгу не прикажешь. У него свои пути поиска. Месяца через три стала видеть незрячих людей, безошибочно узнавать их издалека. В то время я со многими общалась, но иногда даже не называла своего имени. То ли боялась погружения в незнакомый мир, то ли слишком переживала из-за осуждений окружающих. Лучшая подруга за чашкой чая сказала: «Тебе что,

насколько плохо, что ты общаешься с незрячими?». На работе, в Ботаническом саду, когда я вела экскурсии для незрячих и слепоглухих людей, слышала: «И что же тебе опять таких дали...», «Снова тебе слепые достались...», «Слушай, ну они же как инопланетяне...». Девочки-сотрудницы оранжерей, увидев группу, уходили подальше, потом признавались, что боялись разрыдаться, что я замечу их слёзы. Спрашивали, как я умудряюсь вести, и ещё так весело, группы невидящих детишек... А дети были рады, и приглашали в гости, и говорили, что моё чёрное пальто похоже на вечернее платье... И рвались наперебой посмотреть осенние хризантемы и ствол амурского бархата... И подержать в руках упавшие, ещё липкие, зелёные орехи. И хотели увидеть настоящий кактус, поэтому выбирала с самыми большими и крепкими колючками! И спрашивали – как понять, что такое зелёный...

Я не знаю, почему люди плачут, видя слепоглухих и невидящих... Я не плакала никогда.

20 августа 2018 г.

Любовь Малофеева

Ижевск

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «эссе»)*

Два письма

Дорогая N, здравствуй!

В последнее время я не часто пишу тебе... Прости... Говорю строчками моего любимого поэта Андрея Дементьева, «живу не так, как бы хотелось, заели суета и быт»... Сегодня, наконец, нашла время для письма. N, я чувствую потребность поделиться с тобой воспоминаниями об одном человеке. Ты его знаешь и, возможно, даже лучше меня. Но история моего общения с ним, надеюсь, покажется тебе интересной.

Пару дней назад я спросила: «Читала ли ты книгу “Обретешь друзей”, авторами которой являются Эльвира Сираккалиева, Сергей Сироткин и Александр Суворов?». Мне важно было узнать твое мнение об этом сборнике. Ты ответила, что не читала, но слышала о ней, поинтересовалась: читала ли я?

Да, моя дорогая N, я прочитала эту книгу в 2017 году по рекомендации Сергея Алексеевича Сироткина, президента общества «Эльвира». Как ты уже догадалась, наверное, именно об этом человеке я собираюсь тебе рассказать, а упомянутая книга имеет ключевое значение в моем рассказе...

Начну с истории знакомства с Сергеем Алексеевичем.

Подчинившись воле Всевышнего, а если сказать проще, воле моего начальства, в мае 2009 года, бросив все важные дела (ремонт квартиры и дачные хлопоты), я вынуждена была отправиться в Москву, в «Реакомп», на курсы тифлосурдопереводчиков. Ты знаешь, эти курсы были организованы «Эльвирой». Там и состоя-

лась наша первая встреча. В 2013 году я была избрана в состав комиссии по работе со слепоглухими при Удмуртском правлении ВОС. Это побудило меня обратиться с письмом к президенту этой организации в целях сотрудничества.

Деловая переписка довольно быстро переросла в виртуальную беседу двух симпатизирующих друг другу людей. Искренний интерес к человеку – это тот ключик, который открывает сердца, сближает людей. Именно так у нас и было. В письмах много внимания, конечно же, уделяли вопросам реабилитационной работы со слепоглухими, деятельности общества «Эльвира», подготовки и проведения конференции удмуртского регионального отделения организации в 2016 году. Мы с легкостью могли говорить и о личных делах, общих знакомых. В процессе общения выяснилось, что в Ижевске живет бывшая воспитанница Загорского интерната Галина Бекк (в девичестве Русских), с которой они общались в школе. У Галины когда-то было остаточное зрение, сегодня она тотально слепоглая, практически ни с кем не общается, весточка от Сергея Алексеевича ее очень обрадовала.

С ним было легко общаться, он был тонким психологом, мог улавливать настроение собеседника в строчках. Однажды, после приветствия и самого начала разговора, написал: «Вижу, вы уставшая и не очень веселая». Действительно, день был полон пустой суеты, разочарований. После напряженного дня глаза болели, общее состояние было не лучшим. Я спросила: «Сергей Алексеевич, как вы это поняли?». Он ответил: «Почувствовал по строю текста, немного суховатый. Обычно у вас более бодрый и восторженный стиль».

Наш виртуальный диалог часто принимал форму душевного разговора о литературном творчестве. Я прочитала его воспоминания о первой жене «Промелькнула звезда» и рассказ Эльвиры о нем «Мой муж слепоглая». Мне улыбнулось счастье прочитать отрывок из будущей книги Сергея Алексеевича, над которой он работал по просьбе фонда «Со-единение». К сожалению, он не успел дописать ее... Доверие Сергея Алексеевича вызывало в моей душе благодарность. Я с большим трепетом приступала к чтению и открывала новые страницы его биографии, новые грани души этого необыкновенного человека. Сергея Алексеевича очень интересовало мое мнение по поводу его работ, он каждый раз настойчиво просил написать отзыв о прочитанном.

В одном из писем написал: «Надо бы вам прочитать книгу “Обретешь друзей”». Я не знала о ней. Заинтересовалась. Вскоре Сергей Алексеевич сообщил, что книгу мне привезет сарапульский слепоглухой, возвращающийся из Дома слепоглухих. История путешествия книги из Москвы в Ижевск через Сарапул длиною в месяц заставила поволноваться Сергея Алексеевича. Книга, изданная в 1978 году в Алма-Ате, сегодня стала библиографической редкостью, поэтому он переживал за ее сохранность, сетовал на безответственность и неторопливость людей, которые должны были передать её мне. В конце концов посылка благополучно достигла адресата.

Обстоятельства не позволили сразу приступить к чтению. Сергей Алексеевич с нетерпением ждал моего отзыва, о чем неоднократно напоминал мне. Прочитать и поделиться впечатлениями я смогла только летом, во время отпуска.

Итак, книга «Обретешь друзей». Что она из себя представляет? В ней три автора, три произведения, объединенные одной темой: Эльвира Сериккалиева «Время искать», Сергей Сироткин «Обретешь друзей», Александр Суворов «Изнутри».

Н, не буду подробно знакомить тебя с содержанием книги, будет возможность — сама прочитаешь. Скажу только, что в первой главе Эльвира Сериккалиева рассказывает о знакомстве и начале общения с известной четверкой слепоглухих в момент их учебы в МГУ. В основе второй и третьей глав — эпистолярный жанр. В письмах, адресованных Эльвире, — мир мыслей, чувств, переживаний авторов, Суворова и Сироткина.

Я не ставила задачу всестороннего и глубокого анализа книги. На тот момент она интересовала меня прежде всего в контексте общения с Сергеем Алексеевичем, поэтому отзыв посвящен в большей степени линии повествования о нем.

Дорогая Н, это письмо-отзыв перед тобой, оно написано 9 августа 2017 года. Читай!

«Здравствуйте, Сергей Алексеевич!

Прежде чем поделиться своими впечатлениями, хочу обратить ваше внимание на немаловажное обстоятельство, с которым, я уверена, вы согласитесь. Мы воспринимаем всё происходящее

вокруг нас сквозь призму собственного «Я». Оценка событий, явлений всегда субъективна. Она зависит от нашего жизненного опыта, индивидуальных предпочтений, от настроения здесь и сейчас...

Я не знаю, как выгляжу в ваших глазах. Свою сущность определила бы так: я соткана из множества противоречий и противоположностей. Я разная — строгая, веселая, деловая, слабая, тихая, ироничная, скромная, задумчивая, романтическая, нежная... Я женщина, прошедшая более половины жизненного пути, любившая и страдавшая, не раз ошибавшаяся и разочаровывавшаяся, но сохранившая в душе романтичность юности, нежность женской души, мечтательность, любопытство, готовность сопереживать, сочувствовать, понять чужую душу. В руках вот такой особы оказалась ваша книга “Обретешь друзей”, и этой особе сегодня в первую очередь интересна была нить романтического повествования. Симфония человеческих отношений, которые мы определяем словами Любовь, Дружба... Если эти струны зазвучат в сердцах людей, уже не важно, инвалид ты или нет, глухой, слепой, слепоглухой... Эти чувства ломают все стереотипы и преграды, сближают людей в едином порыве творчества, деятельности во благо других людей.

Мне было интересно увидеть вас глазами Эльвиры и глазами Саши Суворова. Интересно увидеть Суворова вашими глазами. Два друга — две противоположности...

Суворова я мало знаю, встречалась с ним в 2015 году в Ижевске, даже пообщалась. Возможно, он меня не запомнил. Интересно было узнать, как все начиналось в его жизни. И в вашей тоже. С большим интересом вникала в мельчайшие подробности душевных переживаний двух друзей. Живая история зарождения дружбы, сложная, противоречивая, но такая прекрасная в своем стремлении к идеальным отношениям. Вы с Сашей у гроба Александра Ивановича Мещерякова дали клятву дружбы на всю жизнь, об этом пишет Суворов. В юности кажется, что всегда так будет. Мы клянемся в вечной дружбе, но жизнь порой расставляет в отношениях людей свои акценты. Как сложились ваши отношения с Сашей после? Как сейчас? Общаетесь? Всё такие же верные друзья или жизнь вас развела по разные стороны? Очень мило желание двух молодых людей отмечать годовщины дружбы. 3 сентября — эта ваша памятная дата зарождения дружбы так же

значима сегодня? Тонкая нить человеческих отношений нередко рвется, запутывается. У вас как?

Про Эльвиру. Сколько нежности и теплоты в словах Эльвиры о вас! Мне кажется, в вас до сих пор звучит эта “ясная и прозрачно чистая, грустная мелодия...” Она очень точно определяет ваш характер, выделяет главные ваши качества. Делает это так лирично, как может делать только любящая женщина. Вы несколько не изменились! Не трудно догадаться, что в глубине вашей души все тот же “размах, борьба глубоких подводных течений”. Мне кажется, вы остались таким же, каким были в юности. Вы смогли сохранить в своей душе главное – скромность, честность, желание помогать людям.

Книга привлекает предельной откровенностью, глубоким психологизмом. Раздвоенность души, неуверенность в себе, сомнения... и в то же время огромное желание приносить пользу другим людям, творить, жить полноценно, ярко... Вы доверяете читателю самое сокровенное. Трепет вашей незащищенной души передается читателю и вызывает ответное доброе чувство, желание защитить, сберечь эту чистоту, открытость сердца.

Передо мной глубоко симпатичный для меня образ молодого человека. Он много работает, занимается общественной работой. Любит... Вика – ваша первая любовь... Эта любовная история характеризует вас как человека сильного и благородного. На примере ваших отношений можно бесконечно рассуждать на тему свободы любви и нашего эгоизма. Скажите, встречались ли вы позже с Викой, знаете о ее судьбе? Где она сейчас? Как сложилась ее жизнь?

Лирика зарождающегося нового чувства, глубоких душевных переживаний, полет мысли... – всё это так симпатично, приятно, душевно, красиво...

Ваша дружба с Эльвирой переросла в любовь. Вам улыбнулось счастье любить и быть любимым. Эльвира стала для вас другом, женой, соратницей. Любовь окрыляет, удваивает-утраивает силы. Вы были сильными вдвоем, вы стояли у истоков организации реабилитационной работы со слепоглухими.

В книге я увидела имена знакомых мне слепоглухих: Рачкина, Толмачева. Получается, с Рачкиным вы знакомы очень давно. А наш Толмачев, похоже, был любимцем многих. О нем тепло вспо-

минает и Суворов. Вы о нем (о Толмачеве) говорите в связи с вербализмом, проблемой освоения жестовиками словесного языка. Кстати, эта проблема, которую Вы поднимали еще тогда, актуальна до сих пор. Юра не глупый человек, много читает и это расширяет его возможности в словесном выражении мыслей, но все-таки он остается жестовиком. Ему, наверное, надо было учиться, нужна была грамотная педагогическая помощь.

Подытоживая, на вопрос “О чем эта книга?”, попытаюсь подобрать ключевые слова, отражающие, на мой взгляд, её суть: молодой ученый, пылкий ум, стремление познать, рождение мысли, поиск, тифлопедагогика, слепоглухота, дружба и... Любовь. Сергей Алексеевич, эта книга про любовь, которая является вечным двигателем жизни. Про любовь во всех проявлениях – к жизни, несмотря на ее несовершенство и слепоглухоту, к друзьям, к своему делу, к женщине...

Напоследок еще несколько вопросов. Сергей Алексеевич, скажите, сбылись ли ваши мечты? Всё ли удалось реализовать, о чем мечтали в юности?

Ваш друг Володя Пудовкин – вырвался ли он из тупика жестов? Как сложилась его судьба? Встречаетесь ли вы сейчас, поддерживаете отношения?

Такие впечатления и мысли у меня от книги, Сергей Алексеевич... Несомненно, другой читатель в книге выделил бы другие грани, расставил бы другие акценты...»

Вот такое письмо, N...

С этого момента наступила моя очередь настойчиво выпрашивать ответы на вопросы, поставленные мной в письме. Сергей Алексеевич отвечал очень коротко, а мне хотелось большего... А главный вопрос «сбылись ли мечты юности?» вовсе остался без ответа...

Думаю, многое из того, о чем он мечтал в юности, – сбылось... Главный итог его жизни – любовь и уважение слепоглухих России. Ты согласна со мной? В качестве иллюстрации к сказанному небольшой эпизод: было это на торжественном закрытии Европейской недели культуры слепоглухих в Москве в 2015 году. Мне хотелось подойти к Сергею Алексеевичу, прикоснуться к его рукам, поздороваться и выразить свое доброе отношение. Но я долго

не могла этого сделать – наблюдала неиссякаемый поток людей, подходящих к нему... Каждый со своим – с проблемой, радостью, благодарностью, за советом...

N, пишу тебе об этом человеке с ноткой грусти... Сергей Алексеевич ушел от нас...

Время быстро стирает из нашей памяти события, людей... Хочется, чтобы память о нем жила... Мое письмо к тебе, N, продиктовано потребностью сохранить воспоминания об этом человеке...

С грустью ставлю точку... С грустью, потому что история моя рассказана – и продолжения не будет...

Нет, я не права. Историю можете продолжить ты и другие. Расскажи мне, пожалуйста, каким он был в твоей жизни. Давай спросим об этом других людей. Получится книга памяти о человеке... Как ты думаешь – это реально?

Жду твоего ответа.

С любовью и уважением, Л.М.

Марта Любимова

Москва

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «эссе»)*

«Я хулиган, мне все равно, как я выгляжу с белой тростью»

Когда стоишь на перроне с любимыми людьми, с которыми должен сейчас расстаться, и ждёшь поезд, то он всегда приходит неожиданно. Даже когда знаешь, что состав прибудет с секунды на секунду. Вроде бы ты готов, но звук надвигающегося поезда режет душу.

В такие моменты невольно думаю: ко всему ли можно быть готовым?

Мой муж Алексей потерял зрение в подростковом возрасте. Он знал, что зрение его неизбежно будет падать, и готовился к новой для него жизни: выучил наизусть схему метро, изучил каждую трещину на асфальте и поворот бордюра своего района. Старался накопить зрительные образы: изучал альбомы с живописью и произведениями искусства, ходил в музеи для того, чтобы унести все эти образы в будущую жизнь. Я не знаю, что он чувствовал, когда настал тот день, когда он понял, что это произошло. Наверное, воспоминания о нём так же резали душу, как надвигающийся поезд. Но Алексей так или иначе был готов. Желание самостоятельно жить, передвигаться, созидать было выше жалости к себе. А вот белую трость он взял в руки гораздо позже.

Поначалу, когда в наших отношениях еще было больше интриги, Алексей пытался меня представить. Иногда перебирал женские образы, которые помнил, и спрашивал, похожа ли я на них. На мой

взгляд, ни на одно женское лицо из перечисленных моим будущим супругом я не была похожа. Тогда я сама перечисляла ему имена известных женщин, когда он ещё видел, с которыми, по моему мнению, у меня было хоть небольшое сходство. Но, к сожалению, он их или не знал, или не помнил. В итоге, у него все равно сложился мой образ. Возможно, даже лучше, чем я есть на самом деле. Но я уверена, что этот собирательный образ близок к правде.

Я инструктор по ориентированию и мобильности незрячих. Для меня важно, чтобы люди, которые потеряли зрение, продолжали самостоятельно передвигаться, вести активный образ жизни, жить максимально независимо. Чтобы они не теряли годы своей жизни. Это важно как для самих незрячих людей, так и для их семьи. Поскольку обретенная зависимость незрячего человека приводит к взаимной зависимости.

Люди, которые потеряли зрение, часто тяжело приходят к тому, чтобы начать обучаться самостоятельному передвижению с белой тростью.

Люди, которые теряют зрение, – ещё тяжелее.

Раньше людей, которые потеряли зрение, называли «поздноослепшими». Но потом коллега, которая в результате болезни почти полностью потеряла зрение и слух, как-то сказала нам: «Что это за выражение такое? Вы думаете, что когда-то поздно ослепнуть? Ослепнуть никогда не поздно!» Мы задумались и использовать странное слово перестали.

В нашей практике встретились три молодых человека, которые осознанно приняли решение о том, что им нужна подготовка к возможной будущей другой жизни в новых условиях. И пришли заранее обучаться самостоятельному передвижению с белой тростью без зрительного контроля. Девушек с подобной просьбой я не встречала. Но замечено, что среди учеников мальчиков больше.

Парень лет двадцати встретился мне в самом начале работы. Это была первая командировка с моим тогда ещё будущим мужем Алексеем. Юноша из реабилитационного центра пришёл и сказал: «Я, возможно, скоро ослепну. Научите меня ходить с белой тростью сейчас». Потом он много рассказывал о нарушенном зрении, переживаниях, планах на будущее и осознанно изучал способы

передвижения с тростью. Рассказывал, как однажды проснулся утром, а у него перед глазами — белое облако. Как застывший кусок ваты. И он боялся, что однажды проснётся, а облако перекроет все поле обзора. Я тогда только получила диплом инструктора и работала с людьми с нарушением зрения всего несколько лет. Меня многое восхищало и удивляло. Но тот парень впечатлил особо. Мы с Алексеем наперебой пытались передать ему максимум своих знаний. Старались сказать и показать все, что могло помочь ему в будущем.

Другой парень был учеником из школы для детей с нарушениями зрения, в которой я работала. Звали его Даниил. Он примерно в одно время потерял зрение и окончил школу. К этому моменту он вполне уверенно передвигался с тростью.

Между этими ребятами был ещё один. Имени не помню. Бывает так в жизни: сотни людей и судеб. А в душу проникает несколько человек, и ты несёшь их в себе всю жизнь.

Это был парень с нарушением слуха. Познакомились мы на выездной школе для молодёжи. И он, удивительный во всех смыслах человек, на тот момент уже знал, что потеряет зрение, которое начало падать.

В тот день, после групповых занятий, он познакомился со мной и попросил показать, как пользоваться белой тростью. Я, конечно, встречала в жизни позитивных людей, но такого видела впервые. Симпатичный, стильно и немного с претензией одетый. Смотришь на него и понимаешь: такому точно море по колено! Он взял белую трость ловко, непринужденно, с интересом. Мы попробовали несколько приемов передвижения с ней.

— Мне скоро она понадобится, хочу заранее научиться с ней ходить,— сказал он.

Поскольку он раньше слышал, то хорошо владел устной речью, дополняя её жестами.

Что тут ответить?

— Молодец.

А в голове пронесли варианты развития событий на несколько лет вперёд.

— Я хулиган. Мне нравится необычно выглядеть. Вот, буду ещё с тростью ходить. Мне все равно, что обо мне думают и как я выгляжу,— добавил он.

Но по внешнему виду было понятно, что не все равно. Для него было важно, как он выглядит и что о нём думают окружающие. Но ещё важнее, что он думает о себе сам.

С тех пор сотни незрячих людей приходили и уходили из моей жизни. Но раз за разом передо мной встаёт образ этого сильного и позитивного молодого человека с белой тростью в руках и его слова: «Я хулиган, мне все равно, что обо мне думают».

Дмитрий Балыкин, Ирина Жукова

Нижний Новгород/Починок

*шорт-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «СМИ/публицистика»)*

Зрячее сердце: Наталья Демьяненко

(фрагмент)

В начале июня 2021 года на радио РАНСиС вышла в эфир программа «Зрячее сердце». Ведущие Дмитрий Балыкин и Ирина Жукова. В гостях была Наталья Демьяненко из Санкт-Петербурга¹.

Дмитрий Балыкин: Здравствуйте, друзья! У микрофона Дмитрий Балыкин. В эфире программа «Зрячее сердце». В этом выпуске я хочу предложить вашему вниманию интервью с Натальей Демьяненко из Санкт-Петербурга. Это интервью мы записали вместе с Ириной Жуковой.

Наталья — очень интересный человек. Несмотря на практически полную потерю зрения и слуха и другие ограничения, она ведёт активный образ жизни: занимается журналистикой, пишет книги и любит путешествовать. Обо всём этом мы и пообщались с Наташей. Наташа, привет!

Наталья Демьяненко: Привет!

Дмитрий Балыкин: С тифлосурдопереводом нам помогает её подруга, тоже сурдопереводчик, Лана Берёзкина. Наташа, расскажи немного о себе.

Наталья Демьяненко: Родилась я здоровым ребёнком. До двух лет у меня всё было хорошо со здоровьем. В два года простуди-

¹ Послушать эфир можно в файловом архиве радио РАНСиС: <http://www.radiopage.ransis.org/index.php?name=News&op=article&sid=5337>

лась и во время ингаляции опрокинула себе на ногу кипяток. Получился внушительный ожог, вызвали скорую. Мне сделали противостолбнячную прививку и уехали. Поднялась большая температура, я стала терять сознание, ещё раз вызвали скорую, врачи увезли в больницу. Там снова сделали прививку. Поскольку я болела, меня отправили в инфекционное отделение, а маму ко мне не пускали. За несколько дней про ногу забыли, она загноилась. Возникла необходимость сделать операцию по пересадке кожи. Операцию сделали под очень большим наркозом. После того, как меня забрали из больницы, родители сперва не могли понять, что со мной происходит. Только потом обнаружилось, что я теряю зрение.

Впоследствии врачи говорили, что две прививки, сделанные по ошибке, плюс общий наркоз послужили толчком для общего заболевания, которое будет сопровождать меня всю жизнь.

К пяти годам я ослепла полностью. Ходила в специализированный детский сад. Потом училась в школе-интернате для слепых и слабовидящих детей. Школа оставила очень хорошие воспоминания. Считаю, что у нас были замечательные учителя. Много было, возможно, такого, от чего ребёнку было трудно: постоянное сидение в классе, редкие прогулки, мало активностей... Приходилось много думать, читать, общаться с преподавателями.

В 15 лет, как раз перед новогодней дискотеккой, я заболела. Поднялась высокая температура. Болезнь повлекла осложнения. Три месяца пролежала в больнице. Потом оказалось, что я сама ходить уже никогда не буду. Долго приспособливалась к коляске, а через год всё-таки пришлось в неё сесть. С тех пор так и езжу. К счастью, школу закончила успешно, в старших классах приходили учителя. Увлекалась аудиокнигами.

Ирина Жукова: Наташа, скажи, пожалуйста, когда у тебя появились проблемы со слухом и когда произошло твоё знакомство с Натальей Борисовной Кремнёвой?

Наталья Демьяненко: С Натальей Борисовной я познакомилась по переписке. Я вела тогда большую брайлевскую переписку. И, когда начала терять слух, знакомая дала мне адрес Натальи Борисовны Кремнёвой — главного редактора журнала «Ваш собеседник». Я не думала, что она ответит, — всё же пишет ей какая-то 20-летняя пигалица, но Наталья Борисовна прислала ответ! И так, что я удивилась, насколько просто, естественно! Совершенно

Наталья Демьяненко

не заметно, что пишет человек намного старше и с таким серьёзным статусом. Мы стали переписываться. Потом я попробовала написать заметку для журнала. Наталье она очень понравилась, она пригласила меня участвовать в жизни журнала.

Дмитрий Балыкин: А как ты учила дактиль? Насколько это было сложно?

Наталья Демьяненко: С дактилем мне Наталья Борисовна как раз и помогла. Я переживала, что не смогу общаться с людьми, потому что слух теряю необратимо, а способов коммуникации с глухими, тем более слепоглухими, не знала. Поделилась

переживаниями с Натальей, она и предложила учить письменно дактиль. Мне понравилось. Я получала письма от Натальи, читала описания букв и проговаривала пальцами слова.левой рукой читала книгу, а правой «говорила» знакомые буквы дактилем. А ещё включала радио и тоже: что слышала, повторяла дактильно. Потом, когда я познакомилась с одним учеником Сергиево-Посадской школы, очень боялась, что он не поймёт мой доморощенный дактиль, но он понял. Это было так приятно!

Ирина Жукова: Сейчас слепоглухие активно пользуются брайлевским дисплеем. Когда у тебя появился брайлевский дисплей и насколько он изменил твою жизнь?

Наталья Демьяненко: Брайлевский дисплей был моей розовой мечтой. Буквально грезила, хотя знала, что такой дорогой штуки у меня никогда не будет. Очень хотелось пользоваться компьютером. В конце концов, подружки из Москвы познакомили с композитором, который тогда жил в Италии,— и он помог приобрести старенький, но ещё работающий дисплей. Громоздкая такая штука-

вина! В Санкт-Петербурге не могли найти человека, который сперва подключит дисплей к компьютеру, а потом ещё и научит меня с ним «договариваться». Однажды композитор позвонил из Италии: «Ну как, Наташа пользуется компьютером?» А мама ответила, что мы даже подключить его не можем... Он возмутился и во время командировки в Россию приехал ко мне. Помню, я долго-долго училась писать тексты, пользоваться почтой, Интернетом и документами. Роль дисплея в моей жизни переоценить невозможно. Я стала общаться, получила доступ к информации. Тогда у меня была мечта – поступить в ВУЗ. Я ещё мало знала компьютер, но обнаглела до такой степени, что решила поступить. И поступила!

Дмитрий Балыкин: Я такие брайлевские дисплеи помню. Они занимали полстола! Забавная штука, если сравнить с современными дисплеями. Давай поговорим про твой опыт получения высшего образования. Как проходила учёба?

Наталья Демьяненко: Я нашла в Интернете Институт открытого образования Московского государственного университета печати. Поскольку мне очень интересно было работать с текстами, я решила, что это моё. Способ поступления был лёгкий. Вопросы задавались в электронном формате в виде тестов. Нужно было ответить на вопросы, получить баллы. Насколько помню, баллов у меня было не так много, но для того, чтобы поступить, хватило. Два года я проучилась дистанционно, сдавала такие же электронные тесты. Проблема была в том, что я не имела возможности консультироваться с преподавателями. Консультации не предполагались университетом, существовали специальные форумы, но не было случая, чтобы хоть раз преподаватель зашёл на него! Письменные работы я писала целыми днями, получалось так, что вообще не отдыхала, училась постоянно. Моя сокурсница смеялась: зря ты это всё делаешь, здесь учатся не для знания, а для статуса. Письменные работы за два года проверили только раз... Я до сих пор горжусь, что у меня по истории пятёрка. А однажды, после того как я подготовилась к экзамену по палеографии и открыла электронный тест, оказалось, что вопросы... на совершенно другую тему. И я поняла, что учиться так больше не смогу. Забрала документы. Сейчас очень жалею.

Ирина Жукова: Давай поговорим о твоём сотрудничестве с журналом «Ваш собеседник» и твоей литературной деятель-

ности. В 2015 году Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение» провёл первый литературный конкурс, на котором ты заняла первое место в номинации «Рассказ».

Наталья Демьяненко: В 2015 году я уже активно сотрудничала с журналом. И мне предложили поучаствовать в литературном конкурсе, который проводил Фонд. Я не сразу решилась, потому что раньше в конкурсах не участвовала, но Наталья Борисовна уговорила. Тема конкурса: рассказ о жизни слепоглухих. Я долго думала, как это подать? Если я буду рассказывать, как чищу картошку вслепую, пытаюсь говорить по телефону или ещё что-то, это будет неоригинально, и я решила рассказать о жизни слепоглухих от имени моих собаки и кошки. Они и были главными героями. Попыталась с чувством юмора отобразить жизнь слепоглухих, проблемы и достижения. Очень удивилась, когда оказалось, что я заняла первое место. Честно говоря, боялась, что люди не отнесутся всерьёз к такому «шедевр». А после конкурса мой рассказ передали в зрячие школы... Однажды к нам в гости пришёл мужчина, протянул книжку с изданным рассказом и пакет с собачьим кормом. Получилось что-то вроде первого гонорара.

Ирина Жукова: Недавно Фонд издал твою книгу о незрячей девушке Милене. Как возник её замысел и существует ли прототип Милены?

Наталья Демьяненко: Миленя — полностью вымышленный персонаж. Я не первый раз замечаю, что люди, после того как прочитают Милену, начинают ассоциировать меня с ней. Возможно, какие-то черты я Милене передала, но, в целом, это вымышленная девочка. Я хотела, чтобы она была симпатичной, приятной, но неидеальной, живой. Чтобы была в меру вредной и в меру доброй. Например, в первой книге она узнаёт о знакомстве брата с его любовью и притворяется больной, ревнует. Когда я стала писать, решила, что для моей Милены это уж слишком. Изменила сюжет. В целом, стараюсь не делать людей идеальными. И потом, это совершенно не я, — она лучше меня.

Ирина Жукова: А как у тебя появляются такие захватывающие сюжеты?

Наталья Демьяненко: Я люблю детективы, поэтому создаю сюжеты близкими к детективным. В то же время, не хочу, чтобы было как в классических детективах, когда о злодее узнают в самом

конце. Мне хочется, чтобы его можно было психологически вычислить. Почему он это сделал, почему столкнулся с необходимостью совершить зло...

Дмитрий Балыкин: Тема предсказания будущего – тоже интересная. Ты сталкивалась с людьми, которые говорили, что могут предсказать будущее?

Наталья Демьяненко: Я не сталкивалась, но, надо сказать, бывает так: скажу что-то уверенно, и это сбывается! Это смешит, а иногда немножко пугает. Но когда я задумала Милену, решила сделать акцент на этих редких случаях. Чтобы у Милены были такие способности, и чтобы они от неё не зависели.

Дмитрий Балыкин: Где были опубликованы книги про Милену? Где наши слушатели могут их прочитать?

Наталья Демьяненко: Все три «Милены» выложены на сайте «Проза.Ру»².

² <https://proza.ru/avtor/demyanenko>

Ольга Туркина

Санкт-Петербург

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

* * *

В дожди, в дорогу, в суету,
стараясь жить помедленней,
виснув собой на рычаге слепоглухой
машины переработки жизни
в надежде при-
остановить

вдруг замечается:
мы кровь-в-кровь одно лицо.

Рассвет

Свет по белой стене с виноватой улыбкой крадётся
руками... У этого света
улыбка осторожная, как у слепых женщин;
лучи встают, к стене почти что прилипая,
и ждут. Теперь любой, да и любая
убить их сможет. Приговорёнными стоят
к расстрелу.

Елена Дрантусова

Харьков (Украина)

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «поэзия»)*

Философия материнской ЛЮБВИ

Ты ладошками трогаешь тишину,
Утонув в её бесконечности...
Мой сыночек, не плачь... Я тебя отниму
У тягучей бесцветной вечности...

Отниму тебя у беззвучных ночей!
Стану сильною, самой верною!
Точно воин, пройду через сто мечей,
Чтоб открыть для тебя ВСЕЛЕННУЮ!

В этом мире большом, где шумят ветра,
Где подснежники пахнут свежестью,
Ярко-рыжее солнце встаёт с утра,
Удивляя медовой нежностью!

В этом мире идёт теплый дождь весной!
Ты коснись смелых струй ладошкой!
Мы по лужам побегаем вместе с тобой,
Рассыпая брызги-горошинки!

Я создам НАЧАЛО всех важных начал!
Переделаю все МИРОЗДАНИЕ!
Чтобы мир непонятым быть перестал,
Ключ найду к его пониманию!

Мы услышим с тобой тишину миров!
Мы узнаем, что звёзды яркие!
Пусть мой шёпот, надежда... моя ЛЮБОВЬ
Для тебя одного – подарками...

Ольга Павлова

Барнаул

лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «проза»)

Новые ботинки

*Довольство – не результат наличия
определенного количества благ, а
состояние Сердца, которое умеет
быть довольным и благодарить!*

Нисаргадатта Махарадж, индийский гуру

Виктора Николаевича всё раздражало с утра. Так испортить его настроение мог только один человек – собственная жена. Да и одновременно на себя злился, что поленился довести дело до конца. Ведь пора уже было понять, что ни на кого надеяться нельзя, всё надо делать самому, тем более, если это делаешь для самого себя. Сорок лет, а похоже, что жизнь ничему его не учит.

Вчера, после завтрака, решил он сходить в торговый центр, что находился недалеко от дома. Случайно заглянул в обувной отдел, где накануне поступил в продажу новый товар. И понял, что чудеса встречаются в жизни. При нём продавец ставила на витрину прекрасные мужские ботинки, о которых он уже давно мечтал. Взяв их в руки, Виктор Николаевич понял состояние человека, выигравшего в лотерею. Это были шикарные и модные высокие зимние мужские ботинки. Замшевые, чёрного цвета и с подкладкой из натурального меха отличного качества. Он давно хотел именно такие, с застёжкой в виде молнии и с износостойкой подошвой из полиуретана. С размером проблем не было. А вот денег с собой оказалось меньше, чем требовалось для покупки. Пришлось до-

говариваться с продавцом, чтобы отложили ботинки на два часа. Довольный потенциальным приобретением, он поспешил домой за деньгами.

Дома жена ему сообщила, что Виктору Николаевичу уже дважды звонили с работы и просили приехать на завод,— аварийная ситуация. Срочно требовался наладчик. Пришлось дать указания по покупке ботинок супруге, а самому бежать на работу. Вернулся домой только к вечеру. На столе лежала коробка с ботинками. Откинув крышку, Виктор Николаевич к своему ужасу увидел совершенно другие ботинки.

Воскресное утро не радовало. Чтобы не видеть жену, виновницу его трагедии, он вышел погулять к соседним магазинам.

«Задержалась она немного, не успела за нужное время управиться, чтобы выкупить ботинки. Неудивительно, такая шикарная обувь ни минуты не простоит на прилавке, если вновь выставить. Знаю, как она не успела. Наверняка, побежала сначала в отдел косметики, а потом одежду подбирала себе. Стоит ей только попасть туда, сразу голову теряет», — продолжал злиться супруг, проходя мимо киосков.

Около одного из них он увидел семейную пару, которая привлекла его внимание. Им обоим было около пятидесяти лет. Они внимательно изучали новую покупку. Женщина читала надписи на коробке, а мужчина, сидя в инвалидной коляске, примерял наушники. Одновременно шло обсуждение их качества. Наконец, весело рассмеявшись, случайные встречные развернулись и пошли дальше, навстречу Виктору Николаевичу, который увидел, что у мужчины, сидящего в коляске, нет ног.

«Лучше уж без ботинок остаться, чем без ног. Из-за ботинок переживаю вместо того, чтобы радоваться, что руки-ноги есть. Точно, ума не нашил к своим годкам», — сочувственно глядя на коляску, бормотал под нос заводской наладчик, позабыв про свои обиды и плохое настроение.

Лидия Петровна была довольна покупкой. Вот уже полгода после ампутации ног у мужа она всячески пыталась занять его, отвлечь от невесёлых мыслей. Длительная и изнуряющая болезнь сделала своё дело. Врачам пришлось пойти на крайние меры, удалив преподавателю физики ноги. Теперь он долго не спал ночами,

сидя за компьютером или телевизором, засыпая только под утро. Чтобы не беспокоить домашних, купили ему наушники.

— Петя, мне надо посмотреть кое-что из продуктов. Поехали в продуктовый магазин, — предложила жена, заглядывая в кошелек.

— Нет, я тебя тут подожду, людей немного, погода хорошая. Да и ты быстро всё купишь. Я тебя знаю, — отказался муж, выглядывая удобное место для коляски, — ты иди, я пристроюсь около вон тех лавочек, дождусь тебя на улице.

Пётр Алексеевич, выполнив резкий поворот и управляя пультом, поехал к линии скамеек вдоль пешеходной дороги. Колёса инвалидной коляски с электроприводом плавно преодолевали неровные препятствия. Он остановился около второй скамейки и стал ждать жену. Почитав все надписи на коробке от наушников, Пётр Алексеевич заскучал.

Неожиданно его внимание привлекли два молодых человека, которые отдыхали на соседней скамейке. Они разговаривали жестами, иногда беззвучно открывая рот. Учитель физики задумался о методике обучения детей с потерей слуха и не заметил, как к нему вернулась супруга с продуктами. Наконец отправились домой.

«Инвалиды они и я. Отличие в том, что они, похоже, с детства, а я всего полгода. Да, не повезло ребятам. Не повезло даже больше, чем мне. Лучше не иметь ног, чем не слышать красоту музыки, пение птиц, как шуршит опавшая листва. Всё-таки я — ещё счастливчик», — сделал вывод Пётр Алексеевич и улыбнулся жене, встревоженной его длительным молчанием.

Кирилл и Олег встретились после вступительных экзаменов в университет. Результаты были известны. Оба поступили, но на разные факультеты. Их переполняла радость. Жестикулируя, друзья делились впечатлениями. Подружились они ещё в школе-интернате для глухих, где расставались только на каникулы, когда родители забирали их домой. В начальных классах мальчики в свободное от учёбы время посещали технический кружок, где занимались моделированием и конструированием. Позднее перешли на программирование.

Порадовавшись друг за друга, они решили идти в гости к Олегу. Он жил неподалёку. На удивление, в этом году тёплый август ре-

шил продлить жаркое лето. Во дворе пятиэтажного дома, в тени песочницы возились дети под присмотром матерей. Весело поднимаясь на третий этаж, они обогнали подростка с пожилой женщиной. На мальчике были тёмные очки, в руках — трость, которой обычно пользуются слепые.

— Это твои соседи? — губами спросил Кирилл.

— Напротив живут, — ответил жестом Олег.

«Да мы просто счастливички, лучше не слышать, чем не видеть красоту, которую мы видим каждый день. Как же нам повезло, что мы — можем видеть», — переглянувшись понимающими взглядами и сочувственно вздохнув, размышляли друзья, подходя к дверям квартиры Олега.

Егор вместе с бабушкой поднимался по лестнице, когда их обогнал сосед с другом. Вчера он отметил пятнадцатый день рождения. За праздничным столом сидели всей семьёй, а сегодня родители решили поработать на даче, пока папа был в отпуске. Егор не хотел ехать за город в жару и решил погостить несколько дней у бабушки, Светланы Леонидовны, которая обещала внуку ещё один подарок, если тот побудет с ней во время отъезда родителей.

После чая и лёгкого перекуса она решила перейти к вручению подарка. Внук был от рождения слеп. Каких только врачей и специалистов они ни посетили, сколько порогов ни обили, везде выносился неутешительный вердикт. В результате, они научили Егора и самих себя — принять ситуацию и продолжать жить.

Светлана Леонидовна принесла из спальни коробку и положила её перед подростком. Вчера она случайно увидела, как выкладывают на прилавок пару мужских высоких замшевых зимних ботинок. В чёрном цвете они смотрелись утончённо и элегантно. Продавец сказала, что покупатель, отложивший на время обувь, выкупить её не пришёл.

Егор на ощупь открыл коробку и достал ботинки. От волнения у него перехватило дыхание. Пальцы ощущали мягкую замшу с бархатистой поверхностью. Нежный мех внутри обуви ласкал его руку. Лёгкими прикосновениями он прочитал рисунок на мягкой подошве. Егор был счастлив, радость переполняла его. На его лице были восторг и блаженство. Он уже давно мечтал о такой прекрасной обуви, но стеснялся сказать об этом родным.

«Какое счастье, что я имею руки, ноги, слышу, чувствую и живу. Какое счастье, что около меня столько любящих родных и близких. А теперь такой дорогой подарок мне приготовили, о котором и мечтать стеснялся,— прекрасные новые ботинки!»

Валерия Гречина

Зеленоград

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «проза»)*

Оливковая косточка¹

Мои руки – щупальца, они постоянно что-то ощупывают. И сама я – ощупь. Зрачок заплыл за горизонт и больше не вернулся. Укатился к чертовой матери. И мне приходится прятать глаза за очками. Я играю в жмурки каждый день, нащупываю щетку, выдавливаю пасту, она пахнет мятой. Распахиваю холодильник и достаю кефир. У него бутылка, как у молока, только крышка рельефная. Булочка зачерствела, и мак осыпался. Ну и ладно.

Мама попросила надеть платье. На ощупь – они все холодные. Натянула толстовку, спряталась в капюшоне.

Вечером мама даже не подошла ко мне. Сидушка была твердая, скользкая. Мамин локоть остро колот меня, как будто хотел отомстить за толстовку. Папу я узнала по запаху, от него пахнет, как от квашеной капусты, когда волнуется.

Интересно, о чем они говорят. И сколько их. И какие они. Мякотная бабушкина рука дотронулась до меня. Сунула мне вилку. Зубчики холодные, острые, как мамин локоть. На тарелке что-то маленькое, округлое. Оливка. Помню, как попробовала ее в первый раз. Я сидела под столом и ощупывала ноги гостей. А потом вылезла и стащила что-то со стола. «Виноград» – обрадовалась я и сунула в рот. А потом долго плевалась.

Но сейчас я не буду плеваться. Я попробую вкус и то, что тянется за ним, как хвост. Она соленая, как морская вода. И маслянисто-

¹ В основу рассказа положен эпизод из жизни Алёны Капустьян.

кислая. А внутри – косточка. Я сжала кулак и выплюнула ее в щелину между пальцами. Сжала еще сильнее. Она была в тисках ладони, как я в тисках этого длинного стола.

Я сидела долго и ковыряла вилкой в тарелке. Больше делать было нечего. Иногда распахивала руку, надеясь, что до нее дотронутся. Пальцы переплетутся в танце. И я узнаю, о чем говорят за столом. Моя рука лежала, как кленовый лист, который засыхал, засыхал. И стал уже осыпаться по краям.

Я пошла в свою комнату, села на край кровати. Казалось, это обрыв. И я рухну вниз с этого обрыва. Натянула шнурки от толстовки, обвязала вокруг горла и начала сдавливать, как оливковую косточку в кулаке. Стало трудно дышать, но я сдавливала еще сильнее.

А потом были папины руки и мамины, и бабушкины. Они переплетались и танцевали. Кулак разжался, косточка выпала.

Юлия Анохина

Калининград

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «проза»)*

Бисер

Я шла и думала о своем. Мой взгляд то падал на камни под ногами, то на голубое небо. Я сердилась на маму. Пинание пыли помогало успокоиться и собраться с мыслями.

«Ну если я девочка, неужели я должна уметь шить? Вот маме повезло, у нее руки откуда надо растут, а мне нет. Для меня все эти стежки — настоящее мучение. Зачем люди их придумали?»

Мне было 13. Моя цель — показать миру, на что я способна, что я могу. И это явно было не шитье.

Мой взгляд привлек яркий блеск в одном из окон. Я знала, что находится в этом здании. Предмет продолжал сверкать и искриться, как новогодняя елка. Он тянул к себе.

Я повернула на улочку, прошла мимо деревьев, встала на яркий красный порог и потянула ручку.

Дверь медленно отворилась. Меня встретила тишина. Свет горел в коридоре, но вокруг никого не было.

Это был небольшой городской музей прикладного творчества. Я была здесь однажды с родителями. Любой желающий может выставить свои поделки (как я их называла) на суд зрителей. Таковых здесь было немного. Иногда проходили крупные выставки, в другое время работы просто ждали своих наблюдателей.

Новых предметов было немного. Вот тряпичная кукла, ее я помнила еще с прошлого года. А вот игрушки из дерева. Тоже были в тот раз. А это что-то новенькое. Таких слонят я не видела. «Техника — валяние». Интересно. И выглядит реалистично.

Я быстро прошла по коридорам в поисках того самого окна. Слышны были только мои шаги да стук часов. Я подумала, что смотрительница музея ушла домой и забыла его закрыть.

Кажется, это то самое окно.

— Вау! — вскрикнула я, — какая красота! Вот бы мне такой браслет!

Возле окна я наконец нашла сверкающий предмет. Это был браслет, сделанный из миллиона бисеринок. Сверкающие золотым, лиловым, серебряным и даже оливковым, они искрились на закатном солнце.

Странно, но браслет не был подписан как экспонат выставки. Выглядело все так, как будто его случайно оставили. Мне захотелось забрать такое сокровище себе. Его цвета манили. Лишь только в голову пришли эти мысли, я услышала звук шагов, а затем и голос.

— Здесь кто-то есть?

Я молчала.

— Я слышу, что вы здесь. Чем я могу вам помочь?

Ладно, сдаюсь.

— Э-Э... здравствуйте. Я случайно к вам зашла, но не переживайте, я уже ухожу.

Шаги быстро приближались. Через пять секунд я увидела в дверном проеме женщину.

— Нет-нет, можете остаться. Еще 30 минут до закрытия.

Я взяла браслет и подошла к ней.

— Возьмите, опасно оставлять на виду такую красоту. Его даже с окна видно. Из-за него я и пришла сюда.

Я протянула ей браслет, но она не торопилась его брать.

— Что за красота?

Женщина вытянула руку, пытаюсь нащупать браслет. Я удивилась. «Она что, не видит его?»

Я отвела руку с браслетом влево. Кисть женщины ушла в другом направлении и блуждала по пустому пространству.

— Девочка, положи мне на ладонь то, что ты держишь.

Я послушалась. Ее пальцы сжали бисер и стали тщательно его ощупывать. Я никогда не видела таких красивых и длинных пальцев.

— Вот и браслет нашелся. Где он был?

- На подоконнике. Так это ваш браслет?
- Я его сделала в подарок. Поэтому не могу сказать, что он мой.
- А где вы нашли такой красивый бисер?
- А он красивый? Какие цвета там есть?

Я стала перечислять:

– Красный, фиолетовый, изумрудный, золотистый, салатный, пурпурный...

– Ох, подожди, столько цветов, надо же!

– Да вы сами посмотрите! Здесь даже больше, чем я перечислила. Женщина сняла очки и посмотрела голубыми глазами.

Но не на меня, а куда-то вдаль.

– Я бы взглянула, да не могу. От глаз только цвет и остался.

И я осознала, что передо мной. Как я могла себя так глупо и невежливо вести!

– Простите, пожалуйста, меня. Я еще никогда не встречала слепых людей.

– На самом деле, я слепоглая. С ушами вроде разобралась с годами. Слышать мне помогает специальный аппарат. А вот зрение уже не будет.

– Сочувствую вам. Должно быть, это очень тяжело – не видеть. Да еще и не слышать!

– Ко всему можно привыкнуть.

– Вы сказали, что сделали браслет сами...

– Да, я занимаюсь и зарабатываю на жизнь созданием украшений из бисера. Мне с детства нравились эти маленькие камушки.

– А в детстве вы тоже были слепоглахой?

– Нет. Однажды, когда мне было семь, я ударилась головой об угол стола. Да так неудачно, что стала терять слух и зрение. Сначала я перестала слышать, а потом и видеть. За три года моя жизнь повернулась на 180 градусов.

К моим глазам подкатывали слезы, в горле застрял комок.

– Бисер для меня – все. Я не вижу его, но чувствую каждый кушочек моего будущего браслета. Я составляю его так, как мне велит сердце и душа. Для этого не нужно видеть глазами, я внимательно смотрю сердцем.

Я сдержала накатывающие слезы. Женщина не была жалкой и несчастной. Ее взгляд олицетворял спокойствие, а изнутри шли тепло и доброжелательность.

– У вас настоящий талант. Повезло тому, для кого вы сделали такой подарок.

– Это для тебя. Можешь взять его себе.

– Но вы же сказали, что он уже приготовлен для кого-то?

– Я готовлю свои украшения для хороших людей, которых встречаю на пути. Сегодня это ты. Поэтому бери себе и носи с удовольствием.

– Спасибо! Можно я еще как-нибудь приду?

– Конечно. В любое время. Я всегда рада посетителям.

Я забрала браслет и осторожно вышла из здания. Пахло летним вечером, закат окрасил небо в ярко-оранжевые цвета, листва шуршала на деревьях. Я вдохнула свежий воздух и побежала домой.

Попробую еще раз мамины стежки. В этот раз все получится.

Тамара Мартынова (1942-2021)

Орск

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «эссе»)*

Брат и сестра

1. Спасибо, что вы есть!

А.Ф. Знобищев – брат

Красивая, статная женщина с короткой прической и выразительными руками – руководитель общества слепоглухих «Преодоление» города Орска. Никто не узнает, что Валентина Ивановна инвалид первой группы по зрению.

Зная проблему слепоглухоты изнутри, она сплотила вокруг себя слепоглухих от рождения. Все равны перед законом, но не все равны перед судьбой.

Долго была Валентина Серегина в поиске. Сначала члены общества приходили на заседания к тотально слепым, затем к тотально глухим. Но слепоглухие – это отдельный мир: они не видят, как общаются с помощью жестов, и не слышат, что говорят. Это люди со своими страстями, эмоциями. Нужно понять их, помочь приобщиться к реальной жизни, чтобы они не оставались в созданном ими мирке. Так непросто достучаться до человека! А Валентине Ивановне это удастся. Не зря у неё «говорящие руки». Дотронется до каждого, проводит, усадит и объяснит с помощью прикосновений, что нужно делать, скажет, что человек выглядит достойно. Заучивает слова песни, обсуждает новый рассказ из «говорящей книги», и со своими помощниками старается сделать человека счастливым. «Тех, кого мы любим, мы обязаны

сделать счастливыми» – такой девиз выбрала себе Валентина Ивановна.

Волонтерство не очень распространено в нашем городе, и поэтому Валентина Ивановна очень ценит помощников. Все они инвалиды, но посвящают жизнь тем, кто слабее их.

Знает она, что мир и чувства другого человека неприкосновенны. И с уважением относится к окружающим, всеми силами пытается помочь страждущим.

Так появился в обществе Анатолий Федорович – человек интеллигентный, имеющий высшее образование, проработавший на заводе «Южуралмаш» 30 лет в конструкторском бюро. И хотя ушел на пенсию, к нему часто обращаются за советом, настолько хорошо он владеет теорией конструирования. И вот этот человек оказался замкнут в мирке семьи. Как ему было тяжело, знает только он сам... Валентина Ивановна долго пыталась расшевелить, заинтересовать ушедшего в себя человека. Но он почти ничего не слышал и не видел – и не хотел принимать помощь. «С детства меня мучил вопрос, почему из пяти моих братьев и сестер только я, старший брат, и моя младшая сестра имеют такую болезнь, которую не могут объяснить доктора?» – говорит Анатолий Федорович. С каждым годом зрение и слух, и без того ослабленные, становились все слабее. Он боялся сказать об этом жене – вдруг станет ненужным. Пока различал свет, старался быть полезным в доме и на даче. Сделал рамку по размеру грядки, вставлял в неё на колени и сажал овощи. Вместе с Валентиной Ивановной прослушали они много «говорящих книг», прочитали много статей о слепоглухоте в Интернете. Местная медицина «отвергала» слепоглухоту, а она есть. Это страшно, когда происходит одновременная потеря зрения и слуха. Название его болезни – синдром Ушера.

Когда понял Анатолий Федорович, что не один он в мире с таким диагнозом, успокоился и стал спокойно смотреть в будущее, «дружить» с болезнью и жить позитивно, а это и есть счастье. С помощью высококачественных слуховых аппаратов, полученных через Фонд социального страхования, он может общаться по телефону, слушать любимые передачи по телевизору, не мешая домашним. Он шутит и прекрасно танцует. К нему вернулась музыка. Его понимают. Теперь бы еще овладеть белой тростью, но это для него не проблема.

2. Я снова живу

В.Ф. Васильева (Знобищева) – сестра

Брат и сестра с синдромом Ушера состояли на учете в обществе слепых. Но им было некомфортно. Ведь они почти не слышали. И в общество слепоглухих стали приходить вместе. Сестра скромно садилась и слушала, не вступая ни с кем в контакт. Отстраненная, закрытая на все замки. Только спустя время узнали, что эта красивая женщина в 15 лет осталась круглой сиротой и должна была самостоятельно выстраивать жизнь. Она – мама двух замечательных сыновей, которые живут в Москве. Валентина Федоровна старается не показывать, что у неё одновременное нарушение слуха и зрения. Живет она в Гае, в собственной квартире, делает по дому все сама. Свой подъезд она украсила цветами, и сама за ними ухаживает.

У Валентины Федоровны высшее образование. Работала в Челябинской области инженером-сметчиком. Эта профессия требует кропотливого труда и четкого зрения. Не заметила женщина, как подкралась коварная болезнь. Когда обратилась к врачу, та, избегая жестких слов о том, что её ждет полная слепота и глухота, предложила ей первую группу инвалидности. Но нахлынувшие чувства не позволили Валентине Федоровне согласиться. «У меня все нормально!» – резко ответила она. Время было упущено. Потом врачи долго не могли распознать синдром Ушера, и к 30 годам зрение и слух были потеряны.

Никого не пускала Валентина Федоровна в свой мир. Личная жизнь не сложилась, но она продолжает бороться за счастье и делает это с достоинством. Две сильные женщины, председатель общества «Преодоление» Валентина Ивановна и Валентина Федоровна, много беседовали о смысле жизни, о том, что необходимо не только работать, но и продолжать развиваться: ходить в театр, на концерты, слушать «говорящие книги», углубленно изучать компьютер, учиться Брайлю, владению тростью и т.д. Валентина Ивановна вместе с другими слепоглухими регулярно ездит в Гай. Валентина Федоровна радуется таким встречам и как радушная хозяйка накрывает стол. На прощание обязательно подарит каждому пакет со сладостями.

Питомник предложил Валентине Федоровне собаку-поводыря. Эта собака, идя впереди хозяйки, останавливается перед препятствиями, и слепой человек должен с помощью трости определить и обойти его. Собака знает команды «на почту», «магазин», «аптека» и т.д., то есть – это глаза и уши слепоглохого человека. Валентина Федоровна три месяца жила в Москве и обучалась уходу за животным. Это оказался настоящий друг и помощник. Человек и животное преданно любили друг друга. Ни на день не оставляла своего друга хозяйка: купала, вычесывала, гуляла. Люди с ослабленным зрением не выходят вечером на улицу, но однажды в три часа ночи собаке стало плохо, и Валентина Федоровна с трудом вывела её – в надежде, что на воздухе ей станет легче. Но животное упало на землю и уже не поднялось. Плач и рыдания неслись к небесам. В темных окнах квартир загорелся свет, соседи с сочувствием смотрели на рыдающую женщину, но помочь не могли. От новой собаки Валентина Федоровна отказалась. Слишком тяжёлый удар терять любимого питомца.

Валентина Ивановна отправила свою подопечную на социокультурную реабилитацию в Дом слепоглухих в Пучково. После беседы с отцом Львом Валентина Фёдоровна исповедовалась, причастилась. Получила благословение батюшки.

Есть путь, которому надо следовать, чтобы жить полноценной жизнью и помогать другим. Благодаря спонсору у Валентины Федоровны есть лучшие средства реабилитации, даже дорогой планшет, который она освоила великолепно. На нем она написала рассказ о себе и послала на литературный конкурс, организованный фондом «Со-единение». На всю жизнь запомнит Валентина Федоровна, как на заключительном банкете во время проведения Европейской недели реабилитации и культуры слепоглухих, она, счастливая, стояла на сцене, и весь зал, вся Европа аплодировала ей. Такое невозможно забыть!

Валентина Федоровна благодарна всем, кто помог ей вернуться в обычный ритм жизни. Мир так широк и многогранен, что трудно впуская прожить жизнь. Впереди много светлого и хорошего. И у Валентины Федоровны все получится, она обязательно станет победителем не только очередных конкурсов, но и победителем своей судьбы!

Светлана Пономарёва

Верхний Уфалей

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «эссе»)*

Об Аркадии Грязеве

*Давайте жить, во всём друг другу потакая,
Тем более, что жизнь короткая такая.*
Булат Окуджава

Лето. На улице хорошая погода, солнечная и жаркая. Совсем недавно прошёл юбилейный день рождения нашего города. 260 лет.

Слушая местное радио в этот день, я услышала песню на стихи Аркадия Дмитриевича Грязева «Гимн Уфалею». Это и побудило меня написать об этом человеке.

Аркадий Дмитриевич в 2003 году, потеряв слух и зрение и став инвалидом 1 группы, вступил в Верхнеуфалейское общество слепых.

Родился он 6 февраля 1932 году в Верхней Тавде Свердловской области. В семье было семеро детей. Все сплочённые, дружные; как могли, помогали друг другу. В самое тяжёлое для страны время, в 1942 году, принял на себя руководство бригадой в колхозе. А юному бригадиру было всего-то 10 лет... И проработал до 1947 года. В том году выпросился Аркаша учиться и уехал в город получать знания. Окончил ремесленное училище и в 1950 году пошёл в армию, служил за границей, в Порт-Артуре. В армии на боевом задании получил ранение в голову, был комиссован и приехал в Верхний Уфалей. Пришёл на Никелевый комбинат, где проработал до 1985 года – крановщиком в плавильном цехе. «Ве-

теран Великой Отечественной войны», «Ветеран труда». Женат. Воспитал двоих сыновей.

Аркадий Дмитриевич всю жизнь активно участвовал в самодеятельных кружках и коллективах (был непревзойдённый танцор и сольный певец!), занимался спортом. Стихи пишет с семилетнего возраста. Сначала небольшие четверостишия, затем – школьная стенгазета уже не обходилась без его стихов.

С 2003 года, как потерял слух и зрение, сочиняет стихи и держит их в памяти. Мало что может доставить ему больше удовольствия! Пишет на разные темы: о малой родине (наверное, нет такого места в наших краях, которое Грязев бы не воспел!), войне, событиях из жизни нашей страны, космосе; о людях – и простых, и артистах, о природе и многом другом... Поэта приглашают на поэтические вечера организации социальной защиты, культуры и в Общество слепых.

Аркадий Дмитриевич участвовал в челябинских областных поэтических конкурсах общества слепых и фестивалях инвалидов. Его стихи вошли в сборники Челябинской областной специализированной библиотеки для слабовидящих и слепых «В кругу друзей», «Времена года», «Я выбираю чистую планету». Иногда печатается в местной газете «Уфалейский рабочий». Принимал участие в «Бажовском фестивале».

Самодеятельный хоровой коллектив «Надежда» (ВОС) исполнял «Гимн Уфалею» на фестивалях инвалидов «Смотри на меня, как на равного», занимал призовые места.

*Председатель Собрания депутатов
Верхнеуфалейского городского округа
Е.В. Большакова вручает подарок А.Д. Грязеву*

Хочется рассказать один случай из жизни нашего героя.

Однажды мы проводили реабилитационное мероприятие, посвящённое Дню защитника Отечества и 8 Марта. В программе было и выступление Аркадия Дмитриевича, но так случилось, что он не смог присутствовать на празднике...

В один из февральских холодных и вьюжных дней случилось непоправимое – у него сгорел дом. Об этом мы узнали накануне мероприятия. Дождавшись машину, поехали на место происшествия. Дом (вернее, то, что от него осталось) выглядел, как гнездо: середина выгорела дотла, а по краям – остатки стен. А дом был добротный. И всё там было: и баня, и хозяйственные постройки, и крытый двор, и припасы на зиму, и живность, и сторож – собака, из-за гибели которой сокрушалась жена Грязева, Ида Перфильевна.

Пожар начался в три часа ночи. Чета Грязевых спокойно спала, помывшись вечером в баньке. Проснулась хозяйка. Она увидела освещённую кухню и подумала, что забыла выключить свет. А когда поняла, обомлела: горел двор, и дом был уже охвачен пламенем. Разбудив мужа, Ида Перфильевна попыталась выбраться. Разбив оконное стекло (поранив при этом руки), она с трудом протиснулась сквозь отверстие и поспешила за помощью. Соседи позвонили в пожарную службу. Машины приехали быстро. Но после трёхчасовой борьбы с огнём дом спасти так и не удалось...

Аркадия Дмитриевича – с обгоревшими руками, спиной, грудью и лицом – вытащил сосед. До этого хозяин сам пытался справиться со стихией. Взяв ведро с водой, пошёл тушить. Страшно то, что человек, лишённый зрения, не представлял обстановки и масштаба пожара. Он хотел уберечь добро, нажитое и созданное, как и дом, своими руками за долгие годы. В это время Грязев не думал об опасности. Как хозяин, он должен был защитить своё детище. Вместе с домом сгорела и пенсия, которую супруги получили незадолго до пожара...

Аркадий Дмитриевич долго лежал в больнице. Отёки спадали медленно, началось воспаление лёгких. Жена жила у сына. Будучи в тяжёлом состоянии, Грязев передал через неё, что его не будет на концерте, а потом переживал: как мы без него.

Его песню прочли на празднике (в день репетиции мы записали её под диктовку автора). Люди молчали, сражённые новостью, всем сердцем желали ему скорейшего выздоровления. Даже ходили в храм поставить свечи за нашего маленького кумира.

Как пережил он этот пожар?! Ведь каждое брёвнышко, каждая уложенная половица, каждый прибитый гвоздик — дело рук хозяйина. (Приобрести жильё вновь помогли родственники.)

Мечта Аркадия Дмитриевича — изложить сочинения на бумаге. А их более трёхсот пятидесяти. Руководители Верхнеуфалейской местной организации Всероссийского общества слепых записывают его стихи под диктовку, на диктофон, переписывают старые рукописи, но этого недостаточно.

Мы ежегодно проводим авторские вечера Аркадия Дмитриевича к его дням рождения и юбилеям. Тогда он — самый счастливый человек на земле.

Иногда мы читаем его стихи сами, меняя манеру исполнения (сам он читает немного нараспев). И только в конце говорим, кто автор, привлекая внимание зрителей и даже удивляя их. Но Аркадию Дмитриевичу, разумеется, хочется читать самому...

Сейчас нашему герою 89 лет. На следующий год, дай Бог здоровья, будет юбилей. Он не страдает провалами памяти, по-прежнему крепок. Поддерживает себя в форме: делает ежедневно пять тысяч шагов по комнате. Поскольку собеседников почти нет, поёт и читает стихи вслух, поддерживая память. Летом у него своя аудитория: выходит на улицу и читает стихи детям (у него есть и детские стихи). А те с удовольствием слушают вместе с бабушками произведения нашего поэта. Аркадий Дмитриевич очень общительный. С удовольствием рассказывает истории из своей жизни, чем тоже притягивает слушателей.

Много нереализованных идей у нашего поэта, думаю, многие из них ещё воплотятся. Жаль, время неумолимо бежит вперёд. «Сегодня — первый день твоей оставшейся жизни», — сказал мудрец.

Так что будем помогать друг другу, ценить жизнь и жить!

Марина Платонова, Алексей Пижонков

Казань

*лонг-лист конкурса «Со-творчество»
в номинации «Произведения
о слепоглухих/слепоглухоте»
(категория «СМИ/публицистика»)*

На светлой волне творчества¹

Алексей Пижонков: Бытует мнение: если Бог забирает у человека одно, то обязательно даёт что-то другое. И чем больше отнимется, тем больше воздастся. Впрочем, те, кто не разделяет данную точку зрения, вполне могут найти подтверждения в науке: вспомним хотя бы закон сохранения энергии из школьного курса физики.

Марина Платонова: К чему мы это? К тому, что история героини данного материала вполне подходит под сказанное. Лишённая зрения, с частичной потерей слуха, эта девушка ведёт активный образ жизни: плетёт из бисера, лепит из глины, играет на музыкальных инструментах и поёт, занимая призовые места как на российских, так и на международных конкурсах.

Алексей Пижонков: Знакомьтесь, Карина Жакова. Карина, расскажи о себе.

Карина Жакова: Родилась я 31 год назад в Брянске. Там же училась и выросла. Моя мама по образованию воспитатель, она когда-то работала в детском саду, и в мои три года познакомила меня с пластилином. Я стала осваивать лепку, вначале с самых простых изделий, а потом постепенно переходила к сложному. Также в дошкольном возрасте я познакомилась с природными материалами,

¹ Материал опубликован в звуковом общественно-политическом, литературно-художественном журнале «Диалог» Всероссийского общества слепых (№ 3 за 2020 год).

создавала поделки из желудей, каштанов и шишек, ну а в школьные годы перешла к более сложному. В одиннадцать лет в мою жизнь вошла глина, которую я сразу же полюбила. У меня были прекрасные наставники! В пятнадцать лет стала заниматься бисероплетением. Начинала с самых простых цветочков, постепенно перешла к картинам и деревьям. Петь стала с раннего возраста. Занималась в реабилитационных центрах после школы, учась в ВУЗе, два года посвятила академическому вокалу...

Марина Платонова: В каком вузе ты училась?

Карина Жакова: В Брянском государственном университете им. академика И.Г. Петровского. Два с половиной года пыталась освоить специальность дирижёра-хоровика и преподавателя гитары, но перегрузилась, а ещё сказались пробелы в знаниях сольфеджио, гармонии. Да и атмосфера была достаточно напряжённая. Перевелась на социального педагога и окончила вуз по этой специальности.

Марина Платонова: Расскажи, пожалуйста, об истории твоего псевдонима – Roxy Light.

Карина Жакова: В подростковом возрасте мне очень хотелось получить прозвище – звучное, запоминающееся. Но никто его не давал, банально как-то – Карина, Карина, Карина – а это имя мне, честно говоря, с ранних лет не нравилось. Вот и подумала: я люблю рок-музыку, светлую рок-музыку, и так в 2002 году в моей жизни появилось слово гоху, означающее любовь к року. Потом я узнала, что в Питере существовал журнал с таким же названием, а позже выяснила: ещё была и группа английская. А light пришло к 2010 году, чтобы подчеркнуть мою приверженность к светлой музыке. Я меломан. Музыку слушаю абсолютно разную: рок, джаз, блюз, тяжёлый металл, в том числе, экстремальный. Когда-то увлекалась техникой вокала гроулинг и пробовала его воспроизводить.

Марина Платонова: О-о, даже так?!

Карина Жакова: Да, но это почти убило мои связки, пришлось их восстанавливать.

Марина Платонова: Скриминг ещё ведь есть, да?

Карина Жакова: Да, но его я не пробовала.

Марина Платонова: Скриминг ещё тяжелее для связок?

Карина Жакова: Да, скриминг – душераздирающий хриплый крик, переходящий в визг.

Марина Платонова: А гроулинг?

Карина Жакова: Это рычание утробное.

Марина Платонова: Ты в таком амплуа выступала?

Карина Жакова: Нет, только дома записывала, это пригодилось на конкурсе лучшего металлического звукового письма. Я тогда активно слушала передачи Дмитрия Добрынина на «Радио России» и принимала в них участие.

Марина Платонова: В твоей жизни много конкурсов. Расскажи о самых интересных.

Карина Жакова: Начиналось всё с районных конкурсов, потом я стала участвовать в областных, потом — во всероссийских и, наконец, в международных. Но первый значимый — в 2006-м, в Ростове — «Ярмарка талантов», организованная ВОС. Я стала победителем в номинации «Декоративно-прикладное творчество». Это была одна из моих первых значимых побед. Она меня окрылила и дала силы двигаться дальше.

В 2014 году я получила международную премию «Филантроп» в номинации «Преодоление. За гранью возможного» — тоже за декоративно-прикладное творчество: бисероплетение и художественную лепку. Три раза пыталась стать лауреатом этой премии, и вот на четвёртый добилась своего.

Марина Платонова: А в музыке?

Карина Жакова: В моей жизни была гитара — в старшие школьные годы и в начале студенчества. Потом на какое-то время я оставила музыкальные занятия, а с 2015 года стала заниматься вокалом под руководством Бениамина Эдуардовича Мирзояна. Он был руководителем Брянского городского эстрадного оркестра, — чутким наставником, старшим другом, прекрасным советчиком. Он помог поверить в свои силы, настроил на победы, на то, что нужно работать серьёзно и много, внимательно относиться к каждой ноте, к каждому нюансу, который, на первый взгляд, незначителен.

Марина Платонова: Твои музыкальные предпочтения меняются со временем?

Карина Жакова: Расширяются. Я ближе познакомилась с такими стилями, как фанк и соул, а также углубилась в джаз-рок.

Марина Платонова: Как бы ты могла охарактеризовать свой репертуар?

Карина Жакова

Карина Жакова: Он достаточно разнообразный — и на любой вкус. То есть я могу исполнить как лёгонькую песенку для невзыскательной публики, так и джазовый стандарт.

Марина Платонова: А каких песен больше в твоём ре-

пертуаре — русских или иностранных?

Карина Жакова: Не подсчитывала, но, думаю, примерно поровну.

Марина Платонова: Ты только что вернулась из-за границы. Расскажи, пожалуйста, об этой поездке.

Карина Жакова: Мы решили совместить приятное с полезным: съездить на отдых в Черногорию и побывать на конкурсе «Серебряный дождь». Это инклюзивный международный конкурс, в котором могут принять участие все желающие в различных номинациях: «Хореография», «Вокал», «Живопись», «Инструментальное творчество», но в этом году по техническим причинам участвовали не все.

Марина Платонова: Как ты выступила?

Карина Жакова: Жюри присудило мне первое место в номинации «Эстрадный вокал» — это были композиции Игоря Николаева «Там нет меня» (на стихи Павла Жагуна) и Жака Бреля «If You Go Away», а в номинации «Джазовый вокал» я стала второй.

Марина Платонова: Ты довольна выступлением?

Карина Жакова: Если жюри довольно, отчего мне быть недовольной?

Марина Платонова: Знаешь, как бывает у творческих людей, — вроде бы, хорошо сделал, но можно ещё лучше, нет предела совершенству.

Карина Жакова: Это всегда так, но сейчас результат показать удалось. Надеюсь, в следующем году смогу лучше.

Марина Платонова: Ты каждый год участвуешь в конкурсах?

Карина Жакова: Конечно. В этом году мне повезло: в моей жизни было два инклюзивных конкурса, абсолютно на равных со здоровыми людьми.

Марина Платонова: Ты чувствуешь себя свободно, не комплексуешь?

Карина Жакова: Само собой. Я даже не вспоминаю, что незрячая, и зритель мне об этом не напоминает, аплодирует тепло и в одушевлённо.

Марина Платонова: А второй конкурс какой был?

Карина Жакова: «Солнце, радость, красота» – в солнечной Болгарии, в Несебре, там я заняла третье место в номинации «Эстрадный вокал» – с песней «Нас бьют, мы летаем» из репертуара Наргиз Закировой (музыка Андрея Ктитарева, слова Джахан Поллыевой).

Марина Платонова: А бывает так: ты просыпаешься, а у тебя в душе и мыслях песня звучит?

Карина Жакова: Бывало. Мне однажды приснилась очень красивая мелодия, я помнила, как она звучит, но стоило проснуться, и всё исчезло, к сожалению, записать не успела.

Марина Платонова: Сегодняшний день у тебя с какой песней ассоциируется?

Карина Жакова: Сейчас у меня в душе кошачье мурлыканье, потому что я возвращаюсь домой, а дома меня ждут три прекрасных кота: Абрей, Таисия и Никон. Старший кот – американский бобтейл (Абрей), достаточно экзотичный, абсолютно чёрный – и усы, и нос, и когти; хвост короткий, десять сантиметров, закрученный по спирали, это особенность бобтейлов. Мощный кот, пять с лишним килограммов, кость широкая, короткая, гладкая, плотная шерсть. Тася – британская длинношерстная, её предки – персы. Шёрстка мягкая, нежная. А Никон – снежная тувелька. Эта порода выведена благодаря тайской кошке и американской короткошёрстной. Все наши коты когда-то были либо в приюте, либо на улице.

Марина Платонова: Кто тебя поддерживает на таком ярком творческом пути?

Карина Жакова: Мама. Она является моим внегласным продюсером, постоянно находится в поиске конкурсов, даёт ценные

советы, продумывает сценические образы, а в бисероплетении помогает со сборкой и оформлением изделий; в работе с глиной помогает расписывать и покрывать изделия лаком, потому что эстетику никто не отменял.

Марина Платонова: Что тебя вдохновляет на творчество?

Карина Жакова: Музыка, общение с природой и животными, купание в море, его шум. Море – моя любовь с первого всплеска. За последние годы удалось познакомиться с Чёрным морем, со Средиземным, немного с Адриатическим, но совсем чуть-чуть.

Марина Платонова: Можно сказать, что ты счастливый человек?

Карина Жакова: Конечно.

Марина Платонова: Что составляет твоё счастье?

Карина Жакова: Возможность заниматься любимым делом и получать от этого огромное удовольствие, а также дарить радость другим.

Марина Платонова: О чём ты мечтаешь?

Карина Жакова: Идти вперёд и только вперёд, не останавливаться на достигнутом и продолжать творческое развитие.

Знание о самих себе

«Мечта? Мечта! Сбываются мечты!» — говорю я в финале спектакля о слепоглухих людях «Прикасаемые/In Touch», поставленного «Инклюзионом». Вот и мечта Сергея Алексеевича Сироткина сбылась. О том, что у талантливых слепоглухих будут возможности и ресурсы проявить себя в разных сферах, — в том числе в литературной. Появились удобные брайлевские дисплеи, доступный Интернет. Были созданы Фонд поддержки слепоглухих «Со-единение» и веер сопричастных организаций, которые делают всё, чтобы у слепоглухих было всё необходимое. Так родился и литературный конкурс «Со-творчество».

...Каждый раз приступая к чтению текстов, смотрю на фамилии участников и радуюсь появлению новых имен — и тому, что те, кто уже принимал участие в конкурсе, продолжают присылать работы, стараясь повысить уровень владения словом.

Оценивать поэзию непросто — дело это довольно субъективное. Тем не менее, существуют объективные принципы языковой культуры, есть выработанные за жизнь ощущения искренности, настоящести, жизненности. Будучи с детства слепоглухим человеком, я чутко ловлю настоящесть вложенных в слова и строчки мыслей и переживаний, и именно эта настоящесть для меня первый (и важнейший) критерий при оценке читаемого. Владение словом, звучанием текста — тут мне всегда вспоминается моя учительница русского и литературы, которая требовательно и принципиально относилась ко всему, что я писала, не делая скидок на мою слепоглухоту. Порой доводя до слез, — а я от руки по несколько раз переписывала куски текстов классиков и свои сочинения... Зато всю жизнь я пишу, занимаюсь литературством: это и работа, и творческая потребность.

В 2021 году прошел уже третий литературный конкурс «Со-творчество», работ пришло очень много, больше, чем на предыдущие, причём вместе взятые! Добавились и участники из разных стран — как слепоглухие, так и зрячеслышащие, что делает конкурс по-настоящему международным.

В «Поэзии» на первом месте Евгения Смоленская. Ее стихи очень трогательные, а мастерство значительно возросло в сравнении с прошлыми годами. Порадовала и Алена Капустьян, которую судьба подбросила мне «под крылышко» с самого начала театрального проекта «Прикасаемые»; я помогала ей найти себя и в литературном творчестве.

Номинация «Проза» – освежая память, заглянула в тексты. И не удержалась, перечитала рассказ лауреата I степени Веры Филатовой, очень по-доброму и с юмором пишет! Любовь Молодых на втором месте, и тоже заслуженно, я давно с интересом читаю ее тексты. Они живые, по-настоящему проникновенные.

Владимир Елфимов, лауреат III степени в номинации «Эссе» (простите, что не называю всех лауреатов) – в каждом конкурсе участвует по-настоящему, от души, всей своей жизнью. И пишет о сложном и добром, потому что ищет доброе в любой сложной ситуации...

Тексты от зрячеслышащих участников, на мой взгляд, стали интереснее и живее. Понимание слепоглухих и темы слепоглухоты год от года углубляется и становится серьезнее, а что еще важнее – проникновенно-человечнее. Меня зацепили стихи Нади Делаланд, хотя я вообще-то критично отношусь к поэзии без прописных букв и знаков препинания, но в стихотворении Нади так много глубины...

Порадовалась и тому, что лауреатом I степени (в категории «СМИ/публицистика») стала Анна Демидова: ее посты в Фейсбуке, в которых она всегда помнит о незрячих и слепоглухих читателях, оставляет ясные и детальные тифлокомментарии фотографий, – делают её победу ещё более заслуженной и приятной.

Все произведения, вошедшие в сборник, несут ценное послание людям: каждое стихотворение, эссе или рассказ – не просто занятая история чьей-то жизни, но и изнанка мира слепоглухих, их внутренний мир – и тех, кто соприкасается с ними или задумывается о пространстве тишины и темноты...

Считаю, что тексты этой книги будут полезны и интересны всем, кто их прочитает – они помогут лучше узнать о жизни и творчестве слепоглухих. И даже о самих себе.

Ирина ПОВОЛОЦКАЯ,

*литератор, художник, театральный и общественный деятель,
член Союза журналистов России*

Члены жюри литературного конкурса «Со-творчество»

Соколова Наталья Дмитриевна (председатель жюри) — исполнительный директор Фонда поддержки слепоглухих «Со-единение».

Поликанов Дмитрий Валериевич — заместитель руководителя Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество). Кандидат политических наук.

Домокурова Марина Олеговна — руководитель отдела маркетинговых и корпоративных коммуникаций компании Canon Россия.

Суворов Александр Васильевич — поэт, психолог, слепоглухой. Доктор психологических наук.

Кремнева Наталья Борисовна — главный редактор журнала «Ваш собеседник», слепоглухая.

Коркунов Владимир Владимирович — журналист, литературный критик. Член Союза журналистов России. Кандидат филологических наук.

Поволоцкая Ирина Михайловна — поэтесса, актриса, художница, общественный деятель, слепоглухая. Член Союза журналистов России.

Демьяненко Наталья Александровна — поэтесса, прозаик, слепоглухая. Обладатель гран-при конкурса «Со-творчество».

Волох Елена Владимировна — поэтесса, прозаик, эссеист, слепоглухая. Двукратный победитель конкурса «Со-творчество».

Котова Ирина Владимировна — поэт, хирург. Лауреат Малой премии «Московский счет». Доктор медицинских наук.

Балла Ольга Анатольевна — критик, эссеист, библиограф. Редактор отдела философии и культурологии журнала «Знание-Сила» и отдела критики и библиографии журнала «Знамя».

Содержание:

Свет на кончиках пальцев.

Предисловие Натальи Соколовой 3

Другое измерение.

Предисловие Анны Голубковой 5

ПОЭЗИЯ

Евгения Смоленская (*Москва/Троицк*)

Стихотворения 12

Алексей Пижонков (*Казань*)

Стихотворения 15

Алекс Гарсия (*Сан-Луис-Гонзага, Бразилия*)

перевод с португальского Анны Орлицкой

Стихотворение 20

Алёна Капустьян (*Мытищи*)

Стихотворения 22

Александр Нелюбин (*Челябинск*)

Любовь в огне войны. Поэма (отрывок) 25

Максим Чёрный (*Люберцы*)

Сказка о купце Харитоне (отрывок) 30

Ольга Семененко (*Ленинградская область*)

Стихотворения 37

Любовь Малофеева (*Ижевск*)

Стихотворения 40

Галина Ушакова (*Сочи/Кингисепп*)

Стихотворения 43

Михаил Кременецкий (*Астрахань*)

«Весенний дождь...» Стихотворение 49

Карина Жакова (*Брянск*)

Стихотворения 51

Светлана Михайлова (*Уфа*)

Сегодня женщина придёт. Стихотворение 53

Литературный конкурс «Со-творчество»

Татьяна Кирьянова (<i>Екатеринбург</i>)	
<i>Стихотворения</i>	54
Ирина Экимашева (<i>Псков</i>)	
«Ноябрьский вечер...» <i>Стихотворение</i>	56
Дмитрий Сурков (<i>Челябинск</i>)	
<i>Любимой. Стихотворение</i>	57
Аркадий Грязев (<i>Верхний Уфалей</i>)	
<i>Размышления о Чеченской войне. Стихотворение</i>	58
Альбина Снижко (<i>Москва</i>)	
<i>Просто МЫ – другие, выросшие в СССР. Стихотворение</i>	60

ПРОЗА

Вера Филатова (<i>Москва</i>)	
<i>Попьем кофейку? Рассказ</i>	64
Любовь Молодых (<i>ст. Озерки, Алтайский край</i>)	
<i>Петух. Хомячок в шаре. Рассказы</i>	68
Галина Ушакова (<i>Сочи/Кингисепп</i>)	
<i>Улыбка Елены. Рассказ</i>	74
Александр Галан (<i>Тюмень</i>)	
<i>Шайтан-колодец. Рассказ</i>	79
Арина Деньмухамедова (<i>Оренбург</i>)	
<i>Отдыхающая бабуля. Рассказ</i>	88
Сергей Новожеев (<i>Владивосток</i>)	
<i>Жить как все! Рассказ</i>	91
Михаил Кременецкий (<i>Астрахань</i>)	
<i>Это родина Моя. Рассказ</i>	96
Василий Малеев (<i>Иркутск</i>)	
<i>Приключения на тракторе. Рассказ</i>	102
Виталий Рольщиков (<i>Железнодорожный</i>)	
<i>Девочка-кошка. Как мальчик девочкой стал. Откуда в лесу поганки. Рассказы</i>	104
Алёна Капустян (<i>Мытищи</i>)	
«Боялась глубоких ям...» «Замерев на месте...» <i>Рассказы</i>	108

ЭССЕ/ПУБЛИЦИСТИКА

Любовь Малофеева (<i>Ижевск</i>)	
Война в истории моей семьи. <i>Очерк</i>	112
Михаил Кременецкий (<i>Астрахань</i>)	
Второе рождение. <i>Эссе</i>	119
Турнбьёрн Свенссон (<i>Рюдебекк, Швеция</i>)	
<i>перевод с шведского Наталии Первойой</i>	
Открытое письмо мистери Ушеру. <i>Эссе</i>	131
Владимир Елфимов (<i>Новосибирск</i>)	
«Знал бы, где упаду, заранее соломки бы подостлал...» <i>Эссе</i> .	133
Алёна Капустьян (<i>Мытищи</i>)	
«Самое вдохновляющее для меня место – море». <i>Эссе</i>	137
Валентина Васильева (<i>Гай</i>)	
Все мы родом из детства. <i>Эссе</i>	139
Владимир Рачкин (<i>Пермь</i>)	
Личная страница в книге о войне. <i>Очерк</i>	143
Елена Какорина (<i>Москва</i>)	
Спасибо, Геленджик! <i>Эссе</i>	146
Ирина Жукова (<i>Починок</i>)	
Унывать не дают приключения. <i>Юмористические зарисовки</i> ..	151
Андрей Марков (<i>Санкт-Петербург</i>)	
Фрагменты из мемуаров А.А. Маркова	160
Валентина Серёгина (<i>Орск</i>)	
Дорога памяти. <i>Эссе</i>	165
Вера Лыженкова (<i>Москва</i>)	
Краткие автобиографические истории	168
Александр Галан (<i>Тюмень</i>)	
Город, которого нет. <i>Эссе</i>	175
Карина Жакова (<i>Брянск</i>)	
Живая, воплощённая душа. <i>Заметка</i>	179

ПРОИЗВЕДЕНИЯ О СЛЕПОГЛУХИХ/СЛЕПОГЛУХОТЕ

Надя Делаланд (<i>Москва</i>)	
«дом заброшенный но...» <i>Стихотворение</i>	184
Юта Летц (<i>Москва</i>)	
Столкновение с криком. <i>Рассказ</i>	185

Литературный конкурс «Со-творчество»

Елена Васильева (Санкт-Петербург)	
Какой твой самый большой страх? Эссе	192
Анна Демидова (Москва)	
Цветы Битцы. Статья	194
Олег Дозморov (Лондон)	
Стихотворения	200
Кристина Курченкова (Минск)	
Какого цвета твой танец. Рассказ	202
Дарья Грицаенко (Москва)	
Обычные особенные. Эссе	208
Юлия Крывелёва (Москва)	
Помогать людям и радоваться жизни. Жизнь с особым ребёнком. Интервью	210
Сергей Шабuцкий (Бонн, Германия)	
«Мамой называется...» Стихотворение	219
Елена Смирнова (Москва)	
Языком цветов. Рассказ	221
Анна Рытик (Москва)	
Жизнь в темноте. Эссе	225
Наталья Бесхлебная (Москва)	
Азбука слепых	228
Любовь Колесник (Ржев)	
«Если конь ослепнет...» Стихотворение	235
Алексей Шихалёв (Ижевск)	
Встреча. Стихотворение	237
Валерия Гречина (Зеленоград)	
Стихотворения	239
Ирина Юрчук (Ольденбург, Германия)	
Ночь по Брайлю. Стихотворение	240
Владислав Черейский (Санкт-Петербург)	
«прикосновение – буква...» Стихотворение	242
Наталья Колмогорова (Самарская область)	
Нежный цветок Маргаритка. Рассказ	243
Дмитрий Чурсин (Рез)	
Для чего. Рассказ	246
Анна Демидова (Москва)	
Письмо в неизведанные миры. Эссе	251

Любовь Малофеева (<i>Ижевск</i>)	
Два письма. <i>Эссе</i>	253
Марта Любимова (<i>Москва</i>)	
«Я хулиган, мне всё равно, как я выгляжу с белой тростью».	
<i>Эссе</i>	260
Дмитрий Балыкин, Ирина Жукова (<i>Починок/Нижний Новгород</i>)	
Зрячее сердце: Наталья Демьяненко. <i>Радиоэфир (фрагмент)</i> ...	264
Ольга Туркина (<i>Санкт-Петербург</i>)	
<i>Стихотворения</i>	270
Елена Дрантусова (<i>Харьков, Украина</i>)	
Философия материнской ЛЮБВИ. <i>Стихотворение</i>	271
Ольга Павлова (<i>Барнаул</i>)	
Новые ботинки. <i>Рассказ</i>	273
Валерия Гречина (<i>Зеленоград</i>)	
Оливковая косточка. <i>Рассказ</i>	278
Юлия Анохина (<i>Калининград</i>)	
Бисер. <i>Рассказ</i>	280
Тамара Мартынова (1942-2021) (<i>Орск</i>)	
Брат и сестра. <i>Эссе</i>	284
Светлана Пономарёва (<i>Верхний Уфалей</i>)	
Об Аркадии Грязеве. <i>Очерк</i>	288
Марина Платонова, Алексей Пижонков (<i>Казань</i>)	
На светлой волне творчества. <i>Радиоэфир</i>	292
Знание о самих себе	
<i>Послесловие Ирины Поволоцкой</i>	298
Сведения о членах жюри	300

Литературно-художественное издание

СЛОВО НА ЛАДОНИ

*сборник по итогам III литературного конкурса
для слепоглухих (и о слепоглухих)
«Со-творчество»*

Выпускающий редактор *Владимир Коркунов*
Макет *Светлана Демидова*
Дизайн обложки *Сергей Ивкин*
Корректор *Елена Коровкина*

Бумага офсетная
Гарнитура PT Sans, Montserrat
Тираж 300 экз.
Подписано в печать 08.02.2022

Отпечатано в типографии ООО «Паблит»
127282, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1
Тел.: (495) 230-20-52